1985 год.

1985 год.

4 января 85 г.

Отстаю от событий. А они суетны.

Огорчился перед Новым годом за Пономарева: Косолапов, когда спрашивал разрешения напечатать в «Коммунисте» написанное нами для Б.Н. заключение к восьмитомнику «Международного рабочего движения», получил от Зимянина указание – снять сноску, что это – заключение, пусть, мол, будет просто статья… Зимянин теперь так распоряжается в отношении Б.Н., будучи ниже чином! Но главное в другом – он отражает «мнение», что не надо в официальном партийном органе фиксировать связь Пономарева (на многие 10-летия вперед) с этим фундаментальным изданием… Т.е. готовят нашего Б.Н. к выносу. Думаю, он не переживет XXYII съезд, во всяком случае, в качестве секретаря ЦК.

На службе почти каждый день приносит свидетельства его беспомощности. Его главная сейчас забота – отстоять хоть что-то от воображаемого им для самого себя «ореола» создателя третьей (1961) Программы партии. Он никак не может примириться, что жизнь разнесла в куски это «его детище». И все пеняет на интриги то Горбачева, то Черненко, а, главным образом, - на «кудрявого» (так он называет помощника Черненко Печенева) и отчасти Александрова и Загладина. Жалуется мне, ищет во мне хотя бы собеседника и сочувствующего. Но я, естественно, отмалчиваюсь. Вот выпущена в № 18 «Коммуниста» статья Черненко, написанная в основном тем же Печеневым. Но Б.Н'у она серпом по яйцам, выражаясь языком академика Арбатова.

Сочинили (по указанию Пономарева) предложения в ЦК «о сплочении МКД» – о новом Совещании. Теперь он будет его мариновать, боясь вызвать раздражение: не лезь, мол, со своим МКД, когда у всех на уме предстоящий съезд.

… Можно приписывать такое отношение к нашим делам (делам Международного отдела) геронтологии и некомпетентности, отсутствию политической культуры, ленинского размаха. Однако – это лишь по форме. По существу же, действительно, «наши делишки» с «укреплением сплоченности МКД» стали анахронизмом. И, естественно, вызывают здоровую досаду на фоне вполне реальных и трудных проблем.

Загладин заболел перед Новым годом. Его статьи появляются каждую неделю (не гипербола) то в одном, то в другом журнале. Пошлейшие банальности облекает в приличную, временами красивую журналистскую форму и выдает за теоретические эссе. Многие так и воспринимают его сочинения. Но у большинства литературно и политически грамотных людей такая патологическая плодовитость вызывает насмешки, а в Отделе начинают понимать, что это, в частности, и за счет того, что «по службе» он практически ничего не делает, кроме приема делегаций (что также стало своеобразной сублимацией его графомании).

На днях на него пришла анонимка из Международной ленинской школы … и на Панкова – ректора вкупе. Они дружны со времен МГИМО, более 30 лет. Загладину клеят гонорары, полставки, которые он не вырабатывает (это вздор) и «прикрытие» Панковского лихоимства. Он и его замы ухитряются зарабатывать по 1200 рублей в месяц.

Горбачев распорядился: Пономареву, Лихачеву и Зимянину разобраться и доложить в ЦК, т.е. делу дан ход.

Сам Б.Н. «расписал» письмо Шапошникову, Рыкину и Топорикову, т.е. уже пошел на преднамеренное разглашение (и дискредитацию Загладина) по довольно большому кругу. Об анонимке я узнал от Рыкина. А сегодня Б.Н. велел, чтоб я прочел сам текст.

Не знаю, повредит ли это Загладину, но Панкову явно повредит перед съездом: делегатом его уже не выберут. Лигачев, хранитель партийной морали, не позволит.

1 января встречали Новый год с Пламами. Хорошо порассуждали. Он только что вернулся из турне по Филиппинам, Тайланду, Лаосу и Сингапуру.

А я, в свою очередь, разглагольствовал о душевных для меня последствиях романа Рыбакова «Дети Арбата». Это, в самом деле, роман века, такое «художественное исследование» эпохи, рядом с которым почти гениальная «Поднятая целина», посвященная тем же годам, превращается в провинциальное примечание. И какое бы это было нравственное очищение общества, если бы книгу дали напечатать!

7 января 85 г.

Вот такие пассажи появляются в «Правде» (некая Ольга Кучкина – статья о самодеятельных театрах в Москве)… И все делают вид, что подобная интерпретация «Гамлета» относится к кому-то вообще! Слушайте:

«В «Гамлете» две удачи: образ Гамлета и образ спектакля в целом. Найден ритм отлаженного механизма, в котором «прогнило что-то» только для обостренного самосознания и миросознания Гамлета – для остальных привычный механизм работает пока еще нормально. Плетутся интриги, заговоры, человеческое достоинство и сама жизнь не имеют цены. «Он человек был в полном смысле слова», отец принца Гамлета, его и убрали, и теперь торжествуют властолюбие, личные корыстные интересы искусно выдаются за государственные».

Арбатов сообщил: отменен Пленум по НТР, т.е. вопрос об НТР снят. То ли потому, что не хотят Горбачева в роли докладчика, наказывают за Англию, то ли потому, что нечего сказать или невозможно сделать то, что скажут.

9 января 85 г.

Сегодня в «Правде» об итогах встречи Громыко-Шульц в Женеве. Неожиданно позитивное, особенно для меня, который знал, каковы были директивы у нашего и с чем ехали (по их публичным заявлениям и их печати) американцы. Вот, если бы на самом деле сдвиг!!

И стирается как с надоевшей пленки вся эта пономаревско-шапошниковская суета с «активизацией» антивоенного движения. Это – если смотреть со служебного моего угла. А вообще-то так оно и должно быть, ибо иначе не может быть: нет реальных противоречий, нет смертельного столкновения действительно жизненных интересов, как было в 1914 или в 1940-41 годах. А из-за одной идеологии в конце XX века при ядерном оружии воевать, видимо, не станут. Из-за идеологии воюют во Вьетнаме, в Афганистане, на дальних окраинах «цивилизованного мира».

Пономарев все терзает меня с Программой (КПСС). Это раздражает, потому что, когда надо было писать сам текст, он меня даже не попытался сунуть в «рабочую группу» а когда хочет латать плохо сделанное, подсовывает мне «вне контекста» (т.е. соседних абзацев и страниц – не трогать). От злости я не упускаю случая тыкать его носом в пошлые места. Многословие, повторения, дешево-

пропагандистский язык, поверхностность…, а ведь писали умные, ученые, компетентные люди. А все потому, что писали человек 20 сразу и постоянно оглядывались на разных начальников: понравится – не понравится.

Словом, рождается текст, который очень разочарует тех, кто не равнодушен, кто еще ждет от Программы партии свежего, нового заряда для мысли и предмета гордости за свою партию. Гордиться, скорее всего, будет нечем.

Вчера секретариат ЦК. Три часа. Впервые – о работе парткома посольства, в данном случае ФРГ.

Потом – о положении с производством обуви. Бардак отменный. Но не это меня «огорчило» – привычное дело! Я почувствовал, что Горбачева начинает затягивать «текучка». Вчерашнее обсуждение чем-то напоминало аналогичные при Кириленко (по своей хаотичности и беспомощности). Каждый министр доказывает с цифрами, что иначе – при таком обеспечении, снабжении, оборудовании, финансировании, и т.п. – и не могло быть. И сделать он или рекомендовать ничего не мог и не сможет. И секретари ЦК поговорили, поувещевали, покритиковали, записали хорошие призывы и указания в постановление, а коренным образом проблему не поставили, и она не будет решена.

<u>12 января 85 г.</u>

В четверг принимал экс-капитаншу Сан-Марино, которая в сентябре принимала меня в своем средневековом дворце в качестве главы государства. Глаудиа Раккини, лет 36. Теперь она просто член ПБ компартии. А с ней – Умберто Барулли – экс-генеральный секретарь КП. Приехали выторговывать льготы у наших торговых ведомств, чтоб снизить безработицу и сохранить КП у власти. Пообещал поощрить интернационалистский коммунистический дух у наших торговцев. Пообедали вместе. Поболтали непринужденно. Барулли- то тертый калач в отношениях с нами, а она была несколько, кажется, обескуражена «естественностью» советских (так и итальянцы называют граждан СССР) в обращении с иностранцами.

Была у меня двухчасовая беседа с Червоненко. В качестве зав. отделом он направляется в инспекционную поездку в США и Канаду. Говорил я ему, что там посольские должны бы делать, но они и то, что делают, делают неважно (за исключением ракетно-стратегической проблематики).

Добрынин (посол в США) был у Б.Н., ко мне он не привык захаживать, я для него мелочь. Да и Пономарева-то он посещает, потому что тот его зовет, а не потому, что это ему, Добрынину, нужно по делу.

Бовина и Фалина не переизбирают депутатами в Верховный совет РСФСР. Арбатов призвал меня оказать «моральную поддержку» Сашке «в этот трудный для него период». Сказал ему, что просил за Бовина у Горбачева, но тот ничего не сделал. Иначе и не могло быть. Бовин – в партийной элите и член Ревизионной комиссии ЦК КПСС – это одна из причуд Брежневского кумовства. В нормальных же условиях он слишком экстравагантен для номенклатурной колоды. Фалин же – жертва какой-то его неосторожности в словах, о чем стало известно Андропову «с последствиями».

Да и мне пора думать о своем «будущем». До съезда меньше года. В ЦК меня не оставят. Сам Пономарев дай Бог там останется. Уходить на пенсию сейчас, когда она будет заметно больше?.. Или подождать съезда? Оставаться на работе после того, как тебя «уйдут» из ЦК – противно, неловко. Да и ради чего? Ради

зарплаты? Сделать я уже ничего не сделаю и не потому, что уже не могу, а потому, что пришло время «других».

Интересно, какой тогда импульс к жизни останется, особенно, если, наконец, исчезнет и секс?! Просто любопытство? Читать, ходить на выставки, смотреть кино и спектакли, писать… Но писать особенно не о чем будет!

13 января 85 г.

Бессонница. Стал читать. Наткнулся на стихи Винокурова…

Что ж, и я старею…
Боюсь, что в этой гонке дней
Я все ж не делаюсь мудрей,
А только просто холодней.

А вчера вечером читал опять «Капитанскую дочку». Какая прелесть! Как плотно и просто!

16 января 85 г.

Пономареву за 80 лет дали Орден Ленина. А Долгих (секретарь ЦК) недавно за 60 дали вторую Звезду Героя. Василию Васильевичу Кузнецову (как и Пономарев он кандидат в члены ПБ) в 80 лет тоже дали вторую Звезду. Секретарям обкомов потоком дают вторую Звезду за 60 и 70 лет. На фоне такой разливанной доброты по наградам случай с Б.Н. выглядит загадочно. Он расстроен. Когда я сегодня был у него, он не скрывал замешательства: «Как воспримет комдвижение?! Как поймут это братские государства, которые наградили меня своими высшими орденами!? Как отнесется к этому факту миролюбивая общественность!?» Вот такими мерками он мерит это огорчительное для себя событие.

Я спрашиваю: «Вы, что не знаете, как это делалось?

- Нет, ничего не знаю. Был только что у Горбачева по делам. Спросил его. Он встал. С виду растроганный, обнял, сказал: не о чем не беспокойтесь, все будет правильно, я приду завтра сам вас поздравить. А потом сообщил мне, что не поедет на съезд Французской компартии, хотя, - комментирует Пономарев, - его там очень ждали, Плиссонье и Марше прямо говорили нашему послу, что хотят только его, Горбачева, они буквально fascinaint его визитом в Англию. Его приезд очень бы поддержал партию в ее нынешнем тяжелом положении и т.п. Горбачев вместо себя предложил Соломенцева. Добавил, что Генеральный (Черненко) не захотел, чтобы заседания Политбюро проходили без Горбачева (сам он болен, в больнице).

Надо всю эту, успокоительную для Б.Н. информацию, понимать, очевидно, так:

а) Он, Горбачев, не виноват, что Пономареву не дали второй Звезды.

б) Сам он (особенно после Англии) оказался в несколько рискованном положении – пониженного доверия, «чтоб не зарывался, знал свое место».

Я посочувствовал Пономареву, согласился, что многие не поймут и что вообще – это не по-товарищески.

В самом деле, если даже его готовят к «выносу», то почему бы напоследок не дать второй Звезды – ведь это стало заурядным явлением? Разумеется, речь не

идет о реальных заслугах – по такому критерию никому не надо бы брать ни Звезд, ни орденов в высшем эшелоне нашей власти. Речь идет об элементарных нормах взаимоотношений в «верхотуре», да и просто о соблюдении табели награждений, которая давно стала решающим критерием.

Например, моей секретарше Тамаре, дали к 50-летию почетную грамоту Верховного Совета РСФСР. Но ведь это только потому, что она в аппарате ЦК и служит секретарем зам.зава. Миллионы таких женщин по всему Советскому Союзу, занятых на подобных и даже более сложных должностях, получают к 50-летию цветы от сослуживцев, не более того. В таком контексте Пономарев, конечно, заслуживал второй Звезды.

Неужели он и после этого будет, как ни в чем не бывало, гоношиться, суетиться, совать нос не в свои дела, проявлять утомляющую всех активность, выдавая все это за выполнение партийного долга?

17 января 85 г.

Отдел чествовал Пономарева по случаю его 80-летия. Зал был полон. Рыкин (секретарь партбюро отдела) открывал собрание несколько горлопански и выспренне. Загладин произнес блестящую речь, которая всерьез всех взволновала и самого Пономарева тоже. Потом был выпущен на трибуну зав. латино-американским сектором Герой Советского Союза Кудачкин. Потом Светлана Шадрина, которую сочли самой прелестной из наших девиц преподнесла цветы и произнесла какой-то стишок, сбиваясь как школьница.

Атмосфера была искренней. Некоторые прослезились (я сидел в президиуме и видел сам). Народ в общем добрый у нас, к тому же начальственный комплекс не выветрился из русской души.

Думаю, что это добродетельное торжество сильно скрасило Б.Н. горечь неполучения второй Звезды. По окончании, весь оставшийся день шли к Б.Н.'у поздравлять институты, министерства, организации, комитеты, персоны и проч.

Обедал с ирландцами на улице Димитрова. Разоткровенничался насчет «реализма» как лозунга дня для нашей партии. И особенно о том, что некоторые проблемы мы могли бы решать и раньше, например, продовольственную.

Поговорили о положении в компартии Великобретании.

И вновь заспорили из-за Рабочей партии, недавно возникшей в Ирландии: здесь друзьям изменяет и здравый смысл, и даже просто логика…

22 января 85 г.

Сегодня был на Секретариате. Лигачев докладывал о ходе избирательной кампании. Организационно, мол, все в порядке, но вот добиться, чтоб по деловому, без парадности и формализма – не получилось (и, действительно, то, что показывают на эту тему по телевидению, противно смотреть - как при приснопамятном Лене в последние его дни).

Еще – о состоянии мясо-молочной промышленности. Три министра выступали, из Госплана, Соломенцев. Вел и подытоживал Горбачев: «пещерный век», заключил он оценку министрам наше отставание от западных фирм. На мясокомбинатах, чтобы готовить мясо в упаковочно-товарный вид, бабы топорами его рубят.

Очень скверно… Никак не могу примириться с равнодушием людей (моих коллег в ЦК) к работе, за которую они получают большие деньги и всякое прочее.

Пусть ты презираешь «это дело». Может, оно того заслуживает, по своей бессмысленности, непродуктивности и т.п. Но будь честен. Уйди, если не нравится. Но не будь циником, ибо это означает, что за тебя должны делать твою работу другие, которые получают те же деньги, что и ты, т.е. делают двойную работу – и за себя, и за тебя!

Тот же Шариф, мой зав. сектором по Англии. Впрочем, четвертый год он три четверти каждого года болеет!

23 января 85 г.

Пономарева не видел два дня – после его дня рождения. Брутенц, который вместе с ним принимал сегодня чилийцев, увидел его растерянным… Но держался в своем нелепом стиле –со своими советами. Люди приехали объяснить, почему Пиночета надо свергать оружием. А он им: Ленин учил, что восстание – искусство, но надо изучать и НЭП. Это иллюзия, будто он не стареет. Он дряхлеет интеллектуально, и его природные черты все больше выпирают. Не могу отогнать от себя его жалкого рассказа, как Горбачев, реагируя на его вопрос – почему не дали второй Звезды, встал, обнял за плечи. И наш Б.Н.'чик чуть не расплакался, рассказывая мне об этом. Он, который начал с того, что презирал Горбачева, считая себя во всем выше. А теперь с собачьей благодарностью мямлит, как тот милостив был с ним, просил «не беспокоиться ни о чем»… Нет, нету в Пономареве той большевистской косточки, которая сродни аристократизму декабристов и народовольцев! Мелок он, хотя и прямой наследник большевистской когорты!

Между прочим, сегодня последовал еще один щелчок по нему. Из МИД «на ушко» сообщили, что Громыко назвал главой делегации Верховного Совета СССР в США Щербицкого. А Пономарев так рассчитывал, так надеялся! Сколько лет после той, пятилетней давности своей поездки в этом качестве в США, он всем – и нашим и зарубежным – повествовал, с кем он, «вот как с вами», разговаривал, что им внушал, как воздействовал. До сих пор по именам помнит и сенаторов, и конгрессменов, и губернаторов и прочих, с кем встречался там, кто принимал его и т.п. Такое будет разочарование! И намек!

Уж не собираются ли они его отправить на пенсию на ближайшем Пленуме в апреле?!

26 января 85 г.

Умер от инфаркта еще один товарищ – Слепов Николай Борисович, занимался Израилем. Но служба шла как ни в чем не бывало. Занимаюсь сочинением международных разделов в избирательные речи секретарей ЦК, в том числе Горбачев.

Б.Н., несмотря на выбор в пользу Загладина, все-таки опять притянул меня к Программе. Они, там, «на даче», доработали, теперь он должен докладывать Горбачеву свое мнение, вот я и составлял вчера «его» мнение. Впрочем, вписал, что не стоит в Программе, т.е. еще на несколько десятилетий вперед называть коллективизацию «Великой революцией»: уж слишком много она стоила неоправданных жертв и принесла такие материальные и прочие - экономические, социальные и другие потери, последствия которых ощущаются до сих пор. Не знаю, примет ли он это. В душе-то он согласен, но ведь в своем, уже семикратно изданном учебнике по истории КПСС, он утверждает на протяжении 20 лет, что

коллективизация – «вторая великая революция»! Да и осмелится ли, даже если «согласится» откорректировать самого себя?!

Шалаев (ВЦСПС) настаивает на возобновлении передачи миллиона рублей английским шахтерам, хотя Горбачев сказал Тэтчер: не передавали и не будем. Заставил его войти в ЦК. Сам я – в сомнении. Так и составил записку. Ибо наш миллион – капля в море (меньше недели от потребностей шахтеров), да еще тайно (так что и насчет интернационализма – нуль!), а если раскроется, Мэгги смешает своего, так понравившегося ей собеседника, с грязью. Игра не стоит свеч. Посмотрим, как отнесутся секретари ЦК и сам М.С.

Остается девять месяцев до съезда. Надо решать, как жить дальше. Смысл службы уже потерян, с МКД ничего не будет, оно тает, валится одна партия за другой. Видно, исторически оно изжило себя, политически еще держится – нами и за наш счет. Значит, проблема моей службы – это теперь сугубо бытовая моя проблема.

30 января 85 г.

Черненко уже почти месяц в больнице. Заседания ПБ проходят нерегулярно: не доверяет их проводить никому другому. ПКК (стран Варшавского договора) – отложено на неопределенный срок. И что будет с предвыборной речью? Ведь 24 – выборы в РСФСР.

Сегодня у лифта в толпе спрашиваю у Рахманина насчет ПКК. «Ну, что ты! – отвечает. – Не светит. Как и с выборами!» Подумав, добавил: «Черт знает что – 10 лет вот так уже мыкаемся!» И это – почти вслух! И это – Рахманин!

Б.Н.'а, кажется, подкосило 80-летие. Он и раньше начал сдавать, а сейчас – видно «не вооруженным глазом»…

Позвал тут. Подводит к подоконникам. Они завалены адресами, телеграммами, письмами по случаю 80-летия. Говорит: «Ведь я им не начальник, значит - от души. Выказывают искренне… Но что со всем этим делать? Конечно, я понимаю: чем больше подчеркиваешь свое значение, тем хуже к тебе относятся. И все-таки… как-то надо бы «довести» об этих сотнях поздравлений и оценок, которые там содержатся!»

В ответ я вызвался только «обобщить и систематизировать». Посадил за это трех консультантов. Ерничают и делают. Это – ладно бы. Отвратительны другие его ходы. Посол Болгарии прислал письмо с просьбой дать интервью для фильма о Димитрове: «Какое самое сильное впечатление запомнилось от встречи с ним» и т.п. в интимном плане.

Так вот: мне (а я – Козлову и Рыбакову) поручено сформулировать «личные впечатления т. Пономарева от совместной работы с Димитровым».

Одновременно в проекте Программы пишем о нравственности партийцев. И есть там формула: чем выше пост, тем строже требования к морали коммуниста. Так вот: подобная эксплуатация мозгов других людей, подчиненных, которые получают партийную зарплату, не считается аморальным. Это – норма: что высшие руководители ни слова сказать публично, ни строчки написать «от себя» и собственной рукой не могут. Единственное исключение сейчас – Горбачев.

Между прочим, перед 40-летием вдруг задался я вопросом об участии нынешних членов Политбюро, кандидатов в члены и секретарей ЦК в войне. Заглянул в справочник (биографии членов ЦК). Ни один из них на фронте не был!

Конечно, то, что Брежнев сделал из своего пребывания во втором эшелоне, тоже нехорошо. Однако…

Читаю Есина «Имитатор» в «Новом мире». Блеск по исполнению, да и по мыслям о современной чиновной интеллигенции, хотя речь о художниках = о нравственном состоянии нашего нынешнего общества.

Ребята из польского сектора (в Отделе ЦК по соцстранам), которые явно мне симпатизируют (иногда приводят ко мне на беседы своих поляков). Сообщили сегодня «на ушко», что «ревизионистскую» статью Амбарцумова перепечатали в Болгарии и ГДР.

Очередной том Л.Н. Толстого. Письма. Он, оказывается, писал их каждый день, плюс дневники и плюс – для собрания сочинений!

5 февраля 85 г.

Опять слово за слово читаю проект Программы, готовлюсь к словесным схваткам с теми, кто считают себя ее главными авторами - Печеневым и ребятами, которых мы, Международный отдел «вскормили» в журнале «Проблемы мира и социализма», но не удосужились во время приобрести себе (т.е. взять в Отдел).

И вновь, в который уж раз, после самого тщательного редактирования в группе, в соответствии с замечаниями секретарей – выгребаю оттуда и несуразности, и повторы, и пустопорожние фразы.

В прошлую субботу, как уже писал, опять секретари одобрили текст, но кое-что вновь предложили «владельцы» окончательных советов – Печенев плюс Стукалин. Будут ли они нас с Пышковым слушать, принимая во внимание всю желчную тщеславную суету вокруг нашего Б.Н.'чика.

В четверг утром поеду туда (т.е. на дачу Горького). Посмотрим. Главное – самому не суетиться и не проявлять большой заинтересованности.

11 февраля 85.

С 7-го по 9-го, три дня в Волынском –2. Стукалин, Печенев, Пышков, Степанов, Солодухин, Правоторов и я. Доводка Программы КПСС после очередных соображений секретарей ЦК перед представлением текста Горбачевым Черненко.

Главные проблемы:

1) «Глобализировать», т.е. устранить модный в МКД налет замыкания на национальной проблематике и задачах, но не допустить возврата к трепологии Программы-61. Фактически дело свелось к заимствованию определения эпохи; к абзацу о том, что совершенствование советского общества – это и интернациональная задача КПСС; и что КПСС воспитывает своих членов не только в духе веры в коммунизм для России, но и – всего человечества.
2) Исправления в трех направлениях - в соответствии:
   с теорией марксизма-ленинизма;
   со здравым смыслом;
   с русской грамматикой.
3) Новое заключение (где образы будущего коммунизма) – чтоб не очень патетически.

Частность, но важная: добавление о Латинской Америке, которая из-за упущения Брутенца и Загладина на предыдущих этапах фактически была «вписана» в концепцию «освободившихся» стран Азии и Африки. Добился, чтоб это было поправлено, хотя текст в «моей» редакции и не был принят.

Главным поставщиком замечаний, предложений и поправок был я… как аутсайдер. Печенев, который верховодил, старался держаться лояльно, но раздражался и бывало начинал возражать, едва я открывал рот.

Я с самого начала поставил себе целью не заводиться. Спокойно, иногда будто в шутку «доказывал» и часто находил поддержку у других. Тогда Печенев уступал. В общем-то он принял меня как агента Пономарева и лишь постепенно понял, что я сам по себе.

Я искренне считаю заслугой Печенева, что ему удалось настоять на необходимости сломать тщеславный консерватизм Пономарева и делать текст реалистическим и в основном обращенным во внутрь страны, а не поучением для МКД, не моделью для всех…

Вернувшись из Саратова, Б.Н. пытался внедриться, но опоздал, мы постарались закончить и лишили его возможности появиться в Волынском и затем представлять текст от своего имени. Это и ему во благо: надоел он всем со своими претензиями. Его тщеславие делает его смешным и глупым. Казалось бы, давно пора понять, что ему не удастся связать свое имя и с «новой редакцией Программы». Вот ведь как получается: даже умный человек, но лишенный внутренней культуры, подлинной интеллигентности и аристократизма, выглядит дураком и мелкотравчатым.

Соломенцев рассказывал (о съезде ФКП), как на митинге Марше взял за одну руку его, за другую китайца, поднял их, вызвав гром оваций. Но наше телевидение почему-то - возмущенно отметил Соломенцев - вырезало эту сцену.

А Пономарев, которому я рассказал об этом, отметил: и правильно сделало!

Вот вам и единодушие наших лидеров по китайской проблеме.

Между тем, наша делегация там, в Париже, несколько раз «дружественно» общалась с китайской. И это фактически – возобновление межпартийных контактов.

15 февраля 85 г.

На неделе был Дьюла Хорн – заведующий международным отделом ВСРП. Был он у нас с Загладиным. Часа два разговаривали. Очень он хочет быть совсем откровенным, очень он хочет, чтобы мы **открыто** с ним согласились (потому что считает, что в душе мы с ним согласны). Может быть, оно и так, но он мыслит не политически, а провинциально, хотя и очень умный. Говорят, его хотят перевести в МИД Венгрии. Но это – не потому, что он в душе ревизионист. Просто им с Сюрешом тесно в одном ведомстве (ЦК ВСРП).

Вечером пришлось развлекать его в ресторане «Смена». Проститутки вокруг и внутри. Пошлейшая «программа» на тему русских народных сказок – a la russe, как точно выразился Жилин. Стыдно. Отвратительно.

Совещание у Б.Н. по поводу мероприятий в связи с Победой. Куча мероприятий, да толку что! Никого и ни в чем мы не убедим. На Западе атака на Ялту – очередной канал антисоветизма. Умная статья Коротича об антисоветизме в Англии. Сообщение посла из Лондона о встрече наших 7 школьников с английскими и американскими сверстниками – перед телевидением. Наши ребята произвели большое впечатление. Да, в среднем, особенно интеллигентском, звене наши на много голов выше тамошних, даже самых цивилизованных. Мы вне предрассудков, мы подчиняемся условностям и ритуалам иерархического общества, но это не проникает в суть нашего человеческого…

Был у Арбатова. Усидели поллитра. Перемыли всем кости. Его интим с Горбачевым. Тот будто бы не любит Загладина. Не очень верится. Факты? – Осудил

его новую женитьбу: Яковлеву сказал об этом. Арбатов доказал мне, что инициатор неполучения Пономаревым второй Звезды – Громыко! Юрка убежден, что Громыко рвется в Генеральные. Генеральный же весьма плох. С Папандреу не смог встретиться. Как он будет выступать перед избирателями? А в апреле – съездовский Пленум! В порядке «затемнения» почти каждый день публикуется либо «его» обращение к народу, либо предисловие к очередному «его» изданию, либо приветствия или ответы на вопросы корреспондентов. Думаю, что он их не читает, даже после публикации.

Арбатов показал записку, которую он направил Горбачеву. Доказывает, что надо сорвать переговоры в Женеве (Громыко-Шульц) . Не ожидал от него такой наивности. Будто он ведает, какие «государственные» соображения руководят действиями Громыко, который вновь продемонстрировал свои возможности, «наградив» своего первого заместителя Корниенко Героем социалистического труда!!

Да и по существу, нелепо уходить с переговоров, не начав их, когда весь мир увидел в них единственную надежду. Ведь главное сейчас – одерживать «победы» в пропагандистской войне, хотя они и ничего не изменят в реальной политике = в гонке вооружений, катастрофических для всех, а для нас – раньше других.

Читаю «Публичное чтение о Петре Великом» С. Соловьева. Масштабный исторический мыслитель. И поучительно тоже!

<u>19 февраля 85 г.</u>

Сходил в музей Горького в Шехтелевском особняке на улице Качалова. Я там никогда не был, представлял интерьер по фотографиям. Все вместе, Горький плюс Шехтель плюс дух эпохи, производят впечатление, как и то, что музей-то открыт только в 1961 году, после XX-XXII съезда КПСС. Да и то сказать – как бы выглядела библиотека Горького в шкафах по всем стенам – 10 000 книг, из которых доброй трети место в спецхране! Ходил по комнатам: прихожая с лестницей, обошедшей все архитектурные хрестоматии мира, столовая с роялем и камином, библиотека с круглым столом и кожаными креслами былых времен, кабинет с китайскими штучками, спальня с мебелью, которая Горькому не понравилась, но просил не беспокоиться (т.е. не менять). Она – богатая, в стиле рококо.

Ходил и не оставляло меня «при всем том» чувство: высоко себя ставил первый пролетарский писатель, как и в Сорренто, не постеснялся получить от пролетарского нищего государства помещение, подстать миллиардеру! Здесь-то и были написаны многочисленные, на 5-6 томов статьи о пролетарском искусстве, о новой культуре, о гниении Запада и т.п. Нет! Что-то есть неистребимо вечное в попреках Маяковского, которого пролетарским признали только после смерти и не на I съезде Союза писателей.

Перебираю «от нечего делать» разные книги: Фитджеральд «Письма, записки, дневники», Эйдельман – о Пушкине-историке, Соловьев, Салтыков-Щедрин «Благонамеренные речи» (совершенная антисоветчина!), «Марксизм 1929-1956» – сборник разных марксологов, Вознесенский. Проза. Винокуров «Она» (сильные стихи, далекие от ортодоксии), сборник современных английских писателей (бытовщина, как мы сказали бы. А может быть, это судьба всякой литературы, в конце концов, когда все будут сыты и когда «мировые проблемы» – любовь, голод, нищета, угнетение и т.п. – будут решены на путях ЭВМ, НТР и секс-революции в мировом масштабе.

А читая книжку Фитджеральда, я вновь поймал себя на мысли, что мне все больше интересно читать о писателях, чем их самих: мыслей больше.

20 февраля 85 г.

Вчера послушал Громыко перед избирателями (в РСФСР), сегодня прочел в «Правде». Он – о Черненко… Все другие говорили о нем по трафарету, даже заподозрил, что соответствующий абзац (о Генсеке) был утвержден на Политбюро. Этот – оригинален в своем слове о «внутреннем и внешнем величии нынешнего Генсека». Что это?

Пользуется его беспомощностью, ограниченностью, тщеславием, чтобы сохранить себе монополию на внешнюю политику, а, может быть, это даже и завещание – на наследство? Скорее всего так и есть. Арбатов, да и другие не исключают, что Громыко всерьез зарится на первое место. Неужели и такое у нас возможно? А все другие, может быть, настоящие, вновь будут ждать своего часа на выдвижение?

Вчера перебирал свои блокнотики времен войны. Многие страницы просто стерлись – настолько, что можно разобрать лишь несколько не связанных между собой слов. А то, что почему-то осталось разборчивым – противно читать: много я копался в себе вместо того, чтобы просто фиксировать факты, эпизоды, фамилии, названия деревень и т.п.

Политические рассуждения довольно ортодоксальны, - боялся что ли, что в чужие руки попадут? Впрочем, встречаются и замечания, которые были большим риском в сталинские времена. Недаром же я таскал блокнотики в карманах, а не в полевой сумке.

Когда-то все это, наверно, стоит разобрать. Мемуаров из них, видно, не получится. Но рассказ о себе самом может и выйти.

Многое меняется. Однако, охранительная суть политики освобождается только от крайних, репрессивных форм. Суть остается.

Прочел «Вторую встречу». Это книга Лакшина. Там о Твардовском, как о великом, как о классике. И в самом деле, даже Шауро и К^{о} возражать не будут, как и против того, что это утвердилось в народном сознании. Однако, Твардовский в свое 60-летие получил всего лишь Орден Трудового Красного знамени. И хоронили его почти как Пушкина – чуть ли не втихоря, чтоб не возбуждать эмоций. А вот заурядному сочинителю и жополизу Маркову дали дважды Героя, не заботясь о нравственных последствиях, т.е. о том, как на это посмотрит народ. А он либо безмолвствует, либо нахально смеется в рукав.

У Лакшина есть очерк о Марке Щеглове, вспыхнувшем в нашей литературной критике в момент Эренбурговой «оттепели», еще до XX съезда. И я вспомнил: было не то какое-то партсобрание, не то производственное совещание в Отделе науки в ЦК. Возглавлял его тогда А.М. Румянцев, будущий шеф журнала «Проблемы мира и социализма». Замом у него был такой Тарасов, огромный, стоеросовый, с красивым тупым лицом. Говорил он булькая, будто что-то жидкое болталось у него во рту. Доклад его был о культуре. Запомнил я только чувство отвращения от того, что я нахожусь в этой компании душителей оттепели: как он нес Марка Щеглова, со свежей еще тогда космополитической охотнорядской яростью!

Прочел новые главы «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера, тамиздатовское. Ощущение неприятное, в отличие от старых глав дяди Сандро: думаю, это от антисоветского кукиша в кармане, да еще в заграничных штанах.

22 февраля 85 г.

Только что прочитал интервью Натты «Стампе». Откровенно и все до конца – об МКД, о «реальном социализме» и проч. И в связи с этим думаю о нашей предстоящей Программе на XXYII съезде. Раздел о коммунистическом движении… Написан Загладиным, дважды одобрен секретарями ЦК, уже много поправлен в Волынском –2. Но суть остается. Она – прежняя, даже такая, какой была до XX съезда. Меняется только словесность, да и то не во всем: мы, например, настаиваем на термине «пролетарский интернационализм», хотя в 1976 году на Берлинской конференции согласились заменить его «интернационалистской солидарностью» (и первое время в печати пользовались этим термином). Главное другое. Натта апеллирует к реальностям и в этом смысле отвергает «провокацию» интервьюера, - за кем вы (ИКП), мол, идете теперь - за Лениным или возвращаетесь к Каутскому?

Со времен Андропова и при Черненко мы тоже за реализм. Однако, не хотим признать, что коммунистического движения в нашем, хрестоматийном понимании нет и не будет. А отсюда все остальное, а именно: мягкий, сдержанный язык в отношении коммунистического движения, проблем сотрудничества и сплоченности в расчете на то, что удастся умаслить, не провоцировать разрывов, добиться какого-то молчаливого modus'а vivendi со всеми - и с ИКП, и с китайцами, своего рода «коммунистического экуменизма», как выразился интервьюер из «Стампы», употребив привычное католику выражение.

А для чего? По-видимому, для того, чтобы сохранить видимость существования мифа (МКД) – а мы, КПСС, во главе-де! Для идеологической всемирной державы это нужно. Но, сохраняя миф, мы поддерживаем существование – жалкое, дохлое, беспомощное – многомиллионных братских партий, которые за нашей спиной и под прикрытием международного авторитета (и пугала) – МКД будут и дальше прозябать.

А если бы мы «распустили» МКД, им пришлось бы зашевелиться. Конечно, многие сразу бы накрылись. Но другие, в которых еще теплится какая-то энергия, и там, где условия (классовой борьбы) благоприятны, возродились бы. Может быть!.. И с точки зрения «мировой революции» получился бы выигрыш. Однако, мы мыслим категориями идеологической великой державы, а не категориями мирового революционного движения.

Впрочем, кто это «мы»? Против кого я грешу? Я уверен, что тот же Горбачев, Соломенцев, Воротников, да и сам Черненко отвергли бы такой подход, если бы мы, т.е. международный отдел ЦК, его предложили и обосновали. Уверен? Нет, не уверен. Наоборот. Сначала Андропов, потом Горбачев потребовали от нас **откровенного,** неприкрашенного, «без алилluйщины», как выразился Горбачев, анализа состояния МКД. Пономарев замотал это задание и в тот и в этот раз. Он добился от меня опять лакировочной записки в ЦК, в которой едва проступает настоящая реальность. Но и такую записку хотел было положить под сукно. Не вышло: Общий отдел настоял, чтоб записка была, - бюрократический контроль требовал «закрытия» вопроса. Однако… Горбачев не захотел **такую** записку ставить на обсуждение. Он понял, что от Пономарева толку не будет, как он и предполагал, делясь своими впечатлениями с помощником Черненко Вольским еще летом.

И так возвращаемся на круги… Пономарев смотрит на МКД, как секретарь обкома на свою область. Коминтерновщина у него в крови плюс страх за то, что с него могут спросить, почему он занимается очковтирательством и приписками. Предлогом может стать ситуация с компартией Финляндии, которую именно Пономарев с помощью Шапошникова и референтов Смирнова и Федорова –

«братьев-разбойников» (как их называет теперь даже глуповатый ортодокс их завсектором Раздорожный) довел партию до полного развала и обозлил руководство КПФ до такой степени, что оно и впрямь превращается в сборище антисоветчиков.

Но сойдем с круга. Дело обстоит так. Загладин с перерывами, но в сумме несколько месяцев сидел на теоретических дачах и сочинял соответствующие разделы к новой Программе КПСС. Да, Пономарев все время висел над ним. Но уже на первом обсуждении заготовок для Программы, Пономарева сильно приложили на ПБ, дали понять, где его место, перечеркнули его претензию курировать подготовку Программы. Почему бы этим не воспользоваться? Тем более, что именно в то время у Загладина состоялся откровенный разговор с Горбачевым. Вот бы и заручиться поддержкой, согласовать бы новый, смелый подход к МКД, для которого Горбачев был свеж и открыт. Но Загладин не захотел рисковать. Пономарев ведь все-таки еще секретарь ЦК и может против таких вольностей апеллировать к «краткокурсной ортодоксии» большинства Политбюро.

В результате мы, т.е. Международный отдел, делаем «не то», вертимся на холостом ходу, и поделом нас все больше презирают в МИД'е помыкают нами вместе с нашим Пономаревым.

Прочитал в газете речь Тихонова перед избирателями. Обратил внимание (это бросалось в глаза еще на выборах в Верховный Совет СССР год назад), что речи наших руководителей стали (после Брежнева) все больше отличаться друг от друга. Конечно, не в существе, а как и должно быть в нормальной, ленинской партии, когда каждый в рамках единого курса говорит по-своему и о своем. Разумеется также, что не сами они свои речи пишут, но в помощниках у них и среди «привлекаемых», как правило, - разумные, а бывает и умные люди. И, в конце концов, продукцию-то принимает оратор, он не станет произносить то, с чем не согласен.

Выборы в РСФСР.

Просмотрел статью Ахромеева (начальник Генштаба) по случаю дня Советской Армии в «Коммунисте». Отмечает личные заслуги Сталина в войне и победе. Жукова ставит на одну доску с Тимошенко, как представителя ставки Верховного главнокомандования. О действительных причинах поражений 1941 году – глухо и невнятно, как это принято сейчас. И вспомнил эпизод, который имел место совсем недавно. Пономареву на Секретариате ЦК поручили возглавить комиссию по проведению общественно-пропагандистских мероприятий в связи с 40-летием Победы. Он собрал (недели две тому назад) некоторых заведующих отделами, заместителей замов и др., были и мы с Загладиным и Шапошниковым. Под конец «повестки дня» еще раз вылезает Замятин и говорит: «Вот я видел… ,да и некоторые другие из присутствующих, документальный фильм «Победа» о Потсдаме, он по решению подготовлен. В конце фильма – там все вроде правильно! – меня резанул текст диктора: Сталин был, мол, капризный, нетерпимый и еще что-то. Неуместно. Зачем? Портит все впечатление».

Поддакнул Киселев, зам. зав. Отдела соцстран, известный мастодонт сталинизма. Хотел было отмолчаться Стукалин (зав. пропагандой), но Загладин, сидевший напротив, апеллировал к нему. И тот нехотя тоже поддакнул.

А Пономарев отреагировал так: «Подумаешь, капризный. Обидно, видишь ли, коробит. А не коробит, что он загубил перед войной весь цвет вооруженных сил и армиями пришлось командовать командирам рот?! Сколько это стоило народу? Сколько погибло из-за этого (одного этого только!) людей?!»

На этом дискуссия и кончилась.

… Однако, просмотр фильма был предварительный, на уровне Отделов. Они, конечно, дали свои замечания, кому следует. Замятин решил для подкрепления апеллировать к Секретарю ЦК, если, мол, вопрос будет решаться «наверху». У Пономарева он понимания не встретил, а как у других?..

23 февраля 85 г.

Прочел газету с речью Черненко. Речь хорошая, недаром ее готовили месяца два самые что ни на есть асы этого дела. И невольно начинаешь ерничать: а зачем вообще начальство? Может быть, действительно лучше , если они будут исполнять роль представительских кукол, а дело делать профессионалам? Но тогда надо как-то в открытую что ль, без дураков, без лицемерия и фарисейства, от которых всех тошнит. Вот вчера, например, собрание избирателей, где отсутствует кандидат в депутаты (т.е. Генсек). Ведет Гришин. Произносит елейные подобострастные речи. Показывают аудиторию, в которой через одного, если не чаще, знакомые все лица: аппарат, министры и т.п. Гришин дает характеристику кандидату, заключая ее словами о «личной скромности»… И т.д. Нет, неистребимо в России «начальстволюбие» (по Салтыкову-Щедрину), но не по-немецки, а по-русски, когда на самом деле начальство никто не любит, за исключением физических идиотов. Зато процветает едва прикрытое социальное и политическое лицемерие, зло которого в том, что создает дистанцию огромного размера между общественным сознанием и властью, отнимая у нее всякий моральный авторитет.

Просмотрел еще раз (в который раз) фильм о блокаде Ленинграда из 20-серийника «Неизвестная война». И вновь (наряду с очередным волнением) смешанные ощущения. Ведь мы сами под предводительством Сталина постарались как можно скорее забыть и даже затоптать память о войне. Сталин знал, что делал, играл на естественном стремлении людей отвернуться, «забыться», не теребить раны. Помню сам скорее стремился снять военную одежду. Упросил мать сделать из хорошей гимнастерки нелепую курточку. У Сталина был, конечно, свой очередной коварный замысел. Но это, наверно, и свидетельство здоровья нации, которая не хочет долго убиваться над павшими, потому что «надо жить».

А теперь, в который уж раз – при Брежневе и после, мы гальванизируем память о войне. И это скорее всего - старение государства, которому необходимо (сознательно или нет) эксплуатировать память о «величии» для поддержания идейно-нравственного потенциала нации.

26 февраля 85 г.

Шульц выступил в Сан-Франциско с очередной нахально-антикоммунистической речью. Б.Н. вчера с утра поднял панику! Уму непостижимо, новый тотальный крестовый поход, угроза всем революциям и всем народам, надо что-то немедленно делать, так это нельзя оставить, совсем обнаглели и т.д. в этом духе.

Лисоволик, мой зав американским сектором, донес, что уже есть поручение дать отпор в «Литературке» и в «Правде».

Сегодня пришла рассылка из «Правды» по Политбюро: ругательный отлуп с оскорбительными эпитетами в адрес государственного секретаря США, с которым нам иметь дело на переговорах по вопросу – не много нимало - о том, быть или не быть человечеству (12 марта начнутся).

Меньшиков, наш главный консультант по США, заявил, что так нельзя, это де объявление войны. Лисоволик, наоборот, назвал позицию Меньшикова капитуляцией и предложил лишь снять наиболее оскорбительные, личные выпады, не меняя «концепцию» статьи = отлуп: с ними, мол, только так можно разговаривать. Я занял среднюю позицию. Поправил верстку и отослал Пономареву, который, кстати, с одной стороны паниковал вышеупомянутым образом, а с другой – критиковал меня за то, что я пропустил в проектах речей Щербицкого, который на днях едет во главе парламентской делегации в США, «грубо критические пассажи».

Не успел я отправить текст, звонит Александров-«Воробей». «Читали?» – Читал… И он понес – в духе Меньшикова. Понес Афанасьева (главного редактора «Правды»), который не понимает элементарных вещей, составил текст, который уместен, если мы накануне войны, а не переговоров с США, глупые оскорбления… А если б они подобное написали в адрес Громыко? (Я смолчал, хотя надо бы ответить, что «Time» печатает мемуары перебежчика Шевченко, громыкинского выкормыша и протеже и пишет о нашем министре такое, что любые политические оскорбления в адрес Шульца выглядят легкой иронией: о поборах и взятках во время визитов в Америку, об этом, кстати, мне рассказывал и Яковлев, когда был послом в Канаде. О лихоимстве его жены, которая, приезжая в Штаты, обходила все ювелирные магазины, базары с барахлом, скупая ценности и золото за счет казны и подношений работников посольства и торгпредства, о невежестве самого министра и проч. его качествах… Но это а propos. Словом, Александров – бывший помощник Брежнева, бывший помощник Андропова, нынешний помощник не существующего уже Черненко – в ужасе от такой статьи и искал у меня поддержки.

Я ответил, что, мол, и Пономарева старался убедить, что выступление Шульца – очередная антисоветская выходка, а никакая не «философия», что она имеет вполне прагматическое назначение: запугать Никарагуа и оправдать перед «западными демократиями» - союзниками гренадскую политику в отношении этой страны, что нечего нам поднимать шум по поводу каждой такой вылазки, что наша обостренная (болезненная) реакция только радует Шульца и американцев, убеждая их в том, что так и надо с нами поступать, раз нервничаем. Самое лучшее нам – отделаться фельетоном, презрительной, преднамеренно приниженной репликой, т.е. вести себя солидно, не показывать, что нас вывели из себя. На Б.Н.'а эти доводы не подействовали. Он заявил: «Я не согласен с вами». Александров тоже не согласился, сказав под конец, что рассчитывает, что я «внесу свою лепту, чтоб эта статья не появилась в таком виде».

Я попросил вернуть текст, еще раз по нему прошелся и еще ослабил оскорбительные и панические мотивы. Что, интересно, скажет завтра Б.Н.? И вообще – в каком , в конце концов, виде она появится?

Претензии Пономарева насчет «теоретической конференции» по Победе с участием зарубежных гостей и с его докладом. Иллюзионист! И какое жизнестойкое самомнение!

Международная сенсация в воскресенье: голосующий Черненко на экранах телевидения. Оказывается, это больничную палату «преобразовали» под избирательный участок. Полумертвый человек. Мумия. По опыту знаю, какие страдания приносит астма, делая человека полностью недееспособным. Это в моем 30-40-летнем возрасте! А ему 75! Между тем, он каждый день «выступает» с обращениями, ответами, предисловиями, записками!

Спектакль перед телевидением устроили, конечно, с его ведома. Эффект получился обратный. И у всех на устах (или в головах) одна мысль: какая жажда

власти, ради которой жертвуют и уважением (если таковое осталось у кого), и формальным авторитетом, да и просто остатком жизненных сил.

2 марта 85 г.

Не знаю, как это получилось, скорее всего Пономарев настоял, но меня включили в группу по подготовке Отчетного доклада ЦК XXYII съезду. В понедельник Лигачев (он возглавит эту группу, а Зимянин – по политдокладу, туда вошел Загладин) соберет нас и определит, как мы будем жить до 15 августа – срока представления текста.

Продолжение о Шульце. Статью в «Правде», действительно, сильно успокоили, все мои предложения учтены. Но Б.Н. таки собрал замов, очень пугал. Не понравились ему и мои сомнения, и скепсис. Поручил готовить письмо братским партиям и социал-демократам с «аргументами» и призывами.

Был Яковлев (директор ИМЭМО, бывший посол в Канаде, бывший зам. зав. Отделом пропаганды ЦК). За год он был сильно обласкан: депутат Верховного Совета СССР, член-корреспондент АН СССР, член Программной комиссии и т.д. Однако, настроен по-прежнему зло-критически. О Программе сказал кратко: не готовы мы, чтоб написать настоящую Программу. Не будем мы ничего делать в соответствии с ней, если даже впишем туда дельные вещи, опять это будет пропагандистская брошюра для изучения студентами. Опять никто перед каждым Пленумом не предложит, чтоб заглядывали в Программу и спрашивали себя: а вот эта строчка? Как с ней – выполняем, нет?

Ругался по поводу истории с «антисоветской группой» в институте, которую разоблачили и посадили еще при его предшественнике на директорстве Института -Иноземцеве. Помимо того, что еще Андропов их амнистировал, всех «причастных» восстановили в партии, все пристроены. А главное, по его данным, дело-то было специально спровоцировано засылкой подсадной утки, на которую и сделали стойку некоторые сотрудники Института - желторотые интеллигенты.

Москва полна анекдотами и смехом, а западная печать жуткими карикатурами и статейками по поводу болезни Черненко… И, конечно, «обсуждают», кто унаследует, у кого какие шансы: Горбачев, Гришин, Громыко, Романов… Обсуждается даже вариант (от русских, мол, всего можно ждать), что на самом деле Черненко мертв. И именно поэтому остановили матч Каспаров-Карпов, чтоб освободить Колонный зал для установки тела. Цитируют обильно Громыко, Зимянина с восхвалениями заслуг, вклада и выдающихся качеств Генсека, - что, добавляет «Expres», будет забыто раньше, чем выгорят свечи у гроба. Именно поэтому, видимо, решено было показать Черненко. Дважды он появлялся на телевидении – при голосовании якобы на избирательном участке и при вручении ему удостоверения депутата РСФСР, в последнем случае пытался даже что-то говорить. Зрелище убийственное: москвичи рассматривают эти акции как преднамеренную идеологическую диверсию.

Б.Н. собирал замов и весь состав партбюро Отдела по случаю очередного Постановления ЦК о борьбе с алкоголизмом. Приводил цифры: 4 млн. на принудительном лечении от алкоголизма, сотни тысяч ребят – в колониях и лагерях за преступления, , в прошедшем совершенные в пьяном виде. 25 % алкоголиков – женщины. Однако, о положении у нас в Отделе говорил, главным образом времени, хотя непосредственной причиной созыва партбюро было то, что на днях Жилин завалился к нему в кабинет совершенно бухой… С ходу можно назвать 10-12 алкоголиков, которые то и дело пьяными ходят по коридору. И среди них

Шапошников, который, однако, пользуясь свои положением зама, после попойки просто не является на работу – день, другой, полдня, а попойки бывают не реже 2-3 раза в неделю.

8 марта 85 г.

В понедельник Лигачев собрал группу по подготовке Отчета ЦК к XXYII съезду. Распределил по четырем подгруппам: Разумов – партия, Медведев – идеология, Вольский экономическая и социальная политика, Шарапов – международные вопросы. Я осмелился спросить, кто поручит Громыко дать нам материал по внешней политике. Лигачев реагировал раздраженно: сначала обещал было позвонить, потом передумал: сами доставайте. Я опять напомнил, что в отличие от других отделов, представленных в первых трех подгруппах, у нас, международников, отношение с министерствами принципиально иное: МИД неподведомствен Международному отделу ЦК. Это вызвало еще большее раздражение, впрочем, и удивление присутствовавших: для многих такая ситуация была неожиданностью.

Потом я говорил о том же Пономареву: мол, мы, конечно, сами (в подгруппе) можем написать отчет о внешней политике КПСС за межсъездовский период, но это будет материал для издевательств со стороны МИД'овцев и предлог для еще большей дискредитации Международного отдела в глазах тех же секретарей ЦК: вы, мол, подготовили неквалифицированно. Б.Н, мне ответил, что он позвонит Лигачеву. Так и осталось неясным, кто же поручит МИД'у сделать кусок о собственно внешней политике между XXYI и XXYII съездами. Невольно вспомнишь Суслова: снимет, бывало трубку, скажет: «Подготовьте, товарищ Громыко, материал такой-то, к такому-то сроку» и, не заслушав ответа, положит трубочку! Ныне никто в ЦК ничего подобного сделать не может: Черненко вообще полностью отдал на откуп внешнюю политику Громыке. А Горбачев еще не располагает сусловской «силой», не решается…

Итак, 15 марта мы, группа по подготовке Отчета, как и группа по политическому докладу, сядет в Волынском и начнет… Срок – 15 августа.

Был я во вторник на Секретариате, еще раз понаблюдал, с каким пренебрежением относятся к Пономареву. Другие спорят между собой, горячатся, не соглашаются, возражают друг другу, отстаивают по несколько раз свою позицию, - особенно Зимянин шумен и с ним часто не соглашаются. Но они все между собой «свои», это разговор и спор между товарищами, как у нас в консультантской группе - могут и «приложить», и «посадить» но никто не обижается. Стоит нашему Б.Н. открыть рот, все как по команде настораживаются, на лицах иронические улыбки: ну, что, мол, еще дед изречет?! Даже когда он дело говорит, отвергают лениво, не споря, без аргументов, иногда – будто он ничего и не предложил. Он бледнеет, краснеет, замолкает, обижается, а через минуту – как с гуся вода: великая тренировка! Опять лезет и опять повторяется то же самое.

Обсуждались поправки к Уставу КПСС. Он предложил в пункте, где говорится об обязанностях каждого коммуниста, снять упоминание о том, что каждый должен бороться «за упрочение единства международного коммунистического и рабочего движения». Не всю фразу, а только «рабочего»… «Коммунистического» куда ни шло, но рабочего? Во первых, нет единства, упрочивать нечего. Во вторых, с кем упрочивать? С христианскими профсоюзами, с теми, кто голосует за консерваторов, с АФТ американской – антисоветчиками отпетыми?..

Горбачев в ответ: «Но ведь до сих пор это было в Уставе и ни у кого не вызывало вопросов?..» И пошли дальше!

Кстати, наблюдаю я Горбачева. Сначала мне казалось он осторожничает, не высовывается, но все-таки пробивает свое «новое», прикрываясь старым. Теперь все больше сдается мне, что он уже втянулся в бюрократический механизм руководства и все больше соскальзывает на отработанный десятилетиями «автоматизм».

А о Пономареве?.. Знали бы авторы журнала «Problems of communist» или всяких других статеек о Международном отделе ЦК и вообще о нашем механизме власти, что тот, кого они изображают «серым кардиналом», всемогущей рукой, определяющей деятельность и КГБ, и МИДа и всю прочую зарубежную деятельность КПСС, - на самом деле мелкий чиновник, волею случая задержавился в нашей «верхотуре», всеми там презираемый старик, с которым никто не считается и который шумит перед нами в Отделе о необходимости новых инициатив и т.п., боится вылезать с ними в Секретариат, не говоря уж о Политбюро, - как бы не смазали еще раз!

Вот написали письмо братским партиям, рабочему движению и социал-демократическим партиям по поводу речи Шульца в Сан-Франциско. Выразительно получилось! Представили ему. И он, который так нас гнал с этим, положил это под низ своих многочисленных чиновничьих бумажек! Да и впрямь! Как я и говорил на совещании замов, об этой речи Шульца все давно забыли.

10 марта 85 г.

Продолжаю читать антисоветские «Благонамеренные речи» Щедрина. Давлюсь от смеха и не устаю поражаться долговременной силе слова из под пера гения.

11 марта 85 г.

Печальная музыка в 7 утра вместо передачи «Опять двадцать пять» насторожила… И действительно, Шопен вновь, как уже не раз, стал первым информатором советских людей и заграницы о том, что в СССР предстоит «смена эпох». Черненко умер вчера вечером. Это все предвидели, насмешничали, хихикали, рассказывали анекдоты по поводу того, как наше руководство и пропаганда, демонстрируя полную энергии жизнедеятельность Генерального секретаря на экранах, на выборах и в многочисленных заявлениях, обращениях и интервью, делала нас «страной дураков».

Загладин, Александров, Лукьянов и Медведев были подняты с постели в полночь, вызваны в Кремль – и Горбачев поручил им к утру подготовить проект речи для «того, кто будет избран Генеральным секретарем». (Надо сказать, что создали они не очень яркое произведение. Но не в этом суть).

Пономарев собрал замов в 9-45 и очень удивился, что все давно уже все знают.

В 14-00 объявили по радио.

В 17 часов состоялся Пленум. Встали, почтили, Горбачев сказал (без перебора) приличествующие слова. Но в атмосфере не было ни грамма огорчения и печали; мол, отмучился, бедолага, случайно попавший на неположенное место… и сделавший паузу в том разгоне, который придал было стране Андропов. Затаенная, если не радость, то «удовлетворение» царило в воздухе – кончилась, мол, неопределенность и пора России иметь настоящего лидера.

Горбачев объявил повестку дня: выборы Генерального секретаря и сообщил, что Политбюро поручило выступить с предложением по этому вопросу товарищу Громыко. Ни Тихонову, который весь съежился и покраснел, когда это было объявлено, ни Романову, ни Гришину, которого, кстати, западная печать прочила в претенденты наряду с Горбачевым и Громыко.

Этот последний вышел на трибуну и без бумажки стал говорить в вольном стиле. Когда он назвал Горбачева – зал взорвался овацией, сравнимой с той, которая была при избрании Андропова (и ничего похожего на кислые аплодисменты, когда избирали Черненко). Овация шла волнами и долго не успокаивалась.

Громыко говорил так, как не принято говорить на таких собраниях: он давал характеристику (раскованно и не шаблонно) качествам «товарища по Политбюро», которые были сочтены необходимыми и достаточными, чтобы единодушно («я подчеркиваю», повторил он) избрать именно его.

Хочу, говорил, передать вам, Центральному Комитету, атмосферу, в которой мы обсуждаем кандидатуру Михаила Сергеевича. Никаких сомнений, полное единогласие. Почему? У него огромный опыт партийной работы – на обкомовском уровне и здесь, в центре. И он проявил себя блестяще. У него глубокий и острый ум, умение отделить главное от второстепенного. Ум аналитический. Каждый вопрос он раскладывает по полочкам, чтоб видеть все его составные части. Но не для того, чтобы они там лежали. Он умеет обобщать и делать выводы. Его отличает принципиальность. Он человек принципов и убеждений. Он умеет отстаивать свое мнение, даже если это кому-то может быть и неприятно. И выражает это мнение прямо, без обиняков. Но всегда во имя линии партии и для проведения этой линии. Это и есть партийный подход – все оценки с точки зрения партии.

Он прям с людьми и, если ты настоящий коммунист, ты уходишь удовлетворенный от него, хотя, может быть, он и наговорил тебе чего-то не по душе. Он умеет находить и общий язык с разными людьми – во имя дела. Скажу, продолжал Громыко, о своей области. Михаил Сергеевич, как только появился в Политбюро, сразу обратил на себя внимание умением видеть суть вопроса в том, что, казалось, совсем не его сфера, он с ней был незнаком (т.е. международной политикой). И его оценки показали, что он не из тех, для которых существует только два цвета: белый и черный. Он показал, что умеет выбирать и промежуточные цвета ради достижения цели.

И еще одно. На Западе спят и видят отыскать в нашем руководстве трещины, столкнуть лбами членов руководства… Нашептывают, сплетничают, клевещут. Мы не дадим им удовольствия видеть что-либо подобное. Выбор Горбачева – свидетельство нерушимого единодушия в нашем руководстве.

Для него святое дело – оборона и бдительность. В нынешней обстановке это – святая святых.

И еще одно. Его эрудиция, почерпнутая из его образованности и из опыта работы, что тоже очень важно. Она очень пригодится ему на посту Генерального секретаря. Словом, мы имеем перед собой государственного человека, достойного занять этот пост в столь ответственный для страны момент.

Потом были вновь овации.

Потом председательствовавший Романов дал слово Горбачеву. (Речь будет завтра в газетах). Потом Горбачев закрыл Пленум, пригласил всех присутствующих, включая первых секретарей обкомов, бывших на Пленуме, но не входящих пока (!) в ЦК, отправиться в Колонный зал проститься с Черненко.

Загадкой для меня (думаю, и для многих) осталось – почему Громыко? Он вроде как исподволь намечал программу деятельности нового Генсека. Но это – пшик. Главное, что таким образом он был представлен партии, как **инициатор** выдвижения Горбачева. Что этим хотели сказать? Или – что от этого хотел получить сам Громыко, сделав так, чтобы именно он, а не премьер-министр, не кто-либо из «партийных» (а государственных) членов ПБ выступили в этой роли? Укрепить свое нынешнее положение? Сохранить монополию на внешнюю политику, которую он заполучил при Черненко? Закинуть удочку насчет «повышения» – на должность премьера или председателя Президиума Верховного Совета? Или быть просто «старшим товарищем», патронировать молодого Генсека… Может быть, просто для ради тщеславия?

Возможно, сочетание этих побудительных мотивов. Но что-то должно быть и главным.

Впрочем, не думаю, что ему удастся сесть на шею Горбачеву. Не на того напал!

По многим «данным» народ доволен, что именно Горбачев. Еще до смерти Черненко люди в метро, троллейбусах, в столовых, не стеснялись громко выражать такое «пожелание». Народ устал от безвременья, от демонстрации официальной глупости, когда лидера превращают в почитаемую куклу, с помощью которой, однако, весьма влияют на ход событий.

Но… от Горбачева много ждут, как начали было ждать от Андропова. Хватит ли у него мужества оправдать ожидания? Возможности у него большие. Свежие кадры партийного аппарата и настоящая интеллигенция поддержит его. На носу съезд, который он может сделать поворотным в истории страны.

Словом, я опять, как при начале Андроповской эры, которую я в докладе на партсобрании Отдела назвал «ноябрьской», «полон надежд и упований».

Первой проверкой будет:

1) перемещения в ближайшем аппарате – помощники, зав. Общим отделом вор Боголюбов, еще кое-кто;
2) допустит ли он восхваления в свой адрес… Громыко уже произнес сакраментальное «выдающийся деятель партии»?
3) будет ли он медлить (как это случилось с Андроповым) с крупными реформами социально-формационного масштаба или уже на Апрельском Пленуме заявит о себе, как о подлинном новаторе в совершенствовании общества?

13 марта 85 г.

Спустя полчаса после церемонии на Красной площади, когда я ехал домой обедать, со зданий на Лубянке, с Дома Союзов и т.д. уже снимали траурные флаги. В толпе членов ЦК на Красной площади (только что пронесли мимо гроб), стоящий рядом Гостев громко говорит мне: «Случайная фигура была на этом посту. Но, понимаешь, нужно было, чтоб такой побыл на этом месте… вроде бы нейтральный. Чтоб оглядеться. Хотя все понимали, что он долго не протянет». Никто даже не оглянулся, хотя явно слышали. Я поддакнул. В толпе членов и кандидатов в члены ЦК – когда они скопились за полчаса до выноса гроба у выхода из Колонного зала, атмосфера была как на толкучке: громко хохотали, обсуждали разные дела, через головы других обменивались всякими «посторонними» репликами, насмешливо приветствовали друг друга, обсуждали, не холодно ли будет: ведь еще полтора часа

быть на улице. Словом, «всенародная скорбь» никак не коснулась состава Центрального Комитета.

Во время «пиковых моментов» похоронной церемонии только иностранцы снимали шапки. И на фоне довольно сдержанных воздаяний покойному, - тон, который задал Горбачев еще на Пленуме и теперь в речи с Мавзолея, - глупо и нелепо прозвучала речь Федосеева, который доказывал, что марксизм-ленинизм потерял выдающегося теоретика, заслуги которого в этой области были отмечены Академией наук медалью Карла Маркса и т.п. Он один из близстоящих «не сориентировался». А между тем, почему-то именно его опять и опять ввели в похоронную комиссию и дали слово с Мавзолея.

Словом, вступили в новую эру. Что-то будет? А ведь нужна «революция сверху». Не меньше. Иначе ничего не получится. Понимает ли это Михаил Сергеевич?

14 марта 85 г.

Сегодня у Горбачева марафон встреч – от Буша до Натты, кажется, десятка два, если не больше. Западная печать полна похвал и надежд: будут иметь дела впервые с лидером, который никак не связан ни со сталинизмом, ни с брежневизмом!

Суходрев (переводчик Генсеков, начиная с Никиты) мне рассказал о встрече с Тэтчер. Та будучи знакома с Горбачевым с 1984 года (Лондон, Чекерс), стелилась, очаровывала, обаяла, он отвечал тем же. Она, видно, так «делает политику» и с помощью М.С. хочет обойти в мировых делах всяких там Колей, Миттеранов, а то и самих Рейганов. Ей еще и нравится по-женски играть игры именно с Горбачевым.

Пономарева пригласили только на Натту, с арабами и прочими африканцами (вотчина Б.Н.) обошлись Громыкой.

Был я на переговорах Б.Н. с Макленнаном (генсек КП Великобритании). Б.Н. согласился врезать ему за статью Джонстона в «Marxism to day». И Гордон в результате захотел продолжить разговор со мной. Вечером я к нему заехал в гостиницу. Вел душеспасительный разговор по поводу этой «антисоветской» статьи: мол, раз братские партии, то надо соблюдать приличия. Мы не против критики, но – не в одни ворота: если б мы в «Коммунисте» написали бы что-нибудь подобное о вашей партии, что бы вы сказали?! Крыть ему было нечем. Да он и вообще не мастак на спор, к тому же и не совсем (не как итальянцы) порвавший с «принципами МКД» в традиционном понимании.

Из всех КП Горбачев принял только итальянцев. И Б.Н. не возразил, хотя среди нас ворчал: мол, как это так - десятки хороших (!) лидеров, , приехали, а принимаем только итальянцев, плохих!

Когда я спускался от Макленнана, меня позвали познакомиться с Наттой: друг Рубби меня увидел. Посидели минут пятнадцать, поговорили. С Наттой я не был знаком, но, видно, Рубби расписал меня, как одного их немногих в ЦК, которые относятся к ИКП «с пониманием».

16 марта 85 г.

Вчера с раннего утра продолжал «воспитывать» Макленнана, добиваясь от него ясности, что же он понимает под братскими отношениями - и признает ли он вообще, в отличие от ИКП, специфику отношений между компартиями? Он путался, говорил, что сам все время об этом думает, а я вот теперь все эти проблемы привел в

систему. А я продолжал давить: как совместить братские отношения с идеологической борьбой, которую вы фактически против нас (КПСС) ведете?

Уверен, что все это впустую: он слишком слаб в руководстве, чтоб возобладали в КПБ интернационалистские эмоции, хотя в пользу их говорит простое чувство справедливости: КПСС фактически признала значительную часть крупных ошибок и упущений, взялась за их исправление, за «улучшение облика социализма», при новом лидере, который прямо заявил, что он происхождением от Андропова, и продолжит начатые им с большей энергией, а, может быть, и с помощью действительно радикальных перемен и реформ. А, вы, еврокоммунисты и им подобные продолжаете твердить: «таскать вам не перетаскать», если, мол, не введете вторую партию и вообще не примете у себя британскую систему парламентской демократии, т.е. «конструктивно критикуете» без знания реальностей, на основе сплетен диссидентов и трудов советологов.

В этой связи я противопоставил писаниям в «Marxizm to day» книгу итальянца Джузеппе Боффы по истории СССР. Во многом мы не согласны с его оценками и концепциями, с его объяснениями нашей истории и тем не менее – мы внимательно изучили книгу, не только потому, что она написана с благожелательных позиций (в выборе слов и формул), но и потому, что она сделана серьезно: человек десять лет работал в Москве, знает русский язык, знает советских людей, изучал нашу историю по нашим источникам и т.д. Поэтому в ней много поучительного и действительно конструктивного.

С этим я и проводил генсека КП Великобретании домой, у него в середине мая чрезвычайный съезд, где добьют меньшинство так называемых «просоветчиков».

В середине дня виделся с ирландцем О'Риорданом. Здесь все проще. Хотя надоели сектантские капризы (в отношении Рабочей партии).

Читаю в «Коммунисте» «Нравственное значение Октябрьской революции» знаменитого Михаила Лифшица (покойного уже). Блестящее эссе. Но осмелились опубликовать его только сейчас (из личного архива). Там настоящий «реализм»… и пусть так пойдет у нас во всем. Но, но, но… Готовы ли «кадры» к восприятию ленинско-щедринской самокритики как орудия реального обновления и мозгов, и общественных отношений.

17 марта 85 г.

Со всех сторон – все довольны и рады, что Горбачев. Вчера шофер, который вез меня, с восторгом рассказывал, как его ребята, шоферня, радуются, что у нас, наконец, настоящий лидер. Чтобы править нашей страной, говорит, нужно лошадинное здоровье, а этот (т.е. Черненко) – сразу было видно, что дохляк. Я бы на его месте отказался, сказал бы: «Ребята, увольте, не потяну!»

Только бы не поддался Горбачев мишуре «внешнеполитической активности». Традицию заложил Никита, Брежнев довел ее до карикатуры, а Черненко и его превзошел. Тем более, что все эти каждодневные заявления, интервью, обращения и ответы, ничего по существу не дают. И погоды в политике не делают. Пусть, вон, Громыко и, может быть, министр обороны Соколов выступают с заявлениями…

Есть тут опасность… Вроде бы на виду, вроде бы дело ради главного, для народа. А главное сейчас – думать, как реформировать страну и **куда** ее повести.

Кого же М.С. все-таки назначит вместо себя руководить Секретариатом? Гришина, Романова? Или сам будет вести до Пленума, а там сделает членами ПБ Долгих и Лигачева?

От этого многое будет зависеть. И даже не само дело, а впечатление от него самого – оправдает ли он всеобщие радостные надежды или соскользнет на проторенную дорожку и займется верчением налаженной бюрократической машиной. Ну и вопрос о «соратниках», конечно. Ведь Гришин или Романов будут «представлять» его самого, через них будет восприниматься и его имидж и «возможности» (уровень) нового руководства.

Вечер. За неделю история стерла Черненко со своих страниц. В прошлое воскресенье в этот час он был еще жив.

18 марта 85 г.

Первый нормальный день «новой эры». Ничего особенного на службе. Зато хорошие слухи: Б.Н. рассказал следующее. В пятницу собрались секретари ЦК – не Секретариат, а просто так, «обменяться мнениями». Гришин и Зимянин предложили провести Пленумы обкомов «по итогам мартовского Пленума ЦК…, чтоб обсудить его решения и указания Генерального секретаря». Горбачев реагировал насмешливо и определенно: «Какие еще пленумы? Зачем? У нас с вами слишком много дел, чтобы заниматься опять совещаниями. И какие это решения Пленума ЦК? Что меня избрали Генеральным секретарем? Что тут обсуждать»? Пономарев гордо сообщил мне, что в этом месте он громко произнес: «Правильно!», вызвав недовольство Зимянина.

Это хороший признак. Б.Н. добавил, что подобный эпизод уже имел место после избрания Генсеком Андропова, только инициатором тогда был Капитонов и ответ был кратким и резким: «Я не Брежнев! Мне это не нужно. А у вас, Иван Васильевич, много важных дел, как и у всех нас!»

Любопытно, что еще до того, как я был у Пономарева, в несколько другом варианте мне рассказал об одном эпизоде Жилин: был в воскресенье в какой-то нецековской компании. Уже плетутся легенды.

Донесения послов полны восторгами по поводу Горбачева. Оккетто, член руководства ИКП, сказал нашему послу: «Со времен войны не было еще такого момента, когда на всем Западе возникла такая сплошная волна симпатий к советскому руководству, а заодно и к Советскому Союзу!»

Помимо всяких высоких оценок качеств Горбачева и разных больших надежд, все – Коль, Шульц, Миттеран, Тэтчер и т.п. уровня люди отмечают, что Горбачев общается «в разговорном стиле» (т.е. не по бумажке). Для них это (да и для всех!) признак ума, компетентности, информированности, знания дела, наличия идей и убеждений в голове!

Слишком захлебывающиеся упования и надежды! А ведь махина, которую надо сдвинуть, огромна, а соблазнов пойти по проторенному – уйма, а проблем, которые надо решить и объективизированных уже препятствий к их решению – нет числа!

Был в Консерватории. Слушал знаменитого Спивакова. Бах. Действительно впечатляет. Только вот в хоре физиономии одна глупее другой – и это мешает слушать. А музыка временами пробирала меня до спазм. Забывал, что это Спиваков, знаменитый его ансамбль и проч. Видимо, в этом великий класс исполнения великих – когда забываешь, кто играет. Великолепен гобой, кстати, красивый очень парень…

21 марта 85 г.

В порядке объяснения, почему на Пленуме Горбачева представлял Громыко, рассказывают следующее. Когда умер Андропов и собралось ПБ, чтоб избрать следующего, председательствовал Устинов. Будто они с Громыко заранее условились двигать Горбачева, но только началось заседание, Тихонов попросил слова «в порядке ведения» и произнес: «Предлагаю Константина Устиновича Черненко!» Другие, чтоб не создавать ситуацию расхождений, согласились… Но на этот раз постарались Тихонова «обойти».

О Горбачеве говорят: запретил вывешивать свои портреты (взамен черненковских) . Отказался приветствовать собрание «обществ дружбы» в Вене: послали от Совмина. В печати и на пленумах обкомов говорится об «установках мартовского Пленума», а не «указаниях Генерального секретаря». Первое заседание Секретариата, после избрания Генсеком вел сам. Произнес речь – главным образом, против парадности, бюрократизма и совещаний: дело надо делать, тем более, что февраль дал нулевой рост и план года (пятилетки) опять завис.

Из помощников Черненко оставил Александрова и Шарапова. Первого за незаменимость в деле, второго – скорее всего потому, что это андроповское наследие, М.С. его чтит. Печенева уволили «громко» – в заместители редактора журнала «Политсамообразование». И, видно, не только потому, что М.С, не собирается изображать из себя очередного Маркса и Энгельса, и теоретики такого типа, как «кудрявый» ему не нужны. Но, наверно, и по другим причинам, зарвался, должно быть, на это похоже, «наполеончика» из себя строил. Первый помощник – координатор Прибытков отправлен замом в Главлит. Оно понятно: Горбачев Черненко ничем не обязан, а помощник - координатор у него есть и свой – Лущиков. Вольского вернули первым замом в отдел тяжелой промышленности, откуда он и был в свое время взят Андроповым.

Решено срок съезда вернуть на свое (уставное) место – на февраль 1986 года, чтоб в конце текущего года урожай собирать и план добивать, а не речи произносить на конференциях.

Будто сказано, что внутренние (экономические) разделы новой редакции Программы уже вернули на переделку: «чтоб было не пропагандистское оформление уже сказанного Брежневым и Черненко о совершенствовании» всего и вся, а – предложены действительно радикальные преобразования. Неужели, действительно так?! Настолько хорошо, что не верится … даже при Горбачеве!

Пономарев в хорошем настроении. Видно, Горбачев, его обласкал из вежливости. И у него вновь затеплилась голубая мечта – превратиться в члена Политбюро. Он быстро сдает (что называется, на глазах), особенно память, которой он всегда отличался. Теперь все путает и мешает.

Вчера позвал меня уже поздно. Попросил к утру «подумать» – дать ему речь для ПБ, где намечалось обсуждение итогов встреч Горбачева с иностранными лидерами. Я написал три страницы, но с учетом горбачевской атмосферы, без всхлипов и эпитетов. Не знаю уж, что он там сегодня произнес на самом деле, но – вряд ли так, как я предложил.

Очень боюсь, что текучка международных дел затянет Горбачева и его облик в глазах народа, которому надоела показуха, и в глазах мировой общественности начнет размываться, надежды рухнут.

И особенно важно, помятуя о том, что произошло в первые месяцы Андропова, не затянуть с ключевыми кадровыми переменами… и конкретно

показать, что он намерен решительно наводить порядок a la Андропов, которого народ запомнил прежде всего в этом качестве.

23 марта 85 г.

Весь день редактировал главы об МКД к YIII тому. Трудно идет. В «западных» разделах дают продукцию синтетические умы вроде Галкина, Далигенского и некоторых молодых. Но с разделами о социализме получается плохо, т.к. здесь каждый Чаушеску – высшая наука, а умы по этой теме вроде Амбарцумова ходят в ревизионистах. Тем не менее 29-го – последний срок сдачи в типографию. Пономарев, как главный редактор, конечно, не будет читать ни до выхода тома, ни после его выхода. Прочтет лишь те абзацы, на которые пенсионеры-ортодоксы или братские партии обратят внимание и заявят протест…

Что делать? Я, однако, полагаю, что созданный текст – максимум того, что не стыдно публиковать (для думающего и информированного человека) в 1985 году.

Б.Н. вчера рассказал, что на ПБ в четверг окончательно решили съезд проводить «по уставу». Отменена и идея Черненко делать два документа – письменный Отчет ЦК и политический доклад съезду. Сказано, в предварительном порядке, что над проектом Программы надо еще основательно поработать. И на апрельском Пленуме проект не будет «выдан» на предсъездовскую дискуссию в партии.

Горбачев позвонил мне вчера утром, стал расспрашивать, что и как с группой Сорса (комиссия Социнтерна по разоружению), которого он через час должен был принимать. А я оказался на мели, так как на беседе Пономарева с этой группой не присутствовал и не знал даже толком, кто там еще от нас был. Говорил со мной без оттенка того «дружелюбия», которое отличало наши редкие контакты прежде. А, может быть, специально, чтоб я не вздумал «фамильярничать» на этом основании. Говорил холодно, начальственно, свысока.

Я разыскал Шапошникова, который должен был быть в курсе дела, - спросил, общался ли он с Горбачевым. С первых же слов понял, что Шапошников вдребадан, лыка не вяжет. Видно, всю ночь пьянствовал со своим финским «другом» Сорсой. Уж не знаю, заметил ли это Горбачев… Впрочем, оказалось, что подробную информацию он давал Александрову, а не самому Горбачеву.

Александров вечером рассказал мне, что на встрече Горбачев «удачно импровизировал» и произвел на социал-демократов огромное впечатление.

30 марта 85 г.

В Москве ходят всякие разговоры, будто на ПБ выбор нового Генсека проходил «не без борьбы». Об этом я услышал от Гилилова (он в Ленинской школе и у него много всяких знакомых из «бывших» в номенклатуре и обиженных). Об этом сказал мне и Брутенц, который все это время был в отпуске в Барвихе и общался со всякими обкомовскими деятелями, включая первых секретарей. У нас в Отделе таких разговоров вроде бы нет. Итак: будто «было мнение», что Генсеком надо сделать Тихонова, а на его место поставить Щербицкого, и что это мнение поддерживали Гришин, Кунаев. Так что, если бы Щербицкий (который, конечно, хотел стать премьером) успел бы вернуться из США к решающему заседанию ПБ, то чаша весов и т.д.

Однако, нет худа без добра. Если действительно все это в какой-то форме имело место, то позиции нынешнего Генерального секретаря гораздо более сильные,

чем это было, например, у Андропова. Там была троица, которая держала его в руках: Черненко, Тихонов, Устинов. Теперь ничего этого нет: Громыко перед всем миром провозгласил, выступив на Пленуме, что он не претендует. Тихонов, таким образом, списан. Кунаев и Щербицкий – вообще не в Москве. Так что Горбачев может действовать гораздо (почти абсолютно) более уверенно и решительно, что он и делает. Расчистил свой личный аппарат, сократив его на треть. Упразднил два отдела в ЦК. Ликвидировал расплодившиеся комиссии Политбюро: по Китаю, Афганистану, Ближнему Востоку, контрпропаганде, по Польше и проч., не помню даже.

Для себя восстановил андроповский режим – работает по субботам. Громыке уже дает поручения, причем не просто - на квитке фамилия и своя подпись, а пишет записочки, указывая, как он себе представляет данный вопрос. То и дело, когда речь идет о международной политике, в поручения наряду с Громыко вписывает Пономарева… Думаю, не потому, что он его очень ценит, а чтоб в МИДе знали, что существует Центральный Комитет и он тоже занимается международными делами.

Вчера Пономарев, который давно уже собирался обсуждать «положение в компартии Финляндии», сделал это… Впрочем, я ему напомнил, прочитав телеграмму об итогах их чрезвычайного съезда. Собрались замы, плюс Балмашнов, Куцобан, Жилин и референт по Финляндии Федоров. Шапошников сделал сообщение. Это была какая-то жалкая мешанина, в том числе из совершенно не относящихся к делу сведений, вроде того, что в свержении Аалто (генсек КПФ) можно опереться на деловые круги и проч. Его «интеллектуальная нищета» плюс распад личности на алкогольной почве были блестяще продемонстрированы. Я взял слово сразу за ним и произнес разгромную речь, смысл которой: если в течение 15 лет «последовательно и твердо КПСС проводит принципиальную линию в отношении КПФ», а дела с каждым годом все хуже и хуже и вот дошло уже до фактического раскола, то пора посмотреть на эту линию – насколько она правильна и принципиальна. И почему у нас двойная мерка: с «еврокоммунистами» мы нашли modus vivendi и прощаем им многое такое, чего у финнов и в помине нет, включая открытый антисоветизм, а здесь за грешки, свидетельствующие об отколе от ленинской ортодоксии, взяли курс на свержение официального руководства партии? Против него науськиваем Синисало, по существу поддерживая и поощряя фракционную деятельность. Нам годами говорят, что Аалто антисоветчик и чуть ли не агент ЦРУ, а фактов, цитат – ни одной, ни разу. Никто не может привести хотя бы одно антисоветское высказывание, сопоставимое с тем, что говорил наш лучший друг Марше, а также Берлингуэр, Каррильо, японцы и проч. Да и вообще – чего мы боимся? Всяких «исторических компромиссов» и «третьих путей», «самоуправляющихся социализмов» и проч. полным полно в других (и многих) партиях, с которыми мы дружим. Говорят: Аалто уведет партию… Куда? На антисоветские позиции? Да что он – идиот, безумец. В Финляндии с такой социал-демократией, правительством, президентом, буржуазными партиями, которые за дружбу с СССР, с народом, который получает прямые экономические выгоды от близости с Советским Союзом, в такой стране невозможна антисоветская коммунистическая партия. И что бы там в душе у Аалто ни было (а мы сделали все, чтобы превратить его во врага), он не дурак, и знает: если заявит себя антисоветчиком - подпишет себе смертный приговор как лидер партии.

Да, Сааринен не выдержал испытания на наше бесцеремонное вмешательство, предал доверительность отношений КПСС-КПФ, но вмешательство-то есть, да еще какое и в каких грубых, просто гауляйтерских формах. И весь мир об

этом знает. И братские партии (включая соцстраны) косятся или посмеиваются, наблюдая наши «операции» в отношении еще более братской КПФ.

Я напомнил о делегации во главе с Романовым, который ездил в Финляндию прошлой весной. Прочитай, говорю, памятку, которую вы ему подготовили и которую он, судя по последствиям, там произнес. Я в ужас пришел. Ни одна, самая ничтожная из партий, вроде «моей» мальтийской или ирландской, не позволила бы разговаривать с собой таким языком. А финны ворчат, иногда огрызаются, но терпят. Попробовали ли мы так поговорить с итальянцами, японцами или французами, - они бы показали бы нам «кузькину мать».

Вывод, который я предложил: надо менять линию, ставка на Синисало и К° исчерпала себя, надо попытаться восстановить доверие руководства КПФ, наладить действительно товарищеские равноправные отношения.

Потом, уже вечером, когда я зашел к Б.Н., и разговор о финнах возобновился, я опять завелся, сказал: «Либо мы будем спасать партию и наш престиж, либо спасать двух друзей – Федорова и Смирнова (референтов по Финляндии). Пора кончать с положением, когда они на протяжении 15 лет монополизировали информацию о КПФ и оценки положения в ней, а значит и фактическое проведение линии. Дело, говорю, дошло до того, что Шапошников сегодня, на нашем совещании не постеснялся долго читать нам телеграмму посла по итогам съезда КПФ, которая фактически была написана Федоровым еще до съезда, и еще до того, как он был послан в Финляндию. А ведь раз эта бумага стала шифровкой и пошла по верху, это политический документ. И вот такой информацией мы потчуем ПБ полтора десятка лет и сами готовы в нее верить!» Б. Н. покачал головой.

На совещании замов меня поддержал Загладин, хотя округло, с реверансами в адрес Виталия (Шапошникова). Поддержал Брутенц, но тоже с экивоками и оговорками. А потом прибежал ко мне: «Толя, какой ты молодец. Мы сейчас обменялись с Вадимом Загладиным. Он говорит, что Толя мужественно выступил и т.д.» Против мня выступил Коваленко (один из замов), но обнаружил такую неосведомленность в предмете, что вызвал смех даже у Пономарева. Жилин промолчал. Косвенно одной репликой поддержал меня Куцобин (потом звонил и говорил, что целиком со мной согласен, но ему неловко было влезать - он специалист по Индии, как Коваленко по Японии). Шапошников, конечно, был взбешен, но сказать ему было нечего, да он и не умеет сказать, даже если есть что.

Б.Н. заключая, не дал мне отпор, но и не поддержал. Впрочем, не поддержал и Шапошникова. Поручил ему же готовить для ПБ «предложения о наших шагах». Видимо, все сведется к тому, что было. Однако, подозреваю, что при Горбачеве, если у него дойдут руки, так долго продолжаться не будет, тем более, что Соломенцев, который года полтора был у финнов на съезде, выразил «непонимание и сомнение» тем, как мы там ведем дела.

2 апреля 85 г.

Западная пресса полна сообщениями о возобновлении (после Андропова) чистки партгосаппарата от коррупции, взяточничества, кумовства, продажности и т.п. Действительно, снимают многих, судя по протоколам секретариата и ПБ ЦК. Однако, в постановлениях редко оговаривается, что за злоупотребление и грехи. В основном – на пенсии.

Сегодня состоялось очередное заседание Секретариата ЦК. Вел опять сам Горбачев. Не хочет он отдавать эту роль Романову. И, наверно, готовит Лигачева и

Долгих в члены ПБ. По их смелости и активности можно судить, что они вместе с Генсеком составляют сейчас основной треугольник в руководстве партии.

Брутенц рассказал мне о своем разговоре с Б.Н. Прямо, мол, посоветовал ему выйти на Генсека с вопросом о стиле наших отношений с развивающимися странами и с братскими партиями. Нельзя, мол, держать их на нищенском пайке. Каждое движение ноги маршала Соколова обходится нам в сотни раз больше, чем вся наша помощь МКД, будто бы заявил Карен. И Ближним Востоком надо бы заняться всерьез, пока американцы нас оттуда не выперли.

Не знаю, был ли он так красочно откровенен с Б.Н., как рассказывал мне…

3 апреля 85 г.

Вожусь с делегацией американских сенаторов во главе с Коэном. Никто не хочет ее принимать. Все эти наши демократические игры не по нам, нет у нас и людей для этого. Вчера Конгресс принял решение умножить обмен делегациями и парламентариями. У них каждый конгрессмен пригоден для этого, а у нас из всего Верховного Совета дай Бог – дюжина. Не говоря уже о том, что у них конгрессмены и сенаторы реально влияют на политику, а у нас они лишь аплодируют, и лишь некоторые в состоянии «разъяснять» политику и отстаивать ее в споре.

4 апреля 85 г.

Сегодня рассказали такую вещь. В ЦК и в «Правду» пошел буквально поток писем насчет Афганистана. В основном – из русских областей и из Сибири. В отличие от прошлого очень мало антисоветских анонимок. Почти все подписанные. Основной мотив: зачем это нам нужно и когда это кончится?! Пишут женщины, жалеют ребят, которые там мучаются нравственно, а то и погибают. Пишут о том, что «если уж это так нужно», то посылайте добровольцев, по крайней мере – кадровых, а не новобранцев, пребывание там и то, что им там приходится делать, уродует им душу. Пишут солдаты, искренне и по-просту сообщая, что они не понимают, «зачем они здесь». Пишут офицеры и даже один генерал, подписавший своим именем, что они не в состоянии объяснить своим солдатам, подчиненным, «зачем они там», и что только со стороны может показаться, что «выполняют интернациональный долг», а, находясь там, в это невозможно уверовать.

Пришло два письма от экипажей танка и вертолета. Эти укоряют «Правду» – зачем она пишет неправду: мол, вот вы недавно описали бой, в котором будто бы героически сражались афганские воины, а на самом деле – это «мы сражались и было все совсем не так».

Потом мы долго говорили обо всем этом с Карэном. Он считает, что трое: Соколов, Громыко и Чебриков должны представить Генсеку выкладки: чего стоит нам эта война и какая перспектива. Ясно, что выхода нет. Надо уходить.

Я возразил: никто из них не придет с этим добровольно. Нужно волевое решение. Нужно, чтобы Генсек поручил им представить соображения «о последствиях, плюсах и минусах» нашего ухода и в любом случае принять решение – уйти!

Горбачеву надо не тянуть с этим. Я не представляю себе людей в СССР, которые были бы против. Такая акция создала бы ему морально политическую платформу, с которой он горы бы мог потом свернуть. Это было бы равносильно антисталинскому докладу Хрущева на XX съезде. Не говорю уж, какую фору наш уход дал бы нам во внешней политике.

Великолепная беседа Горбачева с Раулем Кастро. Читал стенограмму. По всем основным направлениям «его» подход - свежесть понимания, широта и живость мысли, несвязанность никакими клише и догмами, настоящий политический реализм… в том числе и в отношении Натты, ИКП, т.е. МКД и китайцев. Но увы! Заангажировался насчет Афганистана – «братьев мы не оставим в беде» (??!).

6 апреля 85 г.

В четверг ПБ обсуждало опять – о пьянстве. Докладывал Соломенцев. 9 млн. подбирают на улицах. Полтора млн. – на принудительном лечении. Женщины составляют более трети пьяниц и алкоголиков. Молодежь – половину. В то время, как в царской России – женщин-пьяниц почти не было, а молодежи и вовсе. По потреблению алкоголя на душу, мы превзошли дореволюционную Россию в два с половиной раза. 30 млрд. в год прямого убытка, а если считать косвенные последствия – все 80 млрд.[1] В то время, как от продажи водки – доход 5 млрд. Горбачев говорил, что речь идет не только о главной социальной проблеме настоящего времени, а о биологическом состоянии народа, о его генетическом будущем. И если мы этой проблемы не решим, ни о каком коммунизме не может быть и речи.

Когда Деменцов (зам. Госплана) попытался «попросить», чтоб не сразу отменяли водочные статьи дохода, мол, трудно будет залатать, Горбачев его «смазал»: в коммунизм на водке хочешь въехать!

Намечены меры: отменяется совсем производство «бормотухи», резко сокращается производство водки, за самогон – штрафы не 100-200 рублей, а 1000 – на первый случай. Ликвидировать все подсобные ресторанчики при райкомах и обкомах – для начальства. Запретить банкеты по многим случаям. Для руководителей всех рангов в пьяном виде на работе – беспощадное и немедленное снятие, вплоть до исключения из партии. И публиковать в печати все такие случаи.

Однако, многие в ПБ (вопрос обсуждался в течение двух часов) напомнили, что в 1973 году было принято не менее грозное постановление. Год, два что-то делали, а потом стало еще хуже: потребление алкоголя с тех пор удвоилось.

Сказано было, между прочим, и об аппарате ЦК и международниках, которым «по долгу службы» приходится заниматься этим делом. И предупреждение сделано.

А что нам делать, когда зам.зав. Шапошников – канцлер по кадрам! – возглавляет всю отдельскую пьянь и сам ставит чуть ли не ежедневные рекорды, в том числе – на работе!

К вечеру вызвали неожиданно на работу. Зимянину что-то не понравилось в бумаге о приезде американских сенаторов. Уважил. Поразительно закомплексованный он человек, даже с нами аппаратчиками: все время борются в нем два начала – желание выглядеть демократом (а не бюрократом) и настороженность – воспринимают ли его мнение, как не подлежащее сомнению. Поэтому разговаривает всегда «с нервом».

Косолапов (главный редактор журнала «Коммунист») попросил меня почитать передовицу после мартовского Пленума и в предверии ленинских дней. Обрушивается на товарно-денежные отношения. Буду возражать. Это все его ортодоксально-«творческие» фантазии (он, кстати, приверженец и диктатуры

[1] *Например, только обслуживающий персонал вытрезвителей насчитывает 75 000 человек. А толку от них – никакого.*

пролетариата). Посмотрим, как он отреагирует. Не в дугу сейчас чураться «нэповско-ленинского» подхода, нет у нас другого способа выйти на мировой уровень производительности труда. И, призывая к реализму, надо быть реалистом, не оглядываться на наших теоретиков, которые по самой своей идеологической сущности не могут перестать быть пропагандистами-схоластами.

7 апреля 85 г.

Почему-то вспомнил, что Б.Н. сослался на меня на совещании замов, когда рассказывал о ПБ, на котором обсуждались итоги встреч Горбачева с иностранными лидерами в середине марта. Но сослался лишь на то, что я ему подкинул высказывание Оккетто (один из лидеров итальянской компартии) о том, что никогда со времен войны не относились к СССР столь благожелательно, как сейчас, в связи с избранием Горбачева.

Любопытно, а что Б.Н. вообще использовал из моей четырехстраничной памятки для беседы с Оккетто. Например, что сейчас главная для нас внешнеполитическая жила – западно-европейское направление. Между прочим, в беседе с Р. Кастро Горбачев очень подчеркнул эту мысль. Разумеется, не потому, что ему «подсказал» Б.Н., он эту мысль усвоил по итогам своей декабрьской поездки в Англию. Но… Б.Н. мог бы «попасть в струю». Однако, он не чувствует реальностей политики. В отличие от М.С. он слишком обременен многолетними клише и догмами, чуть ли не со сталинских времен.

11 апреля 85 г.

Обращение Макалузо (через Кьезу) к Горбачеву: мол, наш («Униты») корреспондент в Пекине говорил о вас с Ху Яобином, мы опубликовали. Не хотите ли вы тоже сделать? Горбачев (через Александрова) велел мне ответить Макалузо: не хочу, но то, что я сказал недавно о стремлении к улучшению советско-китайских отношений, остается в силе и это мы будем продолжать неуклонно.

Моя попытка предотвратить выпуск во внутрипартийном бюллетене рахманинскую публикацию об «интеркните»[2] (проведенном еще при Черненко) , не удалась. Александров, сказав «задайте вопрос попроще», посоветовал сигнализировать Русакову (о том, что такая публикация расходится по тенденции и тону с публично заявленной нашим новым Генсеком). Русаков оказался болен. Позвонил самому Рахманину. Тот возразил, что не видит «расхождения» и не склонен снимать материал. Я ответил: мое дело сигнализировать, отвечаешь ты…

Был у Арбатова. Он говорил, что по-прежнему часто общается с Горбачевым: пишет записки, бывает, звонит. За две недели «выдал ему 41 страницу»… И о том, что надо чаще показывать американцам, что обойдемся без них, но с Западной Европой. И о том, что не надо частить с публичными заявлениями и инициативами – не вставать на брежневско-черненковскую дорожку. И о том, что с китайцами надо замиряться энергичнее. И - что японцам надо отдать два, а то и все четыре острова, иначе кашу с ними не сварить.

И - что надо кончать с Афганистаном (будто бы Горбачев ему ответил, что «обдумывает». И – что надо, наконец, покончить обращаться с соцстранами, как с сателлитами, поставить отношения действительно на равных. И о том, что колхозам надо дать свободный выход на рынок и многом другом.

[2] *Интеркит – ежегодно собираемые совещания замзавов международными отделами ЦК компартий стран Варшавского договора (без румын).*

Полагает Арбатов почему-то , что Громыко скоро станет председателем Президиума Верховного Совета, а министром надо сделать, например, Катушева, и ни в коем случае не Корниенко.

Будто бы именно он, Арбатов, подсказал идею встречи Горбачева с нашими «капитанами» индустрии и сельского хозяйства, но не с пятью тысячами во Дворце Съездов, а с парой десятков действительно дельных и смелых людей, от которых можно услышать полезные вещи. Так и сделано.

На сегодняшнем ПБ Горбачев очень откровенно вел разговор о севе и хранении сельскохозяйственной продукции, а также о порядках в торговле. Закончил тем, что пообещал министрам лишить их «кормушки» (спецстоловой на ул. Грановского), которая мешает им видеть (с помощью жен) действительное положение дел со снабжением и качеством продуктов.

Отнял у своих помощников «чайки», вернул их на «волги». И, говорят, такая же судьба постигнет первых зам. завов отделов ЦК.

Приходил Амбарцумов. Мы не виделись, кажется, с той «истории»[3]. Принес письмо в адрес Горбачева, в котором намекает на некомпетентность и несовременность Бугаева (заместитель главного редактора «Коммуниста»). Но фактически жалуется и на Зимянина. Сделано с блеском и неотразимо. Посоветовал ему сменить адресата. Ибо Горбачев заниматься этим не будет, а Зимянин будет мстить. Отправить письмо надо либо самому Зимянину, либо Косолапову, который покажет Бугаеву: пусть тот побесится.

Амбарцумов спокоен, говорит, что ни о чем не жалеет (как и я), что Трухановский струхнул[4], и если б не стал «раздеваться» и каяться, может и в академики выбрали бы. Теперь-то ему, конечно, ясно (т.е. после прихода Горбачева), что глупость сделал, но – поздно.

Пономарев звонил из Крыма. Жалеет, что уехал: «такие дела!» Какие же?.. Объединенный пленум творческих союзов, где появились все во главе с Горбачевым, а его, Пономарева, там не было! Вот и вся забота о деле. И еще… Опять поднимает тему конференции из приглашенных на 40-летие Победы компартий. Велел составить телеграмму! Смешно. С другой стороны, как-то неловко тыкать его носом в эту тщеславную его глупость – все-таки ему 81-ый идет!

Вчера послал ему записочку по поводу бумаги в ЦК о положении в КП Финляндии и что нам делать. Записка получилась даже грубая: повторил все то, что говорил на вышеупомянутом совещании замов у Пономарева. Закончил словами: нельзя приятельские привязанности Шапошникова, Федорова и Смирнова с их финскими подопечными ставить над требованиями реальной политики. И, наконец, не надо нарываться на то, что нас (Международный отдел) «поправят», а при Горбачеве это произойдет неизбежно и скоро.

Сегодня Б.Н. звонил, но об этой записочке – ни слова. Может, впрочем, и не получил. Балмашнов мог вскрыть мой конвертик и припрятать «до возвращения Шапошникова», которому и покажет. С него станется – этого Иудушки Головлева на посту помощника Секретаря ЦК КПСС!

На заседании ПБ 11 апреля Горбачев огласил следующие данные:

При переработке пищевых товаров 50-60 % занимает ручной труд.

---

[3] *Года три назад он потерял заграничный паспорт в Италии и пришлось спасать … и его партбилет.*

[4] *Речь идет о статье Амбарцумова, в которой он предлагал вернуться к НЭП'у. Статью он представил в журнал «Вопросы истории», где я был членом редколлегии и оказался единственным, кто выступал за ее публикацию.*

Производительность труда при переработке сельхоз продукции в два с половиной раза ниже, чем в капиталистических странах.

Не имеют очистных сооружений 1300 молочных, сыроваренных, маслоделательных заводов, 200 мясокомбинатов, 103 консервных фабрики, 60 крахмально-паточных заводов. В результате огромный ущерб окружающей среде.

Самое слабое место – хранение. Обеспеченность хранилищами для плодов, овощей и картофеля 26 %, и те не отвечают современным требованиям.

Из 11,2 млн. емкостей только 1/3 имеет охлаждение и только 19 % вентиляцию.

В сахарной промышленности лишь 20 % свеклы содержится в надлежащих хранилищах.

Во многих районах не хватает элеваторов. 140 мясокомбинатов не имеет холодильников, 42 % их требуют срочного капитального ремонта.

Потребность в современных машинах по переработке сельско-хозяйственного сырья покрывается лишь на 55 %.

В результате всего этого потери произведенного сельско-хозяйственного сырья достигают 25 %.

Только в торговле при хранении и транспортировке ежегодно теряется 1 млн. тонн картофеля, около 1 300 000 тонн овощей. Потери сахарной свеклы 3-4 млн. тонн.

При заготовке и транспортировке скота гибнет 100 000 тонн мяса.

8 000 000 тонн молока вскармливаются телятам, 18 000 000 тонн обезжиренного молока идет на корм скоту и 6 500 000 тонн сыворотки.

Из-за нехватки мощностей по переработке пропадает до 1 000 000 тонн выловленной рыбы.

Потребность пищевых отраслей в современных видах упаковки удовлетворяется на 50 %. Удельный вес промышленной упаковки 30 %, а для овощей и фруктов всего 10 %. Отсутствие тары приводит к перезреванию плодов и овощей и огромным потерям.

Если бы у кооператоров, заключил Горбачев, был бы полноценный транспорт в нужных количествах, они увеличили бы объем закупок сельскохозяйственной продукции у населения на 15-20 %, т.е. на 1,5 млрд. рублей.

12 апреля 85 г.

Почел стенограмму беседы Горбачева с конгрессменом О'Нилом и его делегацией. Блеск. Яркий, сильный, веселый и уверенный разговор, компетентность и убежденность и, как в старину говорили и до сих пор итальянцы говорят, диалектичный ум. И спокойное, веселое (по Ницшевски) умение держать марку великого народа. Американцев он ошеломил. Они отбрехивались детским лепетом. А потом в беседе со своими журналистами О'Нил сказал, что этот человек большого таланта и искренности, государственный деятель мирового масштаба.

Статья Ж. Думэнга, французского мультимиллионера аграрника, коммуниста – «о своем друге Михаиле!» Загладин перевел и, видно, послал «объекту» восторгов.

Сорок евреев из США и нью-йоркский раввин, которого в свое время спасли наши из гитлеровского концлагеря, просятся в Москву на 40-летие Победы. Интересно, как отнесется ССОД?

Два еврея – эмиссара Бронфмана (президент ВЕК, миллиардер) едут в Москву и будут общаться с разными нашими комитетами. Звонил Бобкову (зампред

КГБ), он воспринимает спокойно, а Арбатов, чтоб с ними поговорить, требует указания ЦК… Боится он быть замаранным «еврейским» предпочтением.

Много перечел сегодня в связи с появлением в мировой политике Горбачева, в частности, стенограмму дискуссии между комиссией Сорса (социал-демократы) и нашей делегацией (Арбатов, Червов, Примаков и др.). Сколько ума и хитроумия в это вкладывается. Но за кадром (а со стороны социал-демократов и явно) постоянно звучит голос недоумения: происходит безумие – политики великих держав и их союзники все делают для того, чтобы человечество, в конце концов и в недалеком будущем скончалось, а «мы с вами» и они сами – большие политики, все говорим, говорим, говорим, убеждая друг друга и веря друг другу (!), что и вы и мы – за мир, за спасение от ядерной войны.

16 апреля 85 г.

На работе ничего интересного. Вместе с Загладиным принимали двух голландских социал-демократов. Милые ребята, деликатные. Но главный мотив: чего вам (СССР) стоит не превышать число СС-20 за 372?. Тогда наше правительство не разрешит американцам ставить cruiser'ы. Ведь в военном отношении это для вас пустяк. А политические последствия для всего НАТО – неисчислимы. И в самом деле – чего нам стоит?! И вообще зачем нам эти СС-20, нацеленные на Западную Европу?! Установка их была такой же глупостью, как хрущевские ракеты на Кубе в 1962 году.

Б.Н. вернулся из отпуска. Собирал совещание замов. Рассказал, как болгары залупились, когда им сказали, что больше не будем давать им по полмиллиарда «кредита» на развитие овощеводства (на самом деле они тратили эти деньги на что попало). Живков неистовствует и уже повысил цены на экспортные овощи и фрукты к нам чуть ли не в два раза.

18 апреля 85 г.

Рано утром прислали из МИДа подготовленный ими проект послания Горбачева «встрече (ветеранов) на Эльбе» – наших и американских. Он написал записку: «Замечаний нет!» Но попросил Ковалева все-таки показать мне. Оказалось, что если б так прошло, был бы протест от румын, от греков, не говоря уж о компартиях – наших друзьях, которые вообще не были помянуты.

Вчера Михаил Сергеевич был в Пролетарском районе, на заводе Лихачева, в школе, в больнице, в магазине, в квартире молодой семьи – общался с массами. Но, говорят, опять же устроили (перед тем) потемкинские деревни.

По итогам его встречи со специалистами промышленности и сельского хозяйства, которая подробно была изложена в «Правде», (сегодня два часа обсуждалась на ПБ). Тихонов выразил неудовольствие: мол, этот экспромт ломает все, что было уже подсчитано для плана развития до 2000 года. Однако, Горбачев вежливо отвел упрек, а министрам и др. дал поручения «учесть» сказанное.

21 апреля 85 г.

У Блока вычитал об Августе Стиндберге. Заинтересовался. Взял в ЦКовской библиотеке две его пьесы («Пепелище» и «Графиня Юлия» – с его собственным обширным предисловием о сущности современного ему театра). Прочел. Отменное драматургическое мастерство, действует, несмотря на совершенно чуждый и в

общем нелепый для нынешнего читателя материал (сюжет). Оказывается также, что все вахтанговско-меерхольдовские, таировскме и проч. открытия современного театра восходят к его «теории» и практике. Впрочем, всякие наши Захаровы, Любимовы, возможно, об этом и не подозревают. Кто сейчас знает о Стиндберге? Он и не издавался-то ни разу в советское время.

А для меня это чтение было еще возвращением к одному из щемяще романтических моментов моей молодости, когда я читывал Ибсена, Гамсуна, Гауптмина, Келлермана. Очень повеяло ими и этим от Стиндберга.

23 апреля 85 г.

Пленум ЦК. О подготовке к съезду. Горбачев раскованный, уверенный, сдержанный, иногда прорывающийся в репликах. Говорит с Пленумом, не утыкаясь в бумажку.

Оргвопросы. На этот раз никто даже приблизительно не догадывался что произойдет. Еще у Спасской башни столкнулись с Арбатовым и Бовиным. Они, естественно, спросили, не знаю ли я. Я – не знаю, но сделал предположение, что Лигачев и Долгих станут членами ПБ. Арбатов добавил Чебрикова, но отвел Долгих: у него, мол, очень плохие отношения с Генеральным, что-то пробежало между ними еще при Черненке.

На заседании Горбачев вынул из кармана блокнотик и чохом предложил: в ПБ – Лигачев, Рыжков (!), Чебриков; в кандидаты – маршала Соколова, секретарем по сельскому хозяйству - министра сельского хозяйства РСФСР Никонова!

После избрания попросил новых членов ПБ подняться в президиум, а Лигачева подозвал и посадил рядом с собой – на председательское место, он, Лигачев, и вел весь Пленум. Ясно всем, что и Секретариат будет вести он. А эти полтора месяца после смерти Черненко, Горбачев не пустил Романова вести Секретариат (почему Романов мог претендовать на это? Потому что он единственный в Секретариате, кроме М.С. одновременно из секретарей ЦК член ПБ), вел его сам!

Теперь у него в ПБ абсолютное превосходство весьма верных друзей «против» (если осмелятся) возможных оппонентов: Тихонов, Кунаев, Щербицкий, Романов, Гришин.

Доклад Горбачева был энергичен во внутренней части с теми же, впрочем, основными идеями, что и на мартовском Пленуме. И – плоский, обыденный, дежурный – во внешней части. То ли он не хочет сейчас отвлекаться на эту «материю», то ли (что хуже) – опять передоверил все Громыке. Арбатов, который сидел рядом, ворчал: мол, ничего не принял из того, «что я ему (по его просьбе) представил».

Из самого доклада и из реплик по ходу прений просматривается «ход его мысли»: порядок (на производстве, в магазинах, на улице, в управлении – в самом широком смысле) и самостоятельность. В этом последнем смысле очень он поддержал выступление эстонского секретаря Вайно и Шиварнадзе. Самостоятельность, готовность на риск, решение вопросов на месте, своего рода «автономизм» в осуществлении стратегии, глубокое приспособление ее к своим (местным) возможностям и условиям.

Напутствуя перед началом прений, он говорил, что не надо комкать их, надо, чтоб потенциал (и опыт) «нашего коллектива» – Пленума раскрывался, чтобы видно было творчество и пример высшего партийного органа и т.д.

Но увы! Прения не оправдали его расчетов, хотя он потом, заключая (без аппаратной подготовки, а по своим заметкам в блокноте) сказал с авансом, что «прения шли в правильном направлении и что надо развивать этот стиль, этот характер работы Пленума».

Первые выступления, Щербицкий и особенно Гришин продемонстрировали полную беспомощность приспособиться к новому стилю. Это были образцы общих фраз, пустословия, которые сам Гришин всуе осудил. Но, кажется, Горбачев склонен терпеть во главе Москвы этого мудака, прожженного царедворца и жополиза, которого ненавидит и презирает вся Москва.

Впрочем, славословий не было в адрес Генсека. Хотя опять же все вставали при появлении Политбюро в президиуме и хлопали… Даже и после перерыва. Однако, Горбачев быстро «пресекал», решительно садясь на место.

Хитрый, умный, талантливый Шеварнадзе все таки изловчился: сказал, что давно не было такой реакции во всем мире на события в СССР, как на избрание Горбачева. Процитировал «Вашингтон пост» с похвалами в адрес «нового советского лидера» и с добавлением: «а нам-то, мол, капитализму что от этого, только хуже!» Да, добавил от себя Шеварнадзе: боятся там «соединения социализма с сильным руководством». И, извиняясь, тут же оговорился: знаю, мол, что Михаил Сергеевич не любит, когда о нем говорят, но ведь это же не я, а американцы говорят! Хохот в зале.

Из десятка выступлений только три-четыре были более или менее в горбачевском стиле.

Не думаю, что у Горбачева уже сложилась более или менее ясная концепция – как он будет выводить страну на уровень мировых стандартов. Прощупываются лишь отдельные признаки методологии, в частности, порядок, договорная дисциплина, довольно чувствительная децентрализация управления и планирования (которая будет ограничиваться лишь стратегией). Сейчас он производит расчистки и расстановку, склонен и к настоящей чистке партии (к которой открыто призвал Шеварнадзе). Он расшатывает сложившиеся при Брежневе догмы, условности, путы парадности, бюрократической инертности, чванства, хапания не по заслугам. Словом, ломает нормы монархической реставрации, которые принесли столько вреда экономике и морали при Брежневе и начали было возрождаться при Черненке.

(Кстати, на протяжении пяти часов Пленума имя Черненко ни разу не было произнесено, будто и не было его никогда!).

<u>27 апреля 85 г.</u>

Вчера было партсобрание по подготовке к работе с иностранными делегациями на празднике Победы. До 10 делегаций едут. Докладчик Шапошников. Убогий он все таки. К тому же не удержался, чтоб косвенно не задеть меня: мол, в Англии (курирую я) плохо отмечают 40-летие. Все это заметили и выглядел он смешно.

Перед залом, где было собрание, развернут стенд ветеранов, парные фото, - каким был во время войны и каков сейчас. Говорят, что я меньше всех изменился. Кстати, оказывается, я среди наших 30 ветеранов был во время войны в самом большом чине – капитаном.

Утром пришла открытка от Феликса (школьный друг). Поздравляет с Победой. Вспоминает, как мы переписывались, когда я был на Северо-Западном фронте, а он в Средней Азии (выслали из Москвы по подозрению, что он немец, Зигель ведь!). Да, я помню об этом, а также и том, что никогда у меня не возникало

чувства превосходства, пренебрежения или обиды (гнева) к своим школьным друзьям за то, что они почти все в тылу, а я – на войне.

Перебираю в эти «победные» дни скудные свои фронтовые фотографии. Волнуют. Хорош я был таки. Офицер – еще до того, как командиров Красной Армии назвали офицерами. А было мне к концу войны не полных 24 года. Товарищи из партбюро, которые организовали упомянутый фотостенд ветеранов зашли спросить, на какой должности я кончил войну. Я сказал: «Замначштаба стрелкового полка. А что?»

- Видите ли, Анатолий Сергеевич, мы с тем же ходили ко всем другим ветеранам. У Кудачкина (он – Герой Советского Союза) спросили, сколько тебе было лет, когда ты, старший лейтенант, командовал батальоном? - 21 год, -отвечает. Мы спрашиваем: «А доверил бы ты командовать батальоном нынешнему 21-летнему парню?» Отвечает: «Вы что, в своем уме?»

В самом деле, странная перемена в поколениях с тех пор.

<u>3 мая 85 г.</u>

Что бы я ни делал, с кем бы я ни общался, о чем бы я и говорил, все время бьется во мне мысль: а что я такое в горбачевском смысле? На что я способен? Смог ли я быть полезным профессионально (в деле), если б мне доверили вести его по-горбачевски? Не уверен я в этом. Но попробовать хочется, тем более, что Пономарев совсем не годится, у Загладина не хватило бы партийности (смелости, честности, рисковости), у Брутенца хватило бы ума, но не характера, - здесь нужен русский характер… Ну, и так далее.

Интересно, что станется с нашим заведением (пономаревским) на съезде и после него?

<u>5 мая 85 г.</u>

Вчера я читал письмо Рейгана Горбачеву (ответ на письмо Горбачева от 24 марта). Нахально и умно составлен текст. Его команда цинично отстаивает свои интересы. Но дело не в этом, а в том, что мы на фоне этого письма выглядим слабо. Потому что Горбачев идет еще по проторенной Громыкой дорожке (и упускает из рук внешнюю политику).

Мы не наилучшим образом повели себя в деле с убийством Николсона, и Рейган прижал нас.

Мы недальновидно завязались на космических исследованиях, требуя прекращения их в качестве условия продуктивности в Женеве. И здесь они нас загоняют в тупик. Горбачев лично теперь заангажировался на этом требовании. И если ему придется спасать Женеву, то он будет уже отказываться от своего (а не громыкинского) требования.

Поймал нас Рейган и на нелепом намеке о неприемлемости «двух языков» в отношениях друг с другом: один для пропаганды, другой – для внутреннего пользования, например, в переписке Президент-Генсек. Ведь вы же, парирует Рейган, всегда были за идеологическую борьбу!

Словом, не очень сильно получается… А все потому, что тут до революционного подхода еще дальше, чем во внутренних делах…- , до отказа от пропагандистского подхода к политике. И еще остается неясность в отношении наших международных возможностей.

6 мая 85 г.

Прочел доклад, с которым выступит Горбачев 8 мая во Дворце Съездов. Очень сильный текст, местами просто волнующий и очень точно выверен, как с точки зрения политики, так и с точки зрения вкуса, стиля.

Написал записку Пономареву: «Очень сильный текст». Тот звонит. Ему моя, оценка, конечно, не понравилась, так как «сильные тексты» могут быть только у него самого, а если они слабее чьих-то, то виноваты консультанты, я, исполнители, которые плохо реализовали его замечания и идеи. Я предвидел такую реакцию и специально так написал - «из злорадства».

Пономарева интересовало и другое: как горбачевский доклад сочетается с его, Б.Н.овой , статьей в «Проблемах мира и социализма», которую он с таким упорством и самомнением проталкивал. Я его успокоил: мол, по идеям не расходятся, но по структуре и характеру текста отличается существенно. Хотелось мне и тут уязвить: мол, Горбачев более вежливо обошелся с Рейганом и американским империализмом, не занимается предсказаниями о неизбежной победе социализма во всем мире (я все это предлагал ослабить и даже выбросить, он пренебрег). Однако, если б я это сказал, он заставил бы меня тут же «отметить» места, которые вызывают сомнения. А мне надо было бежать на свидание, и я смолчал.

11 мая 85 г.

Встречи с иностранными делегациями. Гнетущее впечатление от английских коммунистов. Равнодушные, занятые своими мелочами (вот уж поистине «тред-юнионистское» сознание, прямо по Ленину). И как я весь вечер за торжественным ужином на Плотниковом ни изгалялся, пытаясь возбудить их интерес к нам, к горбачевской новизне, пускался даже в излишнюю самокритику, реакция была вялой и шокирующе примитивной.

Зато совсем наоборот – Дэнис Хили, теневой министр-лейборист, старый знакомый, крупная национальная и международная фигура. Он искал контактов, разговоров, спорил, шутил, язвил, фотографировал (его хобби), и со мной, и с Арбатовым, и с Загладиным, и «подсказывал», как вести дело с Рейганом, чтоб добиться чего-нибудь. Под конец уверял меня, что празднование 40-летия (и в Англии, и в Европе, и здесь) – свидетельство того, что народы могут влиять на свои правительства. После приема в Кремле он пошел в Парк культуры, насмотрелся там нашей «массовости», в восторге был от общения с самым простым людом, к нему подходили, трогали за кресты на груди (он воевал во флоте), расспрашивали, рассказывали про себя (при нем был Виктор Кубекин, бывший советник в Лондоне, из КГБ, умнейший парень и красавец).

А в аэропорту я, приехав провожать его и Прискотта (из руководства компартии Великобретании), застал его пишущим статью для «Обсервера» – о 40-летии в Москве. Мне пришлось прощаться с ними обоими вместе, уселись в комнатке для гостей за коньяк. Я произносил всякие речи, старался шутить, подначивать. В ответ говорил Хили и под конец спохватился и выпалил, обращаясь к Прискотту, примерно такое: «Я думаю, что **товарищ** Прискотт не в обиде на меня, что я проговорил за нас обоих и съел все время до самолета (тот закивал головой, жалко и подобострастно улыбаясь). Впрочем, прошу прощения, после событий в вашей партии, которые закончатся скоро чрезвычайным съездом, может

быть я уже не смогу называть вас товарищ, придется употреблять – «господин» (мистер!)».

Все захохотали. Но это был великолепный ход против скатывания КПВ к антисоветизму.

Познакомился на приеме с Шапиро – лейбористка из Новой Зеландии. Прелестная, милая женщина. Впервые в СССР. На все смотрит «очарованными» глазами, хотя и приехала из едва ли не самой антикоммунистически респектабельной буржуазной страны. Говорили «протокольно», но очень по-доброму. Я тоже старался ее «очаровать». В конце пребывания она мне заявила: самое главное впечатление – это, что советские такие же простые, нормальные люди, как все. Поехала в Ленинград, обнималась с Терешковой, пойдет к ней в гости, в другие наши комитеты. А, между прочим, ее нам характеризовали не только, как близкую к премьеру Хоуку, но и как ярую сионистку[5] (она, хотя и Шапиро, но не еврейка, а англичанка).

Прием в Кремле был хаотичный, а для меня и очень суетный. На 11 моих делегаций было всего два переводчика (один из них Кубекин, который не отходил от Хили). Сопровождающих делегации (сотрудники нашего Отдела) в большинстве своем не пустили на прием. И пришлось мне, взяв рюмку, ходить от одного к другому, в промежутках наталкиваясь не на «своих» (люксембуржцы, немцы, филиппинцы, итальянцы, не говоря уж о знакомых московских) – и каждому что-то надо говорить «значительное». Но на всех я, кажется, не угодил, в том числе на Уинстона – слепого негра – председателя КП США.

И, наконец, я смог отметить Победу с Колькой Варламовым , моим фронтовым другом. Поговорили о Лигачеве. Когда ему АОН предложила гонорар за лекцию, прочитанную им (осенью) перед слушателями, он пришел в бешенство. И «так» не оставил – запретил выписывать гонорар работникам аппарата, которые приезжают туда время от времени выступать. Жену свою круто поставил на место, когда она попыталась воспользоваться его положением.

Порассуждали о Горбачеве – я от него в таком захлебе, что готов простить даже упоминание о Сталине в докладе о Победе. Однако не надо было этого делать (я, видимо, был единственный в Кремлевском Дворце Съездов, кто не хлопал в момент самых бурных аплодисментов при этих словах). Горбачев (понять можно) поддался инерции, общему настроению. Не хотел поощрять ворчунов, давать им пищу. А надо было бы пренебречь. Показать характер, дать понять, что и Сталину не следует прощать того, чему не может быть прощения (тех 20 млн., которых мы потеряли в войне, особенно в 1941 году).

15 мая 85 г.

На днях беседовал с Каштаном (генсек компартии Канады), обедали в «Октябрьской». Увязался и официально прикрепленный П. Смольский, которого мы недавно посылали во главе делегации на съезд в Канаду.. Он же надменный заместитель Лигачева по организационному партийному отделу и секретарь парткома всего аппарата. Не знаю уж, о чем и как он разговаривал с Каштаном и др. там в Канаде и здесь в качестве прикрепленного от ЦК, но в течение двух часов на этот раз пришлось говорить мне одному. Не в порядке самокомплемента, но, увы, с иностранцами, даже по сугубо внутренним нашим делам, по-настоящему, т.е. так как нужно для них (!), умеем разговаривать только мы, международники. Но нас

[5] *Для меня тогда сионизм и антисоветизм были синонимами.*

очень мало, а Лигачев и оргпартотдел навязывают нам провинциальных секретарей обкомов…, хорошо еще умный попадется, а то… навидался и натерпелся я от многих за 20 лет.

Празднование Победы прошло хорошо. И за границей тоже: Рейган помог. Но главная причина: мы заставили Запад реагировать на нашу концепцию Победы. Рейган перешел в контратаку, и антисоветизм привел его к поминовению СС'овцев

Западная печать начинает усекать, что монополия Громыко на внешнюю политику продолжается. Конечно, континуитет нужно дать им почувствовать, и в Западной Европе надо как следует поработать, прежде чем выходить на Рейгана. Однако, затягивать громыкинскую ситуацию опасно: может наступить разочарование в возможностях (и намерениях) нашего нового лидера. Впрочем, он продолжает (и на Западе тоже) набирать очки по внутренним своим делам.

Арбатов сообщил мне сегодня, что можешь, мол, себя и всех вокруг поздравить: Боголюбова - под жопу мешалкой. Лукьянова сделали вчера на ПБ заведующим Общим отделом ЦК. Действительно можно поздравить всех – весь аппарат; после вора, барина и сволочи Павлова этот был второй по значению (а кое где и главней) клеврет и цепной пес Брежнева – Черненко, куркуль…

М.С. упорно делает все по своему. И не теряет времени, как Андропов, у которого его было гораздо меньше.

17 мая 85 г.

Боголюбова, действительно, сняли на ПБ в среду. Причем – без обычной, в таких случаях, «благодарности от ЦК» за долгую службу (а он недавно на 75-летие получил Героя) и без назначения персональной пенсии. Говорят, что, хотя его уже давно, т.е. с приходом Горбачева, решили убрать, но внезапность объясняется тем, что в связи с 40-летием Победы он добился себе ордена Отечественной войны, в которой не участвовал. Так же, как он пару лет назад заставил АОН и ВАК присвоить ему доктора, а еще раньше – лауреата Ленинской и Государственной премий, имел машину без номера и т.д. Словом, сволочь, которую давно надо было убрать…

Так что еще один признак очистительной горбачевской волны… Как никак – «главный» отдел ЦК.

Занимаюсь «задолженностью» Латинской Америки и угрозой валютно-финансовой катастрофы (поручение Горбачева, в которое вовлечены институты АН, Госплан, Минфин, Госбанк, Минвнешторг и проч).

18 мая 85 г.

Забыл вчера пометить, что в четверг Лигачев собирал всех заведующих и замов аппарата. Предупредил, что завтра будут опубликованы постановления и указы об алкоголизме и пьянстве. (кажется, скоро будем отмечать 400-летие борьбы в России против пьянства: начал Борис Годунов). Говорил очень строго. Мол, 12 лет назад начали было, но тут же постановили увеличить производство водки, а на всякие безобразия смотрели сквозь пальцы. «Больше так не будет! Не будет! Не те времена наступили… (помедлил), - как и во всех других отношениях»… Замеченных «в этом» будем увольнять в 24 часа, не глядя ни на заслуги, ни на положение (рядом со мной сидел Шапошников, почти совсем вдребадан, видно, еще со вчерашней или ночной попойки).

Привел цифры: в год 107 000 коммунистов попадают в вытрезвители, комсомольцев – 370 000. С 1950 года потребление алкоголя увеличилось в 4 раза. 2/3 преступлений – в пьяном виде. Рост преступности идет в прямой пропорции к росту потребления алкоголя. Снизился уровень продолжительности жизни мужчин. Угроза грядущим поколениям. Главная причина роста пьянства – рост производства алкогольных напитков (а не «пережитки» капитализма).

Вчера опубликованы указы и постановления. Поражают откровенностью (без боязни за «имидж реального социализма»). Но меры – не драконовские. В основном штрафы. А что возьмешь с пьяни?!

20 мая 85 г.

Прошел съезд КПВ. Победили «еврокоммунисты». «Наших» выгнали. Либо глупцы, либо, действительно, сработала агентура, либо настолько яростные антисоветчики, что теряют здравый смысл. Ведь в их, английских, условиях нет пространства для социал-демократической (антисоветской) коммунистической партии, а сейчас тем более, когда мы начали обниматься с Кинноком и Хили. Фактически их съезд означает курс на самоликвидацию. Формально содержание его – еврокоммунизм, но реально в их ситуации - совсем другое… Особенно, когда Горбачев создает иной имидж Советского Союза как мировой величины и начинают рассеиваться страхи перед советской угрозой.

22 мая 85 г.

Встречал Сюреша с командой плюс Надя Барта, вышедшая на пенсию с должности помощницы и переводчицы Кадара. Сюреш сейчас секретарь ЦК ВСРП. Ужинали в гостинице на ул. Димитрова, впервые в условиях «сухого закона». Венгры посмеиваются, мы извиняемся, тостов, разумеется, нет, разговор идет о чем попало. Хорошо еще, что это давние друзья и болтать можно откровенно на любые темы. Говорят, подарки вам везли, как обычно – винные наборы, но в самолете решили выпить сами, «чтоб не нарушать»…

Приехал Лагутин с чрезвычайного съезда Великобритании. Еврокоммунисты учинили там разгром правоверным, т.е. верным нам. Это демонстрация того, что в таких странах, как Англия компартия не нужна, комдвижение себя изжило. И коммунисты хотят модифицироваться во что-то совсем новое, порвать пуповину, стать пусть клубом, но с оригинальными идеями, чтоб их хотя бы слушали. Мы, КПСС, им не нужны, совсем не нужны. Не видят они в нас ни образца, ни примера, ни идеала, ни брата, ни доверенного друга, ни даже спасителя от ядерной катастрофы. Увы! К этому идут многие компартии.

Читал запись беседы Б.Н. с Черветти. Пономарев подстраивается под подход Горбачева к МКД. Даже оправдывался насчет международного Совещания: мол, что вы на нас набросились, будто мы настаиваем на нем. Наоборот, нас другие упрекают за то, что мы сопротивляемся, саботируем эту идею. Да и физически мы не могли на этом настаивать: смотрите какие у нас были обстоятельства – потеряли трех Генсеков, к юбилею Победы готовились, сейчас съезд на носу, до того ли нам?! Вот как оказывается!

Загладин мне рассказал, как Б.Н. среагировал на мой протест по поводу финской компартии. Ругал Шапошникова матом, - мол, ничего не понимает, губит все дело.

Лагутин рассказал мне о том, как Кларк, помощник Киннока, оценивает Мэгги Тэтчер: никто ее не свалит и не склонна она сдавать власть. Единственное, что ей грозит, - выдержит ли сама. Во-первых с глазами плохо, а хочет все сама читать. Во-вторых, и главное – психические перегрузки: она с утра до вечера играет в великого государственного деятеля, перед всеми – друзьями, врагами, соратниками, министрами, иностранцами, mass media, перед самой собой. Это, конечно, страшно трудно. Она чертовски умна и, действительно, великая актриса, но ведь не на сцене же, где обычным актрисам бывает удается жить долго. Умно!

Народ буквально ошарашен вчерашним показом по телевидению выступления Горбачева в Ленинграде. Только и разговоров: «Видел?!»… Мы, наконец, получили лидера, который знает предмет, увлечен своим делом, умеет своим языком выражать то, что хочет донести до людей, не боится общаться с ними, не боится показаться им недостаточно величественным. И производит впечатление человека, который действительно хочет сдвинуть с места этот погрязший в грязи воз, расшевелить людей, заставить их быть самими собой, действовать смело, рисковать, полагаться на здравый смысл, думать своей головой и делать, делать. Что-то ленинско-кировское есть в нем, отвага и компетентность, вместе с уверенностью в себе и в людях, вернее в том, что есть люди, которые могут действовать так же, как он сам.

23 мая 85 г.

Вчера пока я занимался с Сюрешем, шло партсобрание в отделе. Утром с мазохистским любопытством поинтересовался как было. Службисты хвалили все (я все таки перед ними начальство). Близкие мне завсекторами оценили кое-какие выступления, но в ужасе от доклада Пономарева, все другие – тоже. Доклад был посвящен итогам работы за год. Брутенц описал подробно: жвачка, которой можно было попотчевать и при Брежневе, и при Черненко. Ничего ни от апрельского Пленума, ни от горбачевского стиля, ни от новой атмосферы, ни от всеобщих ожиданий. Полтора часа удручающей бодяги. Старый зубр не поддается. Его позиция: посмотрим, что выйдет из этого нового стиля. Думаю, он не может, не в состоянии даже на самого себя реалистически посмотреть. А насчет «поживем увидим», у него слишком мало осталось для этого времени.

Обнаружил, еще при Андропове подготовленный мною проект доклада для теоретической конференции по МКД, очень критический и яростный текст, произвел бы шок. Забыл про него совсем. Но текст слишком статейный, для произнесения не годится.

Вся Москва клянет Лапина (председатель Комитета по радио и телевидению) за то, что не предупредил о показе Горбачева в Ленинграде. У всех только и разговоров об этом: появилась надежда и веселость.

28 мая 85 г.

Вчера весь день изучал стенограмму переговоров Громыко-Шульц, Хау, Геншер в Вене. Если забыть изначальное коварство американцев, то аргументация, которой пользуется Шульц, убедительнее для нормального западного человека, чем наше упорное повторение доводов насчет того, что мы не хотим никого ни подчинять, ни завоевывать, не собираемся ни на кого нападать и т.п. Этим декларациям никто не верит, и в этом корень женевского и венского тупика. Нужны

революционные подходы к переговорам, адекватные тому, которые продемонстрировал Горбачев в Ленинграде.

Думаю, со времен Сталина не было такого, чтобы за брошюрой с его выступлениями (тираж 1 млн.) гонялись так, как за этой. Это тебе не сочинения Брежнева или Черненко, которые с момента их выпуска и до смерти «их авторов» валялись во всех киосках.

Да, это открытие действительно нового этапа в советской истории. Наверное, что-то большое из этого получится. Горбачев, кажется, не из тех, кто останавливается на четверти пути, как случилось с Хрущевым, испугавшемся своей смелости.

30 мая 85 г.

Вчера с утра отвратительный разговор с Пономаревым. То ли возраст сказывается, то ли зашоренность догматика слишком велика, но он уже не сечет, что ему придется подлаживаться под новый стиль, причем так, как еще ни разу в прошлом, потому что впервые за всю его почти шестидесятилетнюю карьеру речь идет о ликвидации сталинизма во всем, в том числе в образе мыслей, в манере поведения, а не только в делах.

Читал стенограмму встречи Горбачева с Брандтом. Наш выглядит гораздо сильнее. В том, в частности, что для нас нет проблемы немецкого народа, как нации. Поразительно умело, ловко Горбачев владеет материалом. Как он, в частности, преподнес проблему установки ракет. Возгордился я, как наш новый лидер представляет страну и как он выглядит перед таким прожженным политиком мирового класса, как Брандт.

31 мая 85 г.

Сегодня Пономарева опять смазали и опять поделом. С утра приносят телеграмму от Добрынина: 800 ученых, среди них 57 нобелевских лауреатов, обращаются к Горбачеву и Рейгану с просьбой запретить космическое оружие. Б.Н. пишет мне резолюцию на этой телеграмме: готовьте проект ответа. Иду к нему, начинаю объяснять, что это не пропагандистское мероприятие, этим должны заняться министерство обороны и МИД, потому что ученые предлагают закрыть красноярскую РЛС. Когда я стал настаивать, Б.Н. обозлился, но я продолжал свое: нельзя вранье насчет Красноярска (будто эта РЛС не имеет никакого отношения к ПРО) связывать с именем нашего Генсека. Вы, говорит мне Б.Н., все верите Арбатову, а у него, все, что у нас,-это плохо, а все, что в Америке – это хорошо. Доиграется он! Я Б.Н'у в ответ: а почему же Громыко в Вене, когда ему Шульц и Хау прямо задали вопрос насчет Красноярской РЛС, ушел от этой темы, будто и не было произнесено слов «Красноярская РЛС», будто и не было вопроса. Вам не кажется, что это показательно? Даже Громыко не хочет связывать свое имя с этим враньем, которое долго не продержится. Но для нашего Б.Н.'чика все это пустяки. Главное выстрелить еще одной пропагандистской дробью.

Пошел я к себе. А через два часа мне сообщили, что Горбачев поручил разобраться во всем этом Громыко и Соколову, а не Пономареву. О чем я не без внутреннего злорадства, ему и сообщил.

Прочитал сегодня информацию об массовых антисоветских «проявлениях» в Праге, в связи с хоккейным чемпионатом и велосипедной гонкой под девизом «мир-дружба». И это на фоне недавнего «дружеского визита» Гусака в Москву.

Один знакомый чех рассказал мне о том, как на президиуме ЦК КПЧ обсуждался вопрос награждать ли орденами чешскую команду победительницу. Голоса разошлись, а на самом стадионе было так: любимчики Москвы Биляк и Ленарт (члены президиума ЦК КПЧ) встали и вышли, когда началось антисоветское буйство, премьер Штроугал пошел обнимать своих хоккеистов. На президиуме ЦК вопрос решил Гусак, сказавший, что в «данной ситуации» награждать неудобно перед советскими товарищами.

Вот он нам 1968 год! Долго еще будем расплачиваться!.. Если вообще когда-нибудь станет возможным возродить атмосферу 1945 года, когда мы были освободителями, а не интервентами.

5 июня 85 г.

Добрынин вновь настаивает на приезде сенатора де Ла Гарза (очень он ему полюбился). А Верховный Совет (Кузнецов, Толкунов, Высотин) вообще никого не хотят: «Они (т.е. сенаторы, конгрессмены) нам не нужны. К тому же, нарушают взаимность – сами напрашиваются, а к себе не приглашают».

Да и то правда: у них каждый конгрессмен, какой-никакой – политик, а у нас? – Арбатов, да Толкунов, еще пяток… и обчелся. Знакомые все лица, и сильно поднадоевшие американцам.

Берков прислал тайно письмо из Оттавы, где он на конференции по правам человека. Жалуется: МИДовцы боятся самого этого понятия, требуют обсуждать при закрытых дверях, американцы смеются. Загладин взялся «продвинуть» эту жалобу через Александрова и Воротникова, который только что был в Канаде как представитель РСФСР. Посмотрю, что получится.

9 июня 85 г.

По отчету Воротникова на ПБ о поездке в Канаду, Горбачев дал задание заняться, наконец, этим делом и поднять «свое знамя прав человека». Письмо Беркова там тоже фигурировало в том смысле, что наши, спрятавшись от публики на конференции, отдали ее в руки американцев, которые во всю и эксплуатируют там тему прав человека. Пономарев страшно разозлился, что мы с Загладиным обошли его с этим письмом Беркова, которое напрямую попало в руки «Воробья», а от него Генсеку. Но если бы мы с этим письмом сунулись к Б.Н.’у, то он и сам бы не осмелился бы вякнуть и нам бы запретил.

Теперь я составляю «план реализации» поручения Горбачева. Но обнаружилось, что ровно год назад по инициативе ныне упраздненной комиссии ПБ по контрпропаганде (Громыко) уже принималось решение ЦК об усилении наступательности в борьбе с Западом по правам человека. Типичное трепалогическое сочинение: «усилить», «повысить», «добиться», «улучшить», «расширить»… О нем, естественно, забыли, но теперь, если спросить, могут отчитаться, что, мол, усилили, повысили и проч.

Пришла бумага, подписанная в Госплане, Минфине, Минвнешторге, ГКЭС и т.д. о задолженности третьего мира империализму (форма его грабежа), навязчивая идея Фиделя Кастро, которую воспринял Горбачев. Дело оказалось гораздо серьезнее, чем материал для пропаганды и разоблачения империалистического грабежа. Развивающиеся страны нам самим должны 26 млрд. долларов. К тому же, кризис, как и все теперь, при современном государственном монополистическом капитализме не катастрофический, и выход Запад найдет

вместе с должниками. Если же мы в эту драку влезем, нас же и побьют, как всегда в таких случаях.

Читаю книгу о Карлейле. Он давно и не раз интересовал меня, читывал его самого. И сейчас, вроде бы, общаюсь с самим собой – таким, каким был, когда читал его прежде. Такие же отношения у меня с Ницше. Но с Толстым так не получается. Он все время оборачивается чем-то новым, не усвоенным, и даже не замеченным в прошлом или не понятым по молодости.

Интересно почитывать, даже просматривать книги о современных социальных процессах на Западе, об НТР, о безработице, о переменах в социальном составе общества – очень серьезная литература идет. И читая такие книги, как правило авторы - сотрудники ИМЭМО, ИМРД, огорчаешься нескладностью всего у нас: ведь вся эта продукция совершенно не доходит до политического верха, никак не влияет на формирование политики. Даже Пономарев, которому по должности положено знать, что пишут о названных предметах, понятия не имеет об этих произведениях. Впрочем, посмотрим: во всяком случае, в том, что касается НТР, - послезавтра в ЦК открывается конференция по этой теме с докладом Горбачева. Как там будет учтено наша отставание и что будет предложено и в случае, если будем догонять – как обойтись без ихних последствий (резкого увеличения числа лишних людей)… Вот тут то и столкнется наш социализм с марксовым Hic rhodus, Hic salta!

Вчера опять полистал дневник Байрона. В каждой строке, даже по пустякам – масштаб личности… а, может, магия, мифология, заставляет каждое слово так воспринимать. Впрочем, проза его по ясности, точности, краткости просто пушкинская. Интересно, Александр Сергеевич читал ли что-нибудь прозаическое у Байрона?

Взял с полки Дезькины (Давид Самойлов) томики. Разливанное море всяких ощущений, личных в первую очередь, ну и вообще: крупный он поэт и мог бы сказать о наших временах очень значительное… если бы мог?? Спивается.

11 июня 85 г.

Вожусь с проектом по правам человека. Пономареву не понравилось предложение создать Советский комитет по правам человека: «Как это так? В СССР комитет по правам? У нас, что – права нарушаются?! Нет, нет, я против».

Поспорил я с ним довольно нахально. Все больше раздражает он своими старческими капризами и глупостями. Ничего я не добился, его огорчил, себя расстроил – бестактностью по отношению к старику.

15 июня 85 г.

Был вчера на секретариате ЦК. Впервые видел, как ведет его Лигачев. В общем – в горбачевском духе, остро и дельно. Вопросы:

- о заготовке кормов. Похоже завал, из за ужасной весны и опять же из за безрукости, равнодушия, нежелания работать. Например, косят клевер и люцерну, когда они уже сохнуть начинают, чтоб вал был побольше, а качество корма снижается на 30 %;
- о работе торговли. Совсем печальная картина. Магазины превращаются в склады и одновременно – дефицит. Допотопная система. Беда в отсутствии информатики, компьютеров, а главное в том, что довлеет производитель, а не потребитель. Обо всем этом очень резко с фактами говорили Рыжков, Воротников, Долгих и сам Лигачев. Поворачиваться в

торговле надо потому особенно, что с полок снимается водка, вино и финансовый план горит;

- о состоянии жилищно-коммунального хозяйства в РСФСР. Очень скверно. Жилой фонд устарел, некачественное строительство нового жилья обернулось теперь миллиардами на капремонт, авариями на коммуникациях, в снабженческих сетях. Это стало повальным явлением;
- о злоупотреблениях жилплощадью. Записка комитета народного контроля. Лигачев развел руками: полтора года мы жестоко расправляемся с теми, кто замечен в злоупотреблениях, гоним из партии, снимаем с работы, но опять и опять, те же сауны, те же дачи-дворцы за государственный счет, то же кумовство при раздаче квартир и т.д. и т.п.

Еще один неприятный разговор с Пономаревым. Велихов и Арбатов прислали из Женевы запись беседы с одним доброжелательным американцем. Вы, СССР, говорил американец, должны положить в Женеве на стол конкретные предложения, пусть они будут даже обусловлены отказом от ударного космического оружия, но – конкретные: такие-то ракеты сократить на столько-то, такие-то на столько-то, с подводными лодками поступить так-то, с какими-то самолетами поступить так-то, с другими иначе и т.д. и т.п. И это, пишут академики, разумно. Потому что ведем мы в Женеве «философские» дискуссии о том, что космическое оружие – это плохо, а американцы доказывают, что хорошо, жуем стародавние общие инициативы, которые все уже стали предметом пропаганды, а не делового обсуждения в кругу экспертов.

Попробовал включиться в аргументацию Арбатова-Велихова, растолковать ее Пономареву. В ответ он заявил, что я, очевидно, не слежу за нашими инициативами. Вот, мол, товарищи тут подготовили мне к поездке в Испанию «сумму суммарум» (любимое словечко Б.Н.) наших инициатив. Познакомьтесь, говорит он мне. Я сказал, что газеты читаю, более того, читаю шифровки и МИДа, и ГРУ, и КГБ, знаком с постановлениями ПБ, читал и стенограммы заседания в Женеве, наши инициативы при Андропове, Черненко и Горбачеве знаю наизусть. Но сейчас речь идет совсем о другом. Речь идет о том, чтобы перестать топтаться на месте, когда гона вооружений вот-вот вырвется из под контроля.

На него мои ядовитые разъяснения не произвели никакого впечатления. Для него вообще суть дела уже совсем неинтересна. Он физически, геронтологически не может вникать в существо проблем, у него не остается на это времени и вся нервная система работает лишь на самосохранение в своем кресле. Он очень болезненно ощущает, видимо, ветер перемен.

Слухи о кадровых переменах. Замятина, вроде, отправляют послом в Вену. Отдел его в ЦК (международной информации) вообще исчезнет. Как громом – снят Стукалин и будет отправлен послом в Будапешт. Это все черненковские кадры. На его место в ЦК на отдел пропаганды – Сашка Яковлев, возвращенный, не без моей помощи, из Канады, и сделанный директором ИМЭМО, вместо умершего Иноземцева. Уволены некоторые завсекторами в отделе пропаганды.

По коридорам ходят разговоры о том, что произойдет на ближайшем Пленуме и на сессии Верховного Совета: Громыко станет председателем Верховного Совета, Корниенко министром иностранных дел, Кузнецова Василия Васильевича – на пенсию, а вместо него первым замом при Громыке – Зимянина, премьера Тихонова – на пенсию. Горбачев будто бы возьмет на себя пост предсовмина. Добрынина будто возвращают в Москву, на его место Воронцов из Парижа, где он сейчас послом, Трояновского направляют в Лондон вместо Попова.

Эпизод в лифте. В нашем 3-ем подъезде есть специальный лифт для секретарей ЦК, он рядом с обычным. Утром стою жду этого обычного. Русаков (зав. отделом по соцстранам, секретарь ЦК) подходит к своему и приглашает меня с собой. Едем. «Как дела» и проч. Лифт останавливается, выходим. Вдруг Русаков обнимает меня за спину и говорит: «Подыщите мне хорошего заместителя!». Опешивший, я обещаю. О ком речь? О Рахманине? О Шахназарове? О вечно больном Киселеве? О Смирновском, который изначально – пустое место? Да, думаю, ветер перемен все сильнее дует и вокруг нашего Международного отдела.

В среду встречались с Зигелем (школьный друг) и его Клавой. Он был развязен, циничен, брюзгливо философствовал. Заспорили, зачем нужно верить в Бога. Я ему: «Ты верующий, я неверующий. Какая разница, если мы оба вроде порядочные люди и оба в девяти случаях из десяти (заповедей) в общем соблюдаем христианскую мораль. Хотя мне наплевать, что она христианская». То ли он был не в форме, хотя выпили немного, то ли вообще строит комедию – дурака валяет с этой своей верой, но ничего путно он мне объяснить не мог. А насчет загробной жизни нормального человека убедить все равно невозможно.

16 июня 85 г.

Феликс (Зигель) дал мне фотографию нашего класса (1-ая опытная школа имени Горького). Такой у меня нет, может затерялась, может и не было совсем. 1938 год. В центре – Петракл (Петр Яковлевич Дорф, наш математик, любимый учитель, который был нам другом и учил нас быть просто гражданами, без демагогии и сталинского культа).

Гляжу на фотографию и в голове возникает интересная «статистика». Нас там 26 человек, 8 из них добавлены к нам уже в 10-том классе, т.е. в 1938 году, когда нас перевели в новое здание, стандартное, в отличие от прежнего, построенного знаменитым архитектором Зеленко в стиле модерн в начале века. Там в свое время училась моя мать.

Значит, до 10 класса нас было всего 18 человек (при норме в стандартных школах – 30-40). Из 26 тринадцать русских, в том числе одна с польской примесью – Наташка Станкевич, красавица и богиня класса. Остальные – евреи, некоторые наполовину. Таковы были те времена. Тогда бы никому в голову не пришло заниматься подобным подсчетом. Для меня, да и для всех никакого различия, кто какой нации, не было. Из 20 умерло уже, кажется, семеро. Из 12 мальчишек ни один не погиб на фронте. Да, и на фронте-то были только четверо: я, Дезька Кауфман (ныне великий поэт Давид Самойлов), Левка Безыменский и Наташа Станкевич.

На Крымской набережной – выставка самодеятельных художников, посвященная 40-летию Победы. Дурацкая это затея: порча вкуса, снижение требовательности к профессиональному искусству. Хотя кое-чем можно и умилиться.. Безграмотные, но страстные баталии на страницах книги отзывов.

Там же ГДР'овский художник Хайзан… продолжение немецкого экспрессионизма 20-х годов, сюрреализм. Графика очень талантлива и впечаляет. Картины – перебор одного и того же приема. Если б было 3-4 картины такого рода, они заставили бы себя помнить, но когда их чуть ли не сотня, увольте: тут уже виден поток, а значит, ремесло. Темы: война, фашизм, последствия.

20 июня 85 г.

Самое интересное рассказал Брутенц. Вчера, пока они полтора часа вместе с Корниенко ждали в приемной по случаю встречи Горбачева с Асадом, Корниенко вдруг разоткровенничался и рассказал (в ответ на вопрос: собираются ли что-нибудь делать с Афганистаном) следующее.

Инициатором интервенции был… Громыко, которого с энтузиазмом поддержал Устинов. «Проект» вхождения к Брежневу с этим обговаривался вчетвером: упомянутые плюс Андропов и Пономарев. Ю.В. держался «эвазивно», не возражал, но и говорил о возможных осложнениях. Пономарев тоже высказал несколько сомнений, но потом быстро подстроился. Решительное возражение поступило от военных, которым было поручено подготовить «свои соображения». Огарков, Ахромеев и Варенников подали письменный доклад, в котором доказывали, что это невозможно и немыслимо, прежде всего с политической точки зрения. Но их вызвал Устинов, поставил по стойке «смирно», сделал внушение на тему: с каких это пор военные у нас берутся определять политику, скомандовал «не рассуждать» и дать подробный план операции.

Сейчас, заключил, Корниенко (который сказал Брутенцу, что сам он всегда был против) мы получили от Генсенка задание – подготовить предложения «о решении афганского вопроса».

Это подтверждается и с другого угла: во вторник я был у Арбатова, трепались обо всем, опять он мне говорил, что чуть ли не каждую неделю либо видится с Горбачевым, либо разговаривает по телефону. Недавно, мол, я (Арбатов) послал ему очередную записку, в которой прошелся по всем главным проблемам – от встречи с Рейганом (Юрка считает, что никакого навара мы с этого не получим) до Афганистана. Тот, получив, отзвонил, особенно, мол, обратил внимание на Афганистан и сказал, что «согласен». А что именно предложил Арбатов, ясно без разъяснений.

Накануне к тому же Арбатову приходил пакистанский посол и «умолял» что-то предпринять.

Так что, наверно, дело сдвинется с места. Утром сегодня Юрка позвонил и сообщил, что в среду в 8.30 раздался звонок: ему велено было в 9.30 быть у Горбачева. Поймал левака, предстал. Разговор был «хороший», по оценке не только самого Арбатова, но и Лукьянова… со слов Горбачева. По телефону Юрка мог только сказать, что речь опять, главным образом, шла об Афганистане и что Горбачев подтвердил, что для него – это «первостепенная проблема».

Сегодня на Политбюро обсуждалась два часа записка об НТР (по итогам совещания в ЦК). Выступили все. Заключая Горбачев сказал, что главное в том, что замысла, идеи, намерений не понимают даже многие министры. Их предложения – попытки идти по проторенной дорожке, прикрываясь новыми лозунгами, ничего кардинально не меняя ни в формах управления, ни в методах действий.

Но Замятин, сообщивший мне все это якобы почувствовал и оправдательный тон у Генсека: мол, надо донести до людей, что с нашей (т.е. его!) стороны это никакой не экстремизм, не левачество, не что-то искусственное, субъективно навязываемое. Проблема качественной перестройки на базе НТР возникла давно, она поставлена уже на XXIY съезде (даже процитировал Брежнева), но целых две пятилетки мы топтались на месте, несмотря на то, что жизнь требовала решительных, революционных перемен.

Слабинку нельзя показывать, даже если ворчат. Тем более, что «народ» воодушевлен: сегодня я прочитал подборку писем в адрес ЦК со всех концов СССР,

с оценкой и «советами» начальной деятельности нового Генсека. Разослано по ПБ. Очень волнует. Языки развязались, откровенно, сильно, без оглядки люди пишут о том, что вот только сейчас можно начать говорить о действительном возрождении ленинского стиля в отношениях: «руководитель – народ, партия». И ни тени культистской сопливости, подхалимажа, славословия. Выкладывают все, что накипело от брежневиады и черненковщины.

Это должно вдохновлять М.С. Однако, есть опасность оказаться так же изолированными, как в последние свои годы Ленин. Поэтому надо смелее, еще смелее чистить и сменять аппарат. Старые кадры в большинстве своем будут сопротивляться даже если и не по шкурным соображениям, а потому что не могут работать иначе. Пономарев тому ярчайший пример.

От Корниенко также стало известно, что МИДу поручено готовить согласие на встречу Горбачев-Рейган в Женеве. Не уверен, что от этого будет какой-то стратегический толк, но морально-политическая польза будет: Горбачев «забьет», «затюкает» этого актеришку-ковбоя. И это так или иначе все равно станет известно всему миру.

22 июня 85 г.

Между прочим, в письмах к Горбачеву, о которых я упоминал выше, есть и такие: как только, мол, вы наградите себя орденом, как только вы сделаете себя лауреатом какой-нибудь премии, вы мгновенно растеряете весь свой авторитет, все уважение, которое возникло к вам в народе сейчас!

Гремец (Секретарь ЦК французской компартии) созвал послов соцстран в Париже и запретил им иметь какие бы то ни было отношения с ФСП! А мне пришлось отменить давно запланированный коллоквиум с французскими социалистами «по разоружению» на уровне ученых, так как наше согласие рассматривалось на ПБ ФКП и Гремец от имени Марше заявил посольству протест, угрожая, что в противном случае откажется от встречи с Горбачевым (намечена на август). Охалпели совсем! Торез, наверно, в гробу переворачивается!

26 июня 85 г.

Вчера был мой доклад на теоретической конференции в Отделе об МКД в зоне развитого капитализма. Говорил я около часу. Был откровенен и подал себя как есть, хотя, конечно, много вопросов (на которые нет у нас ответов… настоящих, я имею в виду) остались за бортом. Мне самому показалось, что заинтересовал и даже взволновал.

Сегодня посыпались отзывы. Лариса заявила: «Анатолий Сергеевич, все ребята потрясены вашим докладом, говорят, что с этого момента начинается новое отношение к коммунистическому движению в КПСС». Лисоволик сказал, что правда, в конце концов, побеждает. Рыкин был сдержан (видимо, оглядывался на представителя парткома, который ограничился заявлением, что я сделал нестандартный доклад), но пожимая руку, сказал, что доклад интересный. Брутенц сказал, что покорила откровенность и реализм, которых мы не слышали с этой трибуны. Много серьезных вопросов, но что с ними делать, мы, мол, не знаем.

Сегодня, выступая в прениях Иваницкий заявил, что конференция «продолжалась» и вчера в коридорах, и сегодня утром за завтраком, и в рабочих кабинетах, и в столовой за обедом. Некоторые, мол, говорят, что Черняев

драматизировал ситуацию, «утрировал». Я не думаю, что это так. В нашем закрытом кругу только так есть смысл говорить.

Было шесть выступлений. Все, за вычетом самонадеянного мудака Кудинова, очень высокого уровня, временами по-моему, превосходившего уровень доклада. Была и скрытая полемика: докладчик де сделал перекос на объективные причины. Но большинство говорили в духе моей тональности, соглашались с моей постановкой главных вопросов. Народ у нас весьма грамотный и в большинстве своем – давно уже преодолевший догматическую ортодоксию. Словом, я доволен, что так все прошло. Но круги пойдут и через партком, и через другие отделы, и через Пономарева, которому, конечно, не понравился бы мой доклад, тем более, что он выглядит чуть ли не вызывающим контрастом его докладу по итогам апрельского Пленума на партсобрании в конце мая.

Александров поиздевался надо мной (по телефону) за материал к беседе Горбачева с Трюдо (бывший премьер Канады). Может быть, за дело, хотя явно, чтоб доставить себе удовольствие. Загладин меня предупреждал, что Горбачеву нужны не текстовые памятки для зачтения, а набор мыслей, которые стоит сказать данному собеседнику. Я понимал, что подготовленный в американском секторе и доработанный мной материал - не то. Но какие такие мысли нужно передать Трюдо, который неизвестно кто теперь – ни лидер партии, ни премьер, так… знатный турист, который имел счастье быть знакомым с Горбачевым в прежние времена. Вот и заменяли мы мысли «красивыми» выражениями. Будет наука на будущее!

<u>29 июня 85 г.</u>

Подумал обо всей прошедшей неделе: была наша теоретическая конференция, которая всех взбудоражила, потому что откровенно поговорили о том, что является главным предметом нашей работы, за что мы зарплату получаем в ЦК и в отношении чего - мы профессионалы. По службе же мы этим своим предметом, т.е. МКД, занимаемся процентов на десять, если не меньше. Остальное – обслуживание претензий Пономарева быть «теоретиком нашей партии».

Статья Глазунова (художника) в «Правде». Он осудил 20-тые годы почти так же, как это было сделано при Сталине, в том числе и Петрова-Водкина. Пошло и глупо.

В № 6 «Нашего современника» наглая статья почвенника Любомудрова о состоянии театрального дела. Сделана по схеме 1949-52 годов: все еврейские авторы – плохо, все русские – хорошо. Мейерхольда смешал с говном. Предупредил о посягательстве на русскую классику со стороны всяких интерпретаторов их на сцене (с еврейскими фамилиями или «известно, что – еврей»). Так что при всем почти бесконтрольном «плюрализме» в наших газетах, когда появляются такие наглые вещи, – все понимают, откуда это идет, кто поощряет.

Некоторые считают, что кто-то заинтересован, чтобы поссорить Горбачева с интеллигенцией, пока он занят экономикой и проч. Возможно! Интересно, как в этой ситуации поведет себя Яковлев, если его действительно сделают заведующим отделом пропаганды.

Горбачев выступает почти каждый день. Правда, это **его** выступления, а не написанные ему. Но «народ» начинает ворчать: уж слишком надоело многоговорение при «предыдущих ораторах»…(так обозвал Бовин прежних Генсеков).

Любопытно: я «страстно» жду перемен, в душе подгоняю Горбачева - скорей, смелей. Но ведь мне-то лично они ничего хорошего не сулят! Попрание и

удаление Пономарева для меня означают, скорее всего, пенсию. Тем не менее я искренне хочу этих перемен, и во мне вызывают презренье люди, которые начинают ворчать по поводу горбачевской лихости, да еще доверительно, ища во мне союзника.

1 июля 85 г.

Был на Пленуме, который продолжался полчаса. Горбачев, не выходя на трибуну, в своей свободной манере начал говорить: завтра сессия Верховного Совета, нам надо обсудить ее вопросы, в том числе организационные. Первый – о председателе президиума Верховного Совета. Вы знаете, что с 1977 года этот пост совмещался с постом Генерального секретаря ЦК. Тогда это может было оправдано. Теперь времена другие, другие задачи и другая ответственность у разных органов. Генеральный секретарь должен сосредоточиться на роли и деятельности партии.

И без всякого перехода предложил в качестве кандидата на пост председателя Верховного Совета Громыко. Охарактеризовал его очень сдержанно, не отплатил за громыкинскую речь на мартовском Пленуме, еще раз показав, что «личностный» аспект для него не имеет значения. Сказал только, что Андрей Андреевич давно в партии, всегда последовательно проводил ее линию, привержен принципу коллективного руководства… И все! Ни об его уме, ни об его знаниях и способностях. Перешел к задачам Верховного Совета и вообще Советов, сказал о необходимости поднять роль постоянных комиссий ВС, наделив тут же их правом не только обсуждать работу министерств, но и оценивать работу министров, даже выносить суждение об их соответствии должности.

Сказал о прокуратуре, «работа, которой оставляет желать лучшего», о том, что она обязана охранять законность **для всех** и пресечь практику, когда министерства и ведомства не только комментируют законы, применительно к своим нуждам, но даже корректируют их.

Назвал кандидатуры на посты председателей комиссий и зампредовсамого председателя, кстати ни словом не обмолвившись о его (Громыко) роли во внешней политике. На это все обратили внимание.

Затем - о министре иностранных дел. Мы, говорит Горбачев, обстоятельно обсудили этот вопрос на ПБ и предлагаем на этот пост товарища Шеварнадзе.

Даже для нас, аппаратчиков, это был гром среди ясного неба.

А на Политбюро, о чем мне рассказал под страшным секретом Пономарев, дело было так. Горбачев неожиданно для всех назвал Шеварнадзе, откомментировал так: у нас выросли крупные дипломаты, достойные быть министрами, например, Корниенко, Червоненко, Добрынин. В этот момент встрял Громыко и назвал Воронцова. Но Генсек бросил на него косой взгляд и не отреагировал. Этот участок работы, продолжал он, должен быть непосредственно в руках партии и поэтому мы должны выдвинуть на этот пост товарища из руководства партии. Пономарев добавил еще по поводу Воронцова: М.С., мол, потому «не заметил» этой фамилии, что отдать МИД Воронцову, чуть ли не родственнику Громыко, значило бы оставить все как было.

На заседании ПБ Горбачев дал характеристику Шеварнадзе: он сумел справиться с труднейшей обстановкой в Грузии, ему присуще чувство нового, смелость и оригинальность подходов.

Пленум, естественно, перевел Шеварнадзе из кандидатов в члены ПБ.

Я считаю все это очень показательным, это означает конец громыкинской монополии и власти МИДовского аппарата над внешней политикой.

Кроме того, Романова вывели из ПБ и сняли с поста секретаря ЦК «согласно его заявлению, в связи с ухудшившимся здоровьем». Объяснений Горбачев никаких не дал, и неизвестно, был ли какой либо повод или просто решили избавиться от бездари и сволочи.

Зайкова, ленинградского секретаря обкома, избрали секретарем ЦК. Будет заниматься вместо Романова оборонной промышленностью. Назначили секретарем ЦК Ельцина, недавнего секретаря Свердловского обкома, оставив за ним пост в аппарате ЦК – зав. отделом строительства и капиталовложений.

2 июля 85 г.

Приятно было узнать, что в Отделе мой доклад на теоретической конференции прозвали «ленинградской речью», в подражание горбачевской речи, которую он произнес 17 мая.

5 июля 85 г.

Замучился с текстами для Пономарева и с запиской по поручению Горбачева - «о правах человека»… Полтора месяца сочиняем и согласовываем с ведомствами.

- Письма компартиям о задолженности слаборазвитым странам. Вчера Б.Н. поставил проект на совет замов. Разноголосица от непонимания. По инерции даже Загладин предложил послать и революционным демократам. Но мы с Брутенцем сказали stop: это был бы огонь на себя, они нам должны 26 млрд. А мы хотим списания долгов только в отношении Америки и К^{o}.
- Памятка и проч. бумаги для встречи с английскими парламентариями (Кэркшоу). Но это все – текучка.

Был, однако, и «музыкальный момент», о котором Пономарев со сладострастием рассказал на том же совещании замов. Во-первых, потому что он не любит Рахманина. Во-вторых, в назидание Загладину, который сплошь и рядом печатает статьи без ведома Пономарева. А произошло следующее.

21 июля в «Правде» появилась статья «Владимирова» о социалистическом содружестве, назидательная и с очевидным критическим подтекстом в отношении Венгрии, ГДР, не говоря о Румынии. Там было и про «националистические настроения», и даже про «русофобию», и про «модели» и «реформы», и даже «дисциплине», не говоря уж о пролетарском интернационализме в классической форме!

На статью сразу же обратила внимание американская, английская, ФРГ, французская, итальянская пресса. Что бы это, мол, могло значить? Истинные мысли Горбачева или оппозиция горбачевизму? Мол, для себя он позволяет реформы, а вассалам – ни-ни, в строй по форме. Дали знать о своем недоумении и из Будапешта и Берлина…

И вот в субботу (29 июля) на ПБ Горбачев заявил: что же это, мол, получается! Мы говорим, что укрепление соцсодружества – самое приоритетное направление нашей политики, проявляем максимум гибкости и деликатности, чтоб сплачивать его, устранять всякие недоразумения, укреплять доверие и т.д., а тут раз – и все насмарку. И мне уже пришлось оправдываться – придумал предлог, чтоб поговорить по телефону с Кадаром и Хонеккером и вроде бы между делом дал им

понять, что «эта статья не отражает мнения руководства». Таким образом, приходится выкручиваться.

- Вы, спрашивает М.С. у Русакова, знали об этой статье, о том, что она готовится у вас в Отделе? Ведь ее автор, «Владимиров», Ваш первый зам, член ЦК – Рахманин?!
- Нет, ответствует Русаков.
- А вы, обращается М.С. к Зимянину, знали, что в центральный орган ЦК, в «Правду» дана такая статья?
- Нет, - отвечает другой Секретарь ЦК, ответственный за прессу.
- А ты, говорит он Афанасьеву, ты что, не понимал, что делаешь? Почему ты не разослал эту статью по ПБ или хотя бы секретарям?

Главный редактор «Правды» мямлит, ссылаясь на пробивную силу Рахманина и на то, что он первый зам. Отдела соцстран и должен понимать, что он делает.

- Так вот, парирует Горбачев… Во-первых, полное безобразие, что зав. Отделом (Русаков) не знает, что у него делается в Отделе. Во-вторых, зачем нам нужны такие работники в аппарате ЦК, которые самоуправствуют по крупнейшим политическим вопросам, а мы за них должны расхлебываться. Такое поведение заслуживает немедленного увольнения из ЦК… Но поскольку это впервые (вот тут М.С. слукавил… не может он не знать, что Рахманин, например, в китайских делах проводит «свою» политику - наперекор ЦК и во вред государственным интересам!)…, ограничимся строгим предупреждением.

Думаю, не будь это Рахманин, любой другой слетел бы тут же. Что-то, кто-то за ним стоит…

Однако, ясно одно: теперь Олегу Борисовичу не светит не только стать Секретарем ЦК, куда он явно метил по всему его поведению, а и зав. Отделом вместо своего болезненного шефа – Русакова.

Понятен теперь и «призыв» ко мне этого последнего, когда он в лифте так интимно попросил «найти ему хорошего заместителя».

Есть все таки справедливость – зарвавшиеся зарываются. Идущая от нашей Великой революции, от Ленина идейность живет, несмотря на то, что ее мордовали и так , и эдак, и топили, и вывертывали, и превращали в свою противоположность… Жива она – в порах партии, общества… И прорывается на изломах в его развитии, какой мы сейчас переживаем.

Сашка Яковлев на сегодняшнем заседании ПБ сделан зав. Отделом пропаганды. Реваншировал он всех своих врагов… Особенный кукиш получился Демичеву. Звонил мне. Говорил о «сотрудничестве», даже просил помощи при начале- хитрит, льстит, широк, потому что рад, а, впрочем, и я тоже что-то сделал, чтобы справедливость в отношении него восторжествовала.

Но дело ему предстоит ох, как трудное.

<u>6 июля 85 г.</u>

С утра играл в теннис два часа. По пути домой зашел в магазин купить овощей. Там от директора до продавщиц все пьяные. Им закон об алкоголизме не писан. Попробуй уволь. Найдешь кого взамен?

На другой день зашел в овощной магазин на ул. Герцена. Полчаса стоял в очереди. Товар, хотя и с грядки, – ужасающего вида. Бабы скандалят с директрисой, той палец в рот не клади, к тому же тоже пьяная.

11 июля 85 г.

Почти каждый день дает переизбыток информации очень интересной для политического дневника. Но если все записывать, нужна целая «рабочая ночь», например, сегодня? Рыкин (заведующий германским сектором) вернулся из Западного Берлина и ГДР. Рассказывает: Герберт Мисс окончательно задрал хвост против Хонеккера, кричит: «Я что партия или ГДР'овская марионетка?!»

Приезжает Марше. Горбачеву придется его принимать, хотя он дохлая лошадь. Поддерживая его, мы вредим партии, он стал символом ее развала в глазах и левых, и правых, и всяких, как в собственной партии, так и в МКД в целом. К тому же он будет требовать отказа от визита Горбачева к Миттерану. Завтра приедет Гремец (секретарь ЦК ФКП), с которым мне предстоит согласовывать коммюнике. Представляю себе!..

Новые шифровки об окончании второго раунда в Женеве. Американцы охмуряют общественность в облегченном варианте. Мы же твердим одно и то же и выглядит это тупиково для всех, кто интересуется сутью дела.

С Пономаревым разговариваю все более раздраженно и капризно. Он даже сказал: «Трудно с вами»… Предлагает он глупости, рассчитывает произвести впечатление на английских парламентариев. А им начхать на него и на его поучения, им подавай теперь Горбачева и Шеварнадзе. Заставляет сочинять бессмысленные бумаги: памятную записку для англичан, заключительное слово для себя и т.п. Подотрутся они всем этим, если даже возьмут в руки. Поэтому я и бунтую. Хочет приставить к делегации «политкомиссара». Это к англичанам, которые даже своих посольских не подпускают близко. Все это имитация участия в большой политике.

Пеккьолли (секретарь ИКП) наговорил Лунькову (послу) о бешенном антисоветизме во Франции и о планах правых устроить миллионные кошачьи концерты Горбачеву, когда он приедет в Париж. Подозреваю шантаж. Не сговорились ли итальянцы с Марше и К^{о} сорвать визит Горбачева? Тот же Пеккьолли, выразив восторг по поводу деятельности Горбачева, устами Лунькова упрекает Международный отдел и его руководство за то, что они назвали итальянских коммунистов оппортунистами, хотя те «считают своим долгом указывать советским товарищам на отставание, регресс и проч. в советском обществе, и на отрицательные последствия этого для всего комдвижения». Луньков, конечно, капает на Международный отдел, может быть, и придумывает. В этом что-то есть.

О проблемах размывания рабочего класса в условиях НТР теперь уже послы пишут в Москву по «верху». Вспоминается федосеевско-трапезниковская кампания против меня десять лет назад.

13 июля 85 г.

Приехал Гремец. Виделся с Пономаревым. Показал ему проект коммюнике (по итогам предстоящей встречи Горбачев-Марше). Там перечисляются вопросы, по которым ФКП не согласна с КПСС. К моему удивлению Б.Н. не стал возмущаться, и говорит: «Вы нам все это изложите официально, а мы подумаем и, может быть, при встрече на высшем уровне учтем». Однако мне потом пришлось «конкретно» идти с Максимом по тексту. Смех и грех: по крупным претензиям, которые он изложил Пономареву и по которым я, в отличие от него, не стал молчать, он вместо того, чтобы настаивать, нагло заявил мне прямо противоположное тому, что он же и его

Марше заявляли год, два назад, предупреждая нас не входить своими государственными интересами в конфликт с «революционной интернациональной солидарностью». Я насмешливо все это ему выкладывал, сопоставляя то, что они говорили раньше, и то, что говорят сейчас. Схлестнулись по поводу Боннского совещания «семерки» в мае 1985 года. Он даже заявил: либо КПСС согласится с их оценкой, либо не будет визита Марше. Испугал! Я ему говорю: «Максим, ты соображаешь, что говоришь? Ведь мы согласились на эту встречу с вашим генсеком в данный момент перед официальным визитом Горбачева в Париж исключительно по соображениям «интернациональной солидарности», хотя это сейчас нам вроде бы ни к чему. Он сбавил тон, просидели мы до 7 вечера и в общем остались довольны друг другом, может быть, потому, что я не уставал подхваливать его лично.

Отзывы писателей на «Детей Арбата». Я бы и сам то же самое написал. Нужно, нужно добиваться издания книги «во имя нашего нравственного здоровья». Думаю, подсунуть книгу Яковлеву, - в его новом качестве зав. отдела пропаганды ЦК. Посмотрим каков он будет антисталинист, когда придется брать ответственность на себя! У меня ощущение, что Горбачев пойдет на публикацию. Это было бы чем-то вроде «морального XX съезда» - поставить на Сталине последнюю точку.

Моему консультанту Ковальскому позвонил Аджубей (они раньше были знакомы). Сообщил, что написал письмо Горбачеву: мол, не печатают, 20 лет в духовной ссылке и т.п. Через четыре дня пришел ответ от Горбачева: больше так не будет, пишите, печатайтесь, работайте. Не означает ли это нового взгляда на Хрущева, некоторую его реабилитацию.

Читаю информацию по РСФСР. 200 000 000 кв. м. жилья нуждаются в неотложном ремонте или должны быть снесены. Не ликвидированы еще бараки. Водопровод и канализация перегружены, более 300 городов вообще их не имеет. Почти половина улиц и проездов в российских городах без твердого покрытия.

15 июля 85 г.

«Коммунист» заказал Гремецу статью, а при обсуждении на редколлегии ее завалили. Дело в том, что предстоит визит Горбачева в Париж, а у Гремеца в статье президент Миттеран – «реакционер».

Завтра заключительная встреча с английскими парламентариями. Боже, сколько возни с ними! А ведь для них это обычная политическая болтовня. Мне же приходится для Б.Н. готовить памятки с учетом всех вариантов возможной дискуссии. И чтоб в каждом была цитата из Горбачева. Для него брежневско-черненковский стиль продолжается.

По телевидению идет спектакль «Тевье молочник» Шолом Алейхема. И то, что это на весь мир, и то, что Ульянов в роли Тевье – общественное событие, это сдвиг; возможно, действительно, начинаем разбираться с еврейской проблемой. Она в сердце России, с ней не покончишь, не освободившись от всего прошлого. «Мы ведь не немцы какие-нибудь!» - как выразился давно еще по этому поводу герой одной повести.

17 июля 85 г.

Читал очень умную статью Ю. Афанасьева (историк, член редколлегии «Коммуниста») – о значении истории. Совсем недавно было бы невозможно представить себе такого интеллектуального разговора об истории в органе ЦК.

Не пошел на обед в посольство ФРГ по случаю прибытия Хорста Эмке (зам. председателя социал-демократической фракции в бундестаге). Мне там с ним обещали отдельный разговор на открытом воздухе. Надо было пойти, ведь завтра мне с этим Эмке придется беседовать уже официально. Пока не знаю, что я ему буду говорить.

Сотни шифровок, в том числе об окончании второго раунда в Женеве: продолжается треп, одно и то же по 15-18 страниц.

У Рейгана вырезали рак из прямой кишки, врачи объявили, что не уверены, что там чего-то не осталось. Не только у американцев, но и у меня как-то ослаб интерес к встрече на высшем уровне.

Передал Яковлеву «Детей Арбата». Интересно, чем это кончится?

На даче в Волынском сосредоточилась рабочая группа по Программе партии. «Картину мира» (вводный раздел) поручено подготовить Афанасьеву (главный редактор «Правды»), Косолапову и Федосееву. Умора! Легко предугадать, какую картинку они изобразят. Обидно и скучно, «ведь под Горбачева» можно было бы нарисовать, действительно, серьезную картину… в обрамлении философии новой внутренней и внешней политики.

9 августа 85 г.

Б.Н. отозвал меня из отпуска (я был в Юрмале), чтобы доводить материал к Отчетному докладу ЦК для XXYII съезда. Застал на даче Горького четырех своих консультантов и четырех ребят из МИДа во главе с Ковалевым, они должны были подготовить основу для внешнеполитического раздела. И то, что сделали мои ребята, и то, что сделали МИД’овцы, - примитивно и традиционно. Своих мне было крыть легко, а вот ковалевских труднее, тем более, что они были поставлены в автономное положение по своему разделу, и формально посягать на их текст я не имел право. В тайне от Ковалева я посадил трех своих консультантов Ермонского, Собакина, Соколова подготовить наш вариант. То, что подготовил Отдел ЦК по соцстранам – это нечто в духе той самой статьи «Владимирова», которая была подвергнута разгрому на ПБ. Соцсодружество там – осажденная крепость, и пафос раздела – свистать всех на верх перед разными империалистическими угрозами. Нажим на сплочение и единообразие в мыслях и делах. Ни слова о суверенности и самостоятельности. Равноправие только там, где про Китай, а ему из 14 страниц отведено пять строк. Весь текст в тоне поучений и постановки задач братским странам. Чуть ли не в каждой фразе «надо», «необходимо», «должно», «следует», «требуется» и т.п. Даже слово «творческое» (при использовании марксизма-ленинизма в национальных условиях) Рахманин приказал выкинуть.

Править мы с Загладиным не имели право, но договорились послать Пономареву свое недоумение по поводу этого раздела. Решили также с Вадимом изложить свои претензии к ковалевскому разделу: отсутствие новизны, боязнь в лоб поставить проблемы по Афганистану, по Японии, по Израилю, даже относительно Англии, не говоря уже о делах разоруженческо-ракетных. И нет западно-европейского направления, как такового. Словом, текст написан по- брежневски, а не по-горбачевски.

Загладин рассказал мне о коридорных разговорах в аппарате ЦК: Рахманин плетет интриги против Международного отдела. Это, мол, гнездо ревизионизма, развязывают руки социал-демократии, открыли ей двери в соцстраны, подрывают марксистско-ленинское единство МКД, у себя в отделе развели идейный бардак. Etc.

13 августа 85 г.

Б.Н., отдыхая в Крыму, впал в панику, получив от нас тексты. Написал в адрес нас троих – Загладина, мой и Ковалева – вежливую записку, а по телефону разразился ругательствами. Я пытался его перебивать, в том смысле, что, мол, сам виноват, навязав нам МИДовцев и дав им автономию над внешнеполитическим разделом. Опять, мол, не верите в своих и ждете гениального от чужих. Иного и быть не могло. Это результат тягучей, скучной, чиновничей работы МИДовцев с огромной потерей времени, потому что Ковалев, в своей мягкой, робкой манере, захлебываясь вежливо держится за каждую фразу. И нам приходится либо грубить, либо идти на компромисс. Вам, говорю я Б.Н.'у, известна его приверженность к словесным кружевам, в которых очень уж искушенный человек может уловить какую-то новизну. Короче говоря, сказал я, работа с Ковалевым –угрожает срывом задания. Обещал за два дня подготовить свой вариант и послать ему в Крым.

19 августа 85 г.

Стало известно, что Б.Н., воспользовавшись тем, что Горбачев тоже отдыхает в Крыму, пытался подсунуть ему наш текст. Но М.С. сказал: «Не надо, давайте в общем порядке» (т.е. через Общий отдел).

Ладно… Дело сделано. На наш исполнительский взгляд – неплохо. К нам, скорее всего, текст не вернется, а будет сдан в специально созданную группу, скорее всего во главе с Яковлевым. Кстати, о Яковлеве. Он помаленьку приподнимается над другими. Брутенц присутствовал при его первом столкновении с Зимяниным. Тот стал ему говорить (видимо, в духе статьи некоего Любомудрого в «Нашем современнике»), что евреи (критики) нападают на русскую литературу и что надо бы «поправить». На что Сашка возразил: «Нападают не только евреи и не на русских писателей, а на почвеническую тенденцию, на современное реакционное славянофильство». Тем и кончился обмен мнениями. А потом Зимянин стал звонить Яковлеву по разным другим поводам, что Сашка оценил так: заискивает!

Рассказал Брутенц и другую историю о том, какие дачи кое у кого есть. Его дочь и зять познакомились с дочерью Примакова и побывали у них на даче, в районе Барвихи. Вернулись потрясенные, ничего подобного даже представить себе не могли и не поверили бы, если б не видели собственными глазами. Бунгало, вилла, усадьба… не могли подобрать слова. 12 комнат, все под дуб, заграничная бытовая техника, не говоря о мебели, «пежо» в гараже, «жигули» для детей… Никакой зарплаты, даже академика и директора института, не хватило бы на все это неслыханное богатство. Появись там представитель КПК или даже райкома, наш академик, - злорадно заключил Брутенц, - сразу оказался бы кандидатом на вылет из партии.

А между тем, он кандидат на перемещение с поста директора Института Востоковедения на пост директора ИМЭМО – кресло более перспективное.

27 августа 85 г.

На Политбюро шел разговор об итогах молодежного фестиваля в Москве. Высказывались все, в том числе Чебриков, который рассказал, что была попытка теракта: среди делегатов (из Парижа) оказались пять афганцев. Хотели устроить взрывы в метро и ЦУМе. Но их, естественно, обезвредили «бдительные чекисты».

А Горбачев, несколько удивленный характером обсуждения, извлек уроки:

- Значение прямых контактов иностранцев с советскими людьми для правильных представлений о нас. Не надо бояться – пусть ездят как можно больше. Пусть смотрят, пусть видят, какие мы есть на самом деле. Не такие уж мы плохие.
- Контакты американцев, которые после фестиваля поехали по Волге, с простыми советскими людьми дали больше для разоблачения «советской угрозы», чем вся наша внешнеполитическая пропаганда. Ничего не стоит такая пропаганда, которая столько лет не может убедить Запад, что никакой советской угрозы нет.
- Приняли мы постановление о создании спутниковой системы TV «Глобальная Москва» – для заграницы. А что показывать-то будем??
- Надо учиться дискутировать, спорить, отстаивать наши идеи и убеждения. Разучились мы это делать. Кадры надо для этого готовить. МГИМО готовит касту, а не кадры. Туда рвутся люди, чтобы обарахляться за границей, а не воевать за наши идеи.
- Кинофильмы о фестивале: мало показать открытие и закрытие. Это хорошо, но это спектакли. Надо показать дискуссии, и не бояться показать, как было: и споры по Афганистану, и о евреях, обо всем. Надо приучать людей к спорам.
- Идеологическая работа. Ох, какое трудное дело! На такой работе надо потеть, а наши идеологи в основном прохлаждаются.
- О молодежи. У нас выработалось потребительское отношение к молодежи: надо на картошку – давай отряд молодежный, надо на базе овощи перебирать – давай еще отряд, надо задарма построить сарай – опять отряд и т. д. А молодежи надо доверять реальное участие в политическом процессе. Тогда и инфантильность исчезнет, и культура появится – не книжная. Общество, которое не может готовить себе смену, незрелое общество.
- О досуге молодежи. Лекции хорошее дело, однако ими в основном исчерпывается идеологически содержательная работа с молодежью. Да и лекции состоят, главным образом, из нотаций и накачки. Надо шевелить мозгами, придумывать интересные дела и интересные развлечения, на которые молодежь пойдет и которые сама будет организовывать, воспитывая сама себя.
- Решают дело кадры. Нужно всерьез заняться подготовкой идеологических кадров и ставить на соответственные посты в этой сфере людей, которые умеют вести это сложнейшее дело.

В подтексте это все было в «огород» Замятина и Зимянина. Но и в огород Гришина, которому, видно, недолго осталось…

Горбачев вне повестки поднял вопрос о снабжении Москвы плодами и овощами. Поднял с места Козлова – плодоовощного министра. Тот, как обычно, стал сыпать цифрами. Поднял Дементьеву (второй секретарь МГК, Гришин в отпуске), та стала заливаться, доказывая, какую огромную работу они проводят. Etc.

Горбачев посадил их на место. Положил руку на стопку писем и сказал: Все, что вы тут говорите, вздор. Здесь, на ПБ, надо говорить только правду. А вы, если и не сознательно обманываете, то просто не знаете, где лежит правда, где ее искать. Вот письма из разных концов столицы. Если это даже об «отдельных недостатках в отдельных местах», то все равно, значит, плохо работаете. Вопрос этот обсуждаем в третий раз: при Андропове, при Черненко и вот теперь. Так вот, пусть это будет для вас третьим предупреждением. Если положение не исправится, то этим вопросом будут заниматься другие люди.

Говорят, уже в эти дни в магазинах появилось все, вплоть до баклажанов.

Прочитал в протоколе Секретариата о «волынке» в эшелоне, направляющемся из Батайска в Мары (Туркмения, граница с Афганистаном). Призывники из республик Северного Кавказа. Началось со споров, перешло в избиение русских при поголовном беспробудном пьянстве офицеров (а эшелон все шел и шел свои тысячи километров), кончилось антисоветскими выкриками и дебошами на религиозной почве, в том числе. В Мары эшелон был окружен войсками… с соответствующими последствиями. Какой идиот придумал северо-кавказских мусульман направлять на афганскую границу! Но не только это: в 1936-1937 годах мальчишек снимали с поездов, они рвались воевать в Испании. А теперь мы имеем фактически мятеж советских парней, направляемых выполнять «интернациональный долг». Нет, Михаил Сергеевич! – с Афганистаном надо что-то делать. Это моральная проблема… Ваши объяснения Кунаеву – не знаю, все ли вы ему сказали или что-то было в уме – не адекватны серьезности положения.

Арбатов сообщил, что «Детьми Арбата» занялось КГБ. Его знакомый В.А. Крючков спросил, - говорят, мол, твоя подпись стоит под коллективным обращением в пользу напечатания романа? Смутившийся Арбатов, ответил: нет. На это Крючков сделал «облегченный вздох» со словами: «Слава Богу!» Так что, видно, именно в такой подаче дойдет до Горбачева все это дело. Зимянин-то уж во всяком случае постарается. А что Яковлев, которому я послал рукопись месяц назад??…

29 августа 85 г.

Вчера закончил и раздал замам на 39-ти страницах аналитическую записку для XXYII съезда о коммунистическом, революционно-демократическом и социал-демократическом движениях – отчет Международного отдела.

Доделал записку в ЦК о 100-летии Первомая.

Информация для Горбачева по письму к нему от Ротштейна о положении в компартии Великобритании и нашей линии.

Замечания по передовой статье для «Коммуниста» к годовщине Октября. Ругался по поводу схоластики a la Трапезников в изображении опыта КПСС и принципов, которых она якобы всегда идеально придерживалась, в том числе, значит, и при Сталине, и при Брежневе…

Разговор с товарищами из «Коммуниста» – что делать со статьей Гремеца, которую они сами заказали, а теперь не хотят, чтоб там остались: отказ от диктатуры пролетариата (в которую влюблен главный редактор Косолапов), упоминание о Сталине и критика Миттерана.

Вычитал из разных докладов ЦК и из телеграмм огромную информацию, которую необходимо опять и опять учитывать в том, что мы делаем на даче Горького.

Говорил по ВЧ с Пономаревым о том, что надо особенно выделить, но по-умному, западноевропейское направление нашей политики. Он согласился, а

сегодня прислал такую бодягу! Сам написал - о революционном движении. И это для социал-демократических лидеров, перед которыми он будет выступать в Вене! Он все хочет говорить с ними на языке «рабочего движения», к которому они и мы-де принадлежим, несет империализм и проч. А они не хотят родниться с нами на платформе рабочего движения, не считают себя его представителями, и уж, конечно, не хотят, чтобы КПСС их так квалифицировала. Они суть – представители «реально мыслящих кругов» и разговор у них с нами, как со сверхдержавой, а не с представителями тоже рабочего движения. Но все это выше понимания Пономарева, он витает в димитровско-коминтерновской облачности. И путает нам всю работу. Уж был бы просто говорящей машиной от руководства КПСС, не претендовал бы на «свое», от которого несет удручающей затхлостью и только вредно в нынешней ситуации.

Настоял на том, чтоб допустили Бронфмана в СССР (лидер Всемирного еврейского конгресса). Этот мультимиллионер хочет вроде бы «сдвинуть» ситуацию вражды евреев с нами… И для начала – предотвратить демонстрации против Горбачева, когда он поедет в Париж.

Читал материалы ПБ, в том числе о положении в гражданской авиации. Оказывается, у нас в год происходит больше 100 катастроф, в том числе очень крупных. Уже в этом году только аварии с тремя самолетами принесли 459 смертей: технические неполадки, отсталость диспетчерской службы, дисциплина, пьянство, неквалифицированный летный состав.

Огромное впечатление произвело подготовленное интервью Горбачева «Time». Чувствуется рука Юрки Арбатова (он мне намекал, что выполняет «особое задание»). На фоне этого текста – в характерно горбачевском стиле – наши потуги в Горках поймать журавля – выглядят жалкими.

Говорил с Яковлевым. Он сам напомнил о «Детях Арбата». Прочел, мол, читал по ночам (выдал себя)… И тут же начал отвлекающие ходы: мол, много секса, все повсюду трахаются, не помню, мол, чтоб так было в наше время (30-ые годы). Я напомнил ему о «Дневнике Кости Рябцева», о Пантелеймоне Романове и выразил удивление: неужели это самое сильное, что обратило твое внимание?! Он опять выдал себя, стал рассказывать, что с его отцом в 37 году было нечто подобное, описанное Рыбаковым, когда выполняли план «по ликвидации» людей на таких-то и таких-то должностях (например, в каждом районе давалась разнорядка - ликвидировать столько-то председателей колхозов, столько-то председателей сельсоветов и т.п.).

И, наконец, автор изображает дело так, что Сталин убил Кирова. А ведь вопрос этот не выяснен! И потом, не рано ли нам заниматься психологией Сталина (даже в форме художественного анализа?!) Я ему в ответ напомнил, что Лев Николаевич тоже через 50 лет после Отечественной войны «говорил» от имени Александра I, Кутузова, Наполеона, глубоко забравшись в их психологию и не стесняясь тем, что документально подтвердить, что именно они думали и как рассуждали, ни он, никто другой не мог.

Вот так мы поговорили. И я понял, что Яковлев не будет «за» публикацию.

1 сентября 85 г.

На службе неделя оказалась интересной. Во-первых, интервью Горбачева журналу «Time» – письменный текст и такого же размера разговор с тремя американцами. Вновь поразила откровенность и ясность позиций: во вне – живи и

жить давай другим (так мы понимаем теперь мирное сосуществование), внутри – полная открытость – такой «разговор» о наших недостатках, слабостях, отставаниях, который пугает Запад больше, чем любое хвастовство, которым мы занимались столько десятилетий. И это все, прямо в лицо представителям «империалистического логова».

Вчера вечером мы с Арбатовымпогуляли по арбатским переулкам. Он рассказал: сначала текст ответов был представлен за подписями Шеварнадзе («простительно», считает Юра), и Зимянина. Охарактеризовал этот текст одним словом: «Говно!» Горбачев, получив текст, вызвал Арбатова и Яковлева, посадил их отдельно, велел прочитать и высказаться. Они прочитали и произнесли, как мне сказал Арбатов, в один голос другое слово: «Хуйня!» За 4 дня Юрка написал другой текст, Яковлев его изучил, пощипал, Болдин чуть отредактировал во внутреннем разделе. Члены ПБ дали замечания по рассылке, метод у них такой, по выражению Арбатова, склонному к казарменной терминологии: «как увидят чего-такое, чирк ножничками, и одного яичка нет!»… Каждый свое яичко отстриг. Но основное, дух и стиль сохранились. И это, конечно, событие, по крайней мере, в идеологической борьбе, если, конечно, не только правильно поймут наши идеологи, но и сумеют «перестроиться». Ведь беда сейчас не только в сопротивлении кадров, воспитанных на постсталинизме, но и в том, что они не умеют, не обладают способностями работать по-горбачевски.

В пятницу Горбачев позвонил и мне. Но по менее значительному поводу: подумать о программе пребывания в Женеве Раисы Максимовны во время его встречи с Рейганом там. Подумал, послал «соображения». А в общем, он серьезно относится к роли своей жены, помимо того, что, видимо, по природе семьянин и она его устраивает во всех отношениях. Да и нам повезло, что у Первого интеллигентная жена – в эпоху, когда жены стали играть некоторую роль в международной жизни.

Нам, грешным, на даче Горького опять надо перестраивать текст – в соответствии с духом и содержанием горбачевского интервью. Трудность у нас-то одна – Пономарев. Для него неприемлем сам дух самокритического оптимизма Горбачева, который сейчас, действительно, становится фактором нашего воздействия на внешний мир.

Читаю В. Распутина «Пожар». Он среди тех наших самых заметных и продолжающих традиции великой русской литературы, которые художественно умеют вывести за скобки изображаемых событий и характеров не только руководящую роль партии, но само ее наличие, даже – присутствие советской власти в нашем обществе.

7 сентября 85 г.

Загладин, улучив момент во время беседы Горбачева с Марше, спросил у М.С. – не будете ли возражать, если Пономарев возглавит делегацию в Вену на Социнтерн. Тот засмеялся: да пусть едет, не будем его разочаровывать, только пусть не поучает их, не читает им моралей и не убеждает их в том, в чем они сами давно убеждены! Так что Генсек очень точно представляет себе «сущность» нашего шефа.

Обсуждался проект Программы (руководил обсуждением Лигачев, присутствовали секретари ЦК и рабочая группа). Любопытные расхождения во мнениях: например, Долгих, вслед за Афанасьевым, против того, чтоб писать об ошибках и отставаниях- и в 30-х г.г, и в 40-х г.г., и при Никите, и при Брежневе. «Одни, мол, ошибки получаются». Зимянин, лучше, видимо, чувствуя верховые настроения, не присоединился, но призвал к умеренности. А Лигачев, заключая

сказал, что ошибки надо отметить, а касательно конца 70-80 г.г., так прямо сказать и о причинах: кадровая политика, упадок дисциплины и ответственности, расхождение между словом и делом.

А в общем-то проект хвалили (кроме Афанасьева, который сказал, что внутренняя часть просто слабая). Плохо, что хвалили. Не отвечает он ожиданиям.

Горбачев рванул в Сибирь: Нижневартовск, Сургут, Тюмень, Целиноград. Вчера смотрел его выступление на активе в Тюмени. Молодец он. Принципиально иной подход к тому, как должен держаться Генеральный секретарь с людьми. Он сам в живом общении, с ходу определяет, что можно и нужно говорить и как говорить… А не аппарат готовит, «оратор» выбирает, что больше подходит…

Взялся он за нефть и за Сибирь! Дай-то Бог!

<u>21 сентября 85 г.</u>

Документы горбачевского масштаба готовятся за 3-4 дня. А мы (пономаревцы) мудохаемся под его руководством месяцами над каким-нибудь докладом, который стоит не больше иронической улыбки со стороны серьезных политиков. Все хотим вселить в него (Пономарева) дух времени и здравого политического смысла, а он продолжает тянуть на дешевую пропаганду.

Запад очарован и поражен появлением у нас такого лидера. Они и восторгаются и побаиваются. Он действует смело. Американцам вот предложил (помимо двух мораториев) значительное сокращение и стратегических и евроракет… взамен СОИ. Не пойдут. Но выигрыш будет за нами: разбивается стереотип «советской угрозы».

<u>25 сентября 85 г.</u>

Новые крупные наши разоруженческие инициативы будут переданы американцам только 2-го октября и только 4-го обнародованы в выступлении Горбачева в Национальном собрании Франции.

Впрочем, как всегда Пономарев оказался «прав». Опубликованная сегодня речь Шеварнадзе в ООН по структуре и по составу очень напоминает то, что нам навязывает Б.Н. со своей антиимпериалистической зацикленностью.

Подписал я заявку (Драбкина, Институт всеобщей истории) на книгу «Революция в мировой истории». Оригинальная попытка. Не уверен, что что-то получится. И уверен, что сам я не смогу в этом принять участия так, как хотелось бы: хочется, но не можется, и не только за недостатком времени и из-за лени. Нужен талант, чтоб реализовать этот (мой собственно) оригинальный, необычный замысел.

<u>28 сентября 85 г.</u>

На Политбюро проходило обсуждение Программы. Главное, что Пономарев извлек, это - что Горбачев не хочет топтать Программу 61 года (из соображения международного престижа, ленинской традиции бережного отношения к партийным документам, и потому, что все таки много сделано с тех пор). Для Б.Н.'а – это последнее утешение.

Из интересного – втык за то, что в проекте осталось о национализме и всяких прочих уклонах в соцстранах. Горбачев велел решительно выкинуть: так мы поссоримся со всеми своими друзьями. Конечно, «есть кое-что у них такое этакое». Но вот, мол, только что говорил с Кадаром: он заверяет, что 97 % в экономике -

социалистический сектор и что ЦК полностью владеет ситуацией, «напрасны опасения». Почему мы, мол, не должны этому верить.

Сказал, что социал-демократы перехватывают у компартий инициативу, а те дрейфуют к социал-демократии. И что не видна (в проекте) перспектива коммунистов. Что он хотел этим сказать?

7 октября 85 г.

Неделя Горбачева в Париже. Еще одна на протяжении веков попытка России обняться по-братски с Европой. И опять – ирония, холодность, вежливая надменность в ответ. Опять Достоевско-Данилевско-Блоковская ситуация (высокомерное и гнусное лицо Миттерана во время совместной с Горбачевым пресс-конференции было лицом Европы в ответ на наше радушие). И опять мы накануне нового исторического ожесточения (особенно, если ничего не выйдет из встречи Горбачев-Рейган, а, наверно, не выйдет).

И все таки что-то сделано для изменения представлений о нас. А главное: сами мы старались понравиться Европе, вернее открыто показать ей свои добрые намерения, меняемся. Не знаю уж, сознательно делает Горбачев потому, что он реалист и хочет во всем считаться с «реальностями»? Ведь, если внимательно читать, что он наговорил за полгода и, особенно, в Париже, легко различить отказ от идеологической нетерпимости. А это уже много для начала, если это начало, конечно, а не дипломатия, «идеология на вынос», как убежден мой Б.Н. Пропаганда сама этого не подхватит. Надо, чтоб в нее это внедряли. Важно, чтобы этот «сдвиг» был закреплен на съезде. (Мы говорили с Арбатовым на эту тему, это его работа – насыщение внешнеполитических текстов философическим содержанием). Но для этого надо еще решить «еврейский вопрос» и проблему отношений новой (горбачевской) власти с интеллигенцией, до чего у него пока руки не дошли.

15 октября 85 г.

Пленум ЦК. Программа в новой редакции, Устав, основные направления до 2000 года. Горбачев - о единстве – разнообразии мира и о том, что мирное сосуществование – закон (а не тактика) развития, которому мы подчиняемся безусловно.

Интересный момент – выступление Демиденко, первого секретаря Кустанайского обкома Казахстана. Он, как и некоторые из «предыдущих ораторов» стал говорить о «большевистском стиле» товарища Горбачева, о «ленинском подходе», о том, что «счастье - иметь такое динамичное руководство» и т.д. Горбачев, слушая предыдущих ораторов, заметно надувался, но терпел, а тут не выдержал: «Товарищ Демиденко! То, что на Западе толкуют: «стиль Горбачева», «динамизм Горбачева», «облик нового лидера» и проч. – это понятно. У них там это принято и это им нужно. Ну, а нам-то на Пленуме зачем же это: Горбачев, стиль Горбачева? Зачем нам-то в этом ковыряться?!»

Демиденко смялся и добормотал свой текст. Похлопали ему, когда он произносил свои хвалы, и взорвались овацией, когда Горбачев его осадил. Значит, понимают все, а инерция подхалимажа и культа неумолима!

Впрочем, бюрократизм и пустословие в торжественной форме – образ нашего мышления. Вообще его нет, мышления-то, политической культуры. Ведь никто, кроме Афанасьева, не смог говорить по делу – о содержании программы.

Опять дежурные самоотчеты – о достижениях у себя в республике, области, на заводе и т.п. Как при Брежневе, как при Черненко…

С 8-14 октября был во Франции, в Тулузе, на съезде французской социалистической партии. Там, между прочим, - ни слова тревоги по поводу ядерной угрозы и гонки вооружений. Значит, мы сами себя накручиваем. А люди в Европе об этом не думают!

А «наши друзья»? Ни слова о визите Горбачева во Францию на своей конференции в Нантере (в эти же дни). Для коммунистов хвалить визит, значит хвалить Миттерана. Провинция! Смешно. Нелепо. А мы-то думали, что Франция будет жить отныне только этим визитом.

16 октября 85 г.

Прочитал я стенограмму беседы у Горбачева с Кармалем, который тайно вызывался в Москву 10 октября. Действительно, остро: 10 наших парней гибнут каждый день. Народ разочарован и спрашивает- доколе там будут наши войска? И когда же афганцы научаться защищать сами себя? Главное – нет массовой базы. Без этого никакая революция не имеет шансов. Рекомендовано – сделать крутой поворот назад – к свободному капитализму, к афганско-исламским ценностям, к делению реальной власти с оппозиционными и даже ныне враждебными силами. Это крутой поворот! Посоветовал искать компромиссы даже с лидерами мятежников и уж, конечно, с эмиграцией.

Пойдет ли на это Кармаль, а главное – способен ли, владеет ли он ситуацией настолько, чтобы пошли ему навстречу нынешние враги?!

Встречался с Каштаном (генсек КП Канады). С ним Уолт и Бизел. Все они, возвращаясь от Ким-Ир-Сена, специально задержались, чтоб увидеться со мной. Как обычно, просвещал по всем вопросам: как же, как же, у них ведь Пленум в начале ноября. Надо же что-то привезти из Москвы. Каштан строил из себя важную персону, но понимает, что выше меня его все равно не пустят.

Жаловался, как и другие КП (в том числе ИКП), что КПСС больше ладит сейчас с социалистами и социал-демократами, чем с братскими партиями.

Оказывается, в воскресенье, когда я был еще в Тулузе, звонили домой от Горбачева: он хотел пригласить меня к себе на дачу, смотреть отобранные мною вместе с Ермашом фильмы для Женевы. Упущенная возможность поговорить откровенно, - в том, числе и о том, что делать с МКД.

Безумно много дел. На меня оставлено доводить международный раздел к Отчетному докладу ЦК для XXYII съезда (срок 25.11.). А я не мог даже приступить за весь день, так как куча текучки. И сотни шифровок и прочие документы, которые надо знать. И звонки, и улаживания, и поручения. Кстати, сегодня увидел, что Постановление ЦК (ПБ) по итогам парижского визита - почти целиком по моему проекту.

17 октября 85 г.

Сегодня был на Политбюро. Исторический акт по Афганистану. Горбачев, наконец, решился кончать с этим. Обрисовал свой разговор с Кармалем. Он, рассказывает Горбачев, был ошарашен, никак не ждал такого поворота, был уверен, что нам Афганистан нужен больше, чем ему самому, и явно рассчитывал, что мы

там надолго, если не навсегда. Поэтому пришлось выражаться предельно ясно: к лету 1986 года вы должны будете научиться сами защищать свою революцию. Помогать пока будем, но не солдатами, а авиацией, артиллерией, техникой. Если хотите выжить, расширяйте социальную базу режима, забудьте думать о социализме, разделите реальную власть с теми, кто пользуется реальным влиянием, в том числе, с главарями банд и организаций, сейчас враждебных вам. Восстанавливайте в правах ислам, обычаи населения, опирайтесь на традиционные авторитеты, сумейте сделать так, чтобы народ увидел, что он что-то получает от революции. И превращайте армию в армию, кончайте, наконец, со свалкой между халькистами и парчамистами, поднимите жалованье офицерам, муллам и т.д. Позаботьтесь о частной торговли – другой экономики вам долго еще не создать. И т.д. в том же духе.

Зачитал несколько душераздирающих писем. Все не анонимные. Там много всего: интернациональный долг?! А во имя чего? Сами-то афганцы хотят, чтобы мы выполняли этот долг? И стоит ли этот долг жизни наших парней, которые не понимают, за что они воюют?.. И что же вы (советское руководство), бросаете молодых новобранцев против профессиональных убийц и гангстеров, обученных лучшими иностранными инструкторами и вооруженных лучшим оружием, способных вести бой вдесятером против целой бригады?! Тогда уж добровольцев что ли набирайте…

Помимо писем, где плач, горе матерей по убитым и искалеченным, душераздирающие описания похорон, письма – обвинения: Политбюро, мол, допустило ошибку и надо ее исправлять,- чем скорее, тем лучше – каждый день уносит жизни людей.

Излагая все это, Горбачев явно нагнетал эмоции, но не давал своей квалификации содержащимся в письмах оценкам, например, была это ошибка или нет. Заключил так: «С Кармалем или без Кармаля мы будем твердо проводить линию, которая должна в предельно короткий срок привести нас к уходу из Афганистана».

Маршал Соколов дважды брал слово и было видно, что он с готовностью будет оттуда сворачиваться и никаких поблажек Кармалю давать не собирается.

Держал слово Громыко, произносил поправки к рекомендациям, которые должны быть на днях переданы Кармалю. Надо было видеть иронические лица его коллег, в том числе Горбачева, на них будто было написано: что же ты, мудак, здесь теперь рассуждаешь… втравил страну в такое дело и теперь, по-твоему все мы в ответе. Думаю, что еще до съезда Горбачев скажет народу об этом решении.

Вечером он мне звонил, расспрашивал о Франции, где я только что был. Только, говорит, говори, как на духу, не приукрашивай обстановку после моего (Горбачева) визита. «Полил» основательно Жору (Марше) и Гремеца. С моими оценками согласился.

Принимал я венгерского посла, объяснял ему все про Англию перед визитом туда Кадара.

19 октября 85 г.

Вчера я прочитал материалы, подготовленные для Горбачева на ПКК в Софии, который предстоит 22.11.85. Новые смелые подходы. Мне даже показалось, что те, кто готовил, воспользовались нашим проектом к Отчетному докладу на съезд КПСС. Однако, Горбачев идет дальше. Вот, например, что об МКД:

1) Оно переживает трудные времена. Компартиям еще предстоит осмыслить современный мировой процесс и выработать курс, отвечающий нынешней обстановке, способный увлечь массы.
2) Не надо драматизировать разногласия, не надо обижаться, когда нас критикуют. Ведь часто получается так, что нам приходится сейчас признавать то, за что они нас критиковали, и браться за исправление того, на что они нам указывали. Не надо ожидать, что нас будут только хвалить и должны только восторгаться нами.
3) Международное Совещание компартий не актуально. Надо искать другие формы и особенно – помогать компартиям примером в исследовании современных процессов, т.е. своим научным потенциалом.
4) Надо с пониманием относиться к объективным трудностям компартий, а их очень много, как и много совсем новых проблем. Надо уважать их самостоятельность.

Словом, это отрицание пономаревщины и фактически, хотя и косвенно осуждение практики, за которую Пономарева невзлюбили многие партии. Это неприятие критериев, по которым компартии оцениваются по тому, насколько они охотно и бездумно выступают в роли апологетов всего того, что происходит в СССР. Это отказ от инструментально-полицейского подхода к функциям и предназначению коммунистов.

Горбачев давно разгадал Пономарева. Недаром же он все время иронически напоминает, что не надо учить других коммунистов, как им жить.

<u>20 октября 85 г.</u>

Прочел «Перед восходом солнца» Зощенко… В рукописи, которую еще летом дал мне Гулыга (философ, автор книг о Гегеле, Канте, Гердере, Шеллинге…, муж моей давней любви). Но почему в рукописи? Это же опубликовано, и даже в «Энциклопедическом Словаре» сообщается, что такое сочинение у Зощенко есть. И я вспомнил, что когда-то его читал. Вещь глубокая, крайне талантливая.

Заодно читаю о Сен-Жюсте. Натолкнулся на эту книгу в тысячу страниц в книжном магазине на Монпарнассе. Купил также Роже Дебрэ «Европа между двух империй». Оказалась скучной.

Издательство «Прогресс» перевело книгу о Маргарет Тэтчер, написанную одним из ее сподвижников. Тоже скучно. Не то о ней хочется читать, хотя перед поездкой в Англию надо бы читать и скучные книжки.

<u>21 октября 85 г.</u>

Беспокоит меня, что в материалах к съезду партии новые мысли Горбачева обличены в такие формулы, что многие могут и не заметить новизны, особенно это касается пропагандистов. Проверил свои опасения на своих консультантах, они-то уж большие интеллектуалы. Оказалось, что не все они секут эту новизну, поданную в старых формулах.

<u>23 октября 85 г.</u>

Б.Н. правит проект Отчетного доклада ЦК. Конечно, это не окончательная правка, после него это будут делать другие, более близкие к Горбачеву. Удивительная способность опошлять фразы и вынимать из маломальской мысли

привлекательность. Все таки отсутствие культуры с измальства восполняется потом только у людей талантливых. Серых же никакое позднее образование не сделает интеллигентами.

Вчера был на Секретариате ЦК. Обсуждался вопрос о травматизме на производстве. 2 миллиона случаев за пять лет, 120 000 остались инвалидами, 63 000 погибло. Пономарев рассуждал на заседании об отсутствии при социализме объективных причин для производственного травматизма! Ирония на лицах. Он смешон, но никогда не сможет этого понять. Лигачев говорил об отсутствии у министров простой человечности: ведь гибнут люди… ради плана. И ни один не догадался собрать хотя бы коллегию министерства, чтобы заняться для примера одним таким конкретным случаем ЧП со смертельным исходом.

Сообщения из Грузии, Азербайджана, Молдавии о том, как они собираются затыкать стомиллионные дыры в бюджетах в результате сокращения производства вина. Сам Лигачев рассказал о своем разговоре с «хорошим рабочим». Тот ему сказал (по поводу километровых очередей за водкой): «Работать - так давай! А выпить рабочему человеку – во!» (показал кукишь). Проблема! - заключил Егор Кузьмич.

3 ноября 85 г.

«Правда» 27 октября «Отъезд в Лондон»: По приглашению Исполкома Компартии Великобритании из Москвы в Лондон вылетели кандидат в члены ЦК КПСС, зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС А.С. Черняев и работник Международного отдела ЦК КПСС Е.С. Лагутин.

Прилетели в Хитроу 26 октября. Проезжая мимо Гайдпарка, увидели антивоенную демонстрацию, довольно массовую. Один из лозунгов: «Америка, СССР, Франция, Англия – ядерные террористы». Вообще же, судя по плакатам, демонстрация большеантиамериканская, чем антисоветская.

Следующий день, воскресенье, провели в Виндзоре.

28 октября – пять часов в ЦК компартии. С нами был Масленников (корреспондент «Правды»). Общий наш вывод от дискуссии такой: всё понимают и совершенно не способны действовать, полное отсутствие каких бы то ни было перспектив быть политической силой в стране. Отношение ко мне: доверие, взволнованность, воспринимают чуть ли не как, alter ego Горбачева. Обедали в соседнем трактире.

Потом национальная галерея, опять ошеломляющая Сарра Сиддон, стоял перед ее красотой чуть ли не полчаса. И вообще – зал английских великих: Гейнсборо, Лоуренс, Тернер, Рейнольдс.

29 октября – вторник – опять в ЦК, но беседа с лондонской организацией КПВ. О кризисе в партии, об оппозиции меньшинства. Вечером встреча с функционерами из разных лондонских парторганизаций. Главная тема – расизм (из за наплыва иммигрантов).

30 октября – среда – с Масленниковым за рулем в Кардифф. Встреча в кафе с секретарем парторганизации Уэльса. Удивило: в ультрапролетарском районе партийный босс – недоучившийся художник, вчерашний студент.

В правлении профсоюза горняков профсоюзный босс, сильно поддатый, встретил нас, глядя в упор на партийного босса, словами: «Ты на кого работаешь, на Макленнона (генсек) или на «Морнинг Стар» (партийный орган в оппозиции к руководству КПВ)?».

Неловкость. Разнимать и налаживать разговор пришлось мне. Драматическая проблема шахтеров сейчас – признавать или не признавать поражение стачки. Юридический и моральный аспект стачки.

Обедали с редактором «Miner», умный парень широких взглядов. Киннок (лидер лейбористов) обещал продвинуть его в члены парламента.

Поехали в долину Рронды. Вспомнил, как в 1949-50 году писал я диссертацию, где была тема и о борьбе шахтеров долины Рронда. Мог ли я тогда себе представить, что попаду сюда! Побывали дома у муниципального советника, бывшего мэра Рронды. Пожилой уже, но энергичный, умный и деловой. И еще один, которого он пригласил на встречу с нами, на вид – замухрышка, к тому же хромой. Но в разговоре оказался из тех, кого Ленин называл интеллигентными рабочими. К вечеру вернулись в Кардифф. Организовали нам теоретическую дискуссию на дому у профессора университета. Сам он специалист по старофранцузской литературе. А говорили мы о судьбах рабочего класса в условиях НТР, о гибели старой угольной промышленности, об интернационализме, кризисе в МКД.

Уже совсем к полуночи в другом конце Кардиффа встреча с ветеранами антивоенного движения. Много женщин, молодые лидеры. Я говорил о горбачевской философии международной политики - сейчас и на будущее. Одна, очень красивая, замотала меня вопросами. Очень все озабочены. Вроде безнадежно, но продолжают работать, по принципу «малых дел».

Два с половиной часа ночью возвращались в Лондон. Говорили с Масленниковым о самых разных вещах, он – настоящий, умный, образованный, острый.

31 октября – четверг – в парламенте. Там меня принял Киннок. Разговаривал со мной, будто я значу не меньше, чем Шеварнадзе. И вообще, на протяжении всей поездки я чувствовал себя «весьма значительным лицом». Принимали всерьез, как полномочного, всезнающего представителя ЦК КПСС. С Кинноком говорили о предстоящей встрече в Женеве на высшем уровне, о Тэтчер, которую он назвал «дурочкой», о СОИ, об отношении в Англии к Горбачеву. Держался он совсем без высокомерия, хотя, казалось бы, кто я и кто он – «лидер оппозиции Ее Величества»!

Не впервые, даже как правило, будучи за границей, особенно теперь при Горбачеве, я чувствовал себя совершенно свободным человеком, который может говорить о чем угодно, не оглядываясь ни на какие официальные установки.

Посоветовали мне посетить Лондонский Народный банк. Директором там представитель Москвы – Пензин. Показал он мне свое хозяйство, много рассказал, познакомил кое с кем из персонала. Это все англичане, но есть при нем и свои, московские. Говорил о том, что вот уже десять лет работает в этой должности и никто не сбежал, никто не предал, хотя кругом соблазны, всюду большие деньги, совершенно свободные связи. Эти люди зарабатывают стране огромные миллионы валюты.

1 ноября – после обеда к Ротштейну (ветеран из ветеранов компартии, «большевик», сын друга Ленина, который бывало качал этого на колене). Живая, но история, лишнее подтверждение, что коммунистам нет и не может быть места в политической жизни Англии.

9 ноября 85 г.

На приеме в Кремле – первом безалкогольном. Впрочем, белое и красное вино наличествовало. Но уже гул не тот. Туалет Гундаревой, туалет жены

Игнатенко. Очень аппетитная и хороша полуяпоночка, жена Коваленко. Общалась, главным образом, с Арбатовым: он только из Китая, в эйфории, также и потому, что у него «все хорошо идет с Горбачевым», часто встречаются, много он ему пишет, Горбачев тепло поздравлял его с праздником по телефону, на Политбюро (в связи с Китаем) похвалил, как «умного и проницательного, полезно работающего». Был Арбатов и у Пономарева. Разговора, говорит, не получается. «А для чего тебе?» – спрашиваю. «Да, так». Он, говорит, просил замолвить за него словечко Генеральному! Жалко мне, мол, его стало даже!!

Загладин успел шепнуть, что на месте Гришина скоро будет Чебриков – на московской предсъездовской конференции. Давно пора гнать этого прохвоста и бездарь.

Пономарев продолжает активничать… Теперь сел на конька совещания Секретарей ЦК соцстран (Бухарест, декабрь). Созывал Зимянина и Русакова, плюс я, Шахназаров, Ермонский. На фоне Зимянина и Русакова наш Б.Н. – гигант мысли и светлая голова. У Русакова вообще маразм, не может освоить элементарных вещей, трижды пришлось крутить только вокруг повестки дня. М.В. (Зимянин, «Михвас» в обиходе) мандражит, все время что-то будто перебирает руками, всех перебивает, говорит то одно, то прямо противоположное. Оба они с Русаковым доживают последние месяцы на своих постах и, конечно, нервничают. Ужасно, что такие персонажи: один – главный идеолог, другой – главный координатор наших отношений с соцстранами.

Между прочим, Арбатов уже подсчитывает свои стратегические завоевания: заронил подозрение у Генерального к военным, охладил доверие к мидовцам – Громыко совсем отодвинут, с ним уже никто не считается, хотя на протокольной авансцене то и дело фигурирует троица: Горбачев, Громыко, Рыжков…, как в первые времена после октябрьского Пленума 1964 года, после Хрущева.

Кстати, начинается исподволь «реабилитация» Хрущева. За границей (сам видел) то и дело статьи о нем. Бовин в «Международной панораме» по TV недели две назад напомнил о посещении Никитой фермы Горста в США и показал зрителям портрет его, уважительно назвав Никитой Сергеевичем. И вроде Горбачев склонен восстановить его доброе имя. В интеллигентских кругах разговоры: все горбачевские идеи были в зародыше уже у Хрущева, но по малообразованности и нелепости характера он их не смог донести до дела, а если доносил, то в карикатурной форме и метался, пугался собственной смелости.

Яковлев, когда я ему напомнил о «Детях Арбата», походя сказал, что Горбачев (с которым он очень рядом сейчас) решительно против «культизма», отсекает все нашептывания насчет «поддержания авторитета», «популяризации» и т.п., с чего «начинался» и Брежнев со всеми вытекающими… А насчет «Детей Арбата» я ему, мол, только сказал, что есть такой роман и при нашей дурацкой цензуре он может попасть в «тамиздат», а кроме того, такая цензура поощряет работать в стол. Не понял я смысла его выхода на Генерального… Боится, видимо, сорваться на крутом восходящем своем подъеме…, пока не убедился, как может быть воспринята сама «суть», связанная с книгой Рыбакова.

11 ноября 85 г.

Общаюсь с Яковлевым по телефону. Он сдерживается, чтоб не показать передо мной, что он уже очень большое начальство, особо приближенный. Неловко ему передо мной – после всех ультра демократических и «душевных» разговоров на

вечерних улицах Монреаля и после того, как я кое-что сделал, чтоб вызволить его из канадской ссылки. Тем не менее, металл в голосе звучит.

Речь шла о том, чтобы дать ему двух консультантов для подготовки основы телеинтервью Горбачева по возвращении его из Женевы. Назвал Собакина и Ермонского. Меньшикова он отверг…, как и Арбатов, очень он его не любит, впрочем, - поделом.

Спустя несколько часов, я вспомнил о Бовине – очень подходящем авторе для обращения к народу по такому случаю. Позвонил Яковлев. Я, говорит, тоже об этом подумал. Но, во-первых, его совсем не приемлет мой непосредственный шеф (Зимянин), фигура, конечно, маленькая и можно бы и проигнорировать (!!), но не хочется и по этому поводу с ним скандалить!! А во-вторых, сам Сашка (Бовин): ведь только выйдет из ЦК, получив такое задание, - сразу вся Москва узнает, что именно ему вновь поручено писать интервью для Генерального!..

Я говорю: правда, не раз он сам накалывался на этом и других подводил. Договорились, что Яковлев не будет его включать в команду, которая сегодня же отправлена в Волынское, а потом, когда ребята что-то подготовят, вызовет Бовина, «поговорит с ним» и поручит поработать над текстом.

Очень много всякой работы, в том числе главной, которую должен делать сейчас Отдел – к съезду подвести итоги по МКД, социал-демократии и революционной демократии. Пономарев этим «не интересуется», потому что боится этих итогов: аллилуйу и лакировку Горбачев не примет, а правду он не хочет докладывать в ЦК, полагая, что это будет воспринято, как результат плохой работы «на своем объекте» его, Пономарева. Впрочем, отчасти это действительно так: если бы 10-15 последних лет работали в МКД по-горбачевски, а не по-пономаревски-брежневски, то положение было бы, наверно, не такое печальное, как сейчас.

12 ноября 85 г.

Видел записку Горбачева о том, как он собирается вести дело с Рейганом в Женеве. Политбюро, естественно, одобрило.

- Не отступать от провозглашенных в Париже позиций плюс дополнения, которые были сделаны для третьего раунда в Женеве.
- Не заводиться по региональным проблемам, но и не поступаться нашим правом «быть солидарными» с «борцами за независимость», не признавать «жизненных интересов» США где угодно.
- Согласиться на то, что это встреча лишь начало большого и регулярного диалога и вообще – «надо уметь жить вместе», мы разные, но надо научиться уважать эту разность.
- Словом, не гневить Рейгана, чтоб не усиливать угрозу, не подыгрывать ястребам.

Был на Секретариате. Обсуждали состояние машиностроения. Аховое. Всего 21 % станков на уровне мировых стандартов, да и то «с натяжкой».

Еще серьезней другой вопрос: о состоянии материальной базы культуры. Положение просто из рук вон. Даже в Москве. Например, в столице столько же театров, сколько их было в 40-ом году, а население с тех пор удвоилось. Если каждый в Советском Союзе захочет сходить в театр, он сможет сделать это лишь один раз в шесть лет.

Число театров по Союзу уменьшилось с 1950 года вдвое: сейчас их 600 с чем-то.

На образование и науку в относительных цифрах расходы уменьшаются с 1960 года, хотя в абсолютных немного растут. И чудовищно отстали от расходов на это дело по сравнению с США, Англией.

Поразило, что сначала Зимянин, а потом и сам Лигачев обрушились на «тезис», которым долго прикрывали урезывание средств на социально-культурные нужды, а именно – оборона! «Надо, конечно! Но надо и покончить с этим предлогом, из-за которого довели дело до такого состояния».

16 ноября 85 г.

На службе текучка и поток информации, главным образом, по встрече в Женеве. Вроде наклевывается совместное коммюнике, довольно миролюбивое. Скорее всего возникнет «дух Женевы», который, конечно, не снимет материальной подготовки к войне, но ослабит конфронтацию, т.е. усилит волю к отказу от войныкак средству политики. Мирное сосуществование по-горбачевски это, в отличие от того, что было у нас до того (что бы мы ни говорили и ни писали, и как бы ни клялись, что мы против войны и политики силы) – это «живи и жить давай другим», всерьез, по-настоящему, без дураков, без попыток надуть, обойти и иметь-таки превосходство.

Б.Н., рассказывая мне о последнем ПБ, «пожаловался», что очень много было кадровых вопросов: и всех «на пенсию», «на пенсию»… , в частности, ликвидировали пять сельскохозяйственных министерств. Словом, бывших становится с каждой неделей все больше, а в возрасте Пономарева уже остались лишь некоторые.

По поводу сделанного мною на 30 страницах Отчета о работе в МКД за межсъездовский период, он мне заявляет: «У меня, мол, крамольная мысль… Может, нам вообще это не представлять? Зачем привлекать внимание? Опять скажут, что положение «плохое» и все это – в наш огород ведь»… Я горячо возразил: «Как раз аргумент, что положение скверное, - в пользу того, чтоб представить. Ведь ваши коллеги в большинстве своем (им ведь некогда вникать в суть) думают об МКД в категориях, какими их когда-то учили в ВПШ, и полагают, что мы можем там командовать и что поэтому положение зависит только от того, хорошо или плохо мы, т.е. Пономарев и Отдел, работаем. Надо, наконец, разъяснить, что того МКД, о котором им читали лекции в ВПШ, давно уже не существует и что от нашей работы ничего не зависит (кроме, конечно, самоизоляции, если мы решим всех открыто обозвать ревизионистами). Ваши коллеги должны, наконец, увидеть реальность и с ее позиции оценивать нашу работу».

17 ноября 85 г.

Гуляли с Митькой по морозу, по переулкам в тылу Б. Пироговки.

А, вернувшись занялся любимым занятием Маркса – перебиранием книг. Много листал Толстого. Перебросился «с его подачи» на Паскаля и Канта. В ряду множества тем, которые естественны при таком занятии, проклюнулась случайно одна, - о славе, в которой многие, особенно увидевшие в себе способности (талант), искали смысл жизни. Паскаль, Толстой и Гоголь – крайние носители отрицания «этой концепции». Однако, все они альтернативу нашли в вере. То есть – никакой альтернативы для «похоти духа» (в отличие от «похоти тела» по словам самого Толстого) не предложили.

Впрочем, сам Лев Николаевич в предисловии к Мопассану, которого он сначала осудил (с позиций чуть ли не «соцреализма»), а спустя 20 лет одобрил и, восхитившись, записал: «Ведь только одна женская любовь стоит того, чтобы жить»… Слава, богатство, на что это, когда нельзя на них купить женской любви. Это – единственная альтернатива… даже, оказывается, в 65 лет.

20 ноября 85 г.

Сочиняем с консультантами речи «для рабочего, колхозника и работницы», которые они произнесут на сессии Верховного Совета СССР по итогам Женевы… Сочиняем, не зная итогов… Но - не только рабочему и колхознику, а и первому секретарю Ленинградского обкома Соловьеву! Здорово мы подготовили кадры верхнего эшелона, которые без «ученых евреев» своими словами не могут сказать о внешней политике своей партии… Хотя Соловьев ведь занимает место Кирова, … даже Жданова…

Пошл по-прежнему Пономарев. Говорит мне, чтоб я делал доклад по Программе КПСС на партсобрании Отдела. Я отвечаю: есть предел человеческих сил. Ведь вот уже вторую неделю один, другие замы - кто где. Куча заданий, в том числе от вас, поток текучки.

Он: Надо, Анатолий Сергеевич, надо, возьмите **мой** (?) доклад в Академии наук. Читали его? (Это то, что я с консультантами писал ему все праздники). Почитайте, почитайте. Там много важного (То ли маразм, то ли наглость, то ли наивное бесстыдство!).

Я: Я так не могу. Вы, знаете, я не люблю публично выступать, Но если уж приходится, выступаю по-своему. И никогда не пользуюсь чужими (!) текстами.

Он: Ну, что вы… Я сам никогда не пользуюсь чужими текстами (о, Боже!), но бывает, приходится иногда, когда нет времени. И вам советую взять мой текст, вон у Балмашнова копия есть.

Представляю себя, как бы я выглядел, если бы зачитал этот, да и любой его текст, пусть даже написанный моей собственной рукой.

Выступал у нас на «вторнике» (это регулярные чтения, на которые в Отдел приглашались ученые или другие знаменитости) Аганбегян. Характеризовал экономическую ситуацию, она у нас по всем параметрам аховая.

На Секретариате ЦК второй раз подряд обсуждаются вопросы материальной базы культуры. Картина просто жалкая.

Увы! Платформа, с которой начал движение Горбачев, совсем дохлая. Дай-то ему Бог сил.

Идут переговоры в Женеве (Горбачев-Рейган). Угадали ли мы с консультантами, сделав (по поручению Лигачева и Пономарева) проекты Постановлений ПБ по итогам Женевы (не зная еще итогов) – один закрытый, другой для печати? Посмотрим.

24 ноября 85 г.

Дух Женевы, знак Женевы. Интервью Горбачева – источник нового понимания политического мира и нас самих. Сумеем ли этим воспользоваться?

Произошло кардинальное: гонка вооружений продолжается, в военном противостоянии ничего не изменилось, а в международных отношениях наметился

перелом, приблизились к признанию, что войны никто не начнет, к пониманию того, что нельзя дальше ее провоцировать ни во имя коммунизма, ни во имя капитализма.

Горбачев возродил надежды, появившиеся после XX съезда.

На совещании замов Б.Н. рассказал о встрече Горбачева в аэропорту. Тот подробно делился, как было дело в Женеве. Он видел сначала пустые, непонимающие глаза президента, который бубнил по бумажке банальности. И только к концу второй встречи удалось наладить человеческий разговор. А в конце концов, Рейган раскололся-таки и даже согласился подписать Совместное заявление. Рассказал Горбачев и о том, как Риган (помощник президента) приходил к нашим и передавал восторги действиями Горбачева, и просил «держать так и дальше, давить на президента, уламывать, растапливать его… к его же пользе».

30 ноября 85 г.

Б.Н., как я уже писал, ужасно суетится, всячески себя демонстрируя при большом (женевском) деле. Правда, с резолюциями по итогам Женевы он оказался прав: оба наших проекта прошли почти без изменений, выдержав конкуренцию и с женевскими экспертами, и с мидовскими вариантами.

Яковлеву поручено возглавить рабочую группу при Горбачеве по подготовке проекта доклада у XXYII съезду КПСС. Он имеет на руках наш октябрьский вариант и просит от Отдела дать в группу одного консультанта. Ан, нет… Б.Н. и здесь засуетился. Подозвал меня и сказал, что он говорил с Яковлевым, что готов выделить ему Ермонского, это, мол, само собой, но и обещал ему сделать еще один, обновленный наш вариант. И тут же поручил мне за три дня его подготовить.

Приходил Арбатов. Он был в Женеве в качестве эксперта. Дал там 37 интервью, говорит, что сошлись две команды там – стенка на стенку: «голуби» (Арбатов, Велихов, Сагдеев) и «ястребы» (Замятин, Корниенко, генерал Червов). Яковлев в роли балансира.

От генерала Кобыша, который тоже там был, стало известно, что Горбачев дал нагоняй Корниенко и Червову за то, что они ковырялись в тексте Совместного заявления, скандалили с американцами по каждому пункту, навязывали им всякие наши формулировочки и чуть было не сорвали все дело – принятие Заявления (кстати, наша инициатива). Что это так, подтверждается репликой Яковлева, который по телефону мне сказал: «Ну, и мудак, этот Корниенко, ну и дубина! Я не знал его таким, думал иначе. А теперь боюсь, как бы МИД не завалили нам весь позитив Женевы».

Я заверил Яковлева, что Корниенко такой и есть и всегда таким был и, что мне не раз пришлось на этой почве с ним сталкиваться на «теоретических» дачах. Но он всегда брал верх, так как действовал под крышей Громыко, при полной монополии МИДа над всей нашей внешней политикой.

Горбачев в Праге информировал лидеров Варшавского договора по итогам Женевы. Он сам, а также Гусак и Ярузельский высказались в пользу изменения стиля самих таких встреч, считая , что нужно покончить с положением, когда происходит обмен монологами и когда продолжают убеждать друг друга в том, в чем все давно убеждены.

Ездили вчера с Б.Н. и Рыкиным (зав. германским сектором) по скульптурным мастерским Москвы. Смотрели варианты памятника Тельману. Один – братьев Артамоновых (это молдавская мафия во главе с Лучинским), другой – Крымова, за который выступает Рыкин и Герберт Мисс. Я тоже аккуратно давил на

Б.Н. в пользу Крымова. Тельман у него в юнгштурмовке. Он, по-моему, хорош, но рассчитан на интеллигентское восприятие и порядочную осведомленность о биографии Тельмана. Массовый прохожий не обязан ее знать. Ему скорее понятен «образ вождя». Это и усек Пономарев. Но Крымову придется дорабатывать, у него Тельман – юноша, тогда, как «фюрером» он стал уже в 40 лет, а посадили его в 48.

8 декабря 85 г.

Б.Н. собрал нас перед отправкой на дачу Горького, чтобы мы за три дня выдали новый вариант к XXYII съезду. Ребята говорили какие-то умные вещи. Пономарев обычные свои банальности, очень далекие от «духа Горбачева». Я заводиться не стал. Бесполезно, думаю: сделаем, как умеем в максимально горбачевском стиле, а он потом пусть уродует как хочет.

Так и поступили. Работали с увлечением. Представил я ему текст в среду вечером, а в четверг он меня вызвал в Москву и показал, как он поправил. Внимательно посмотрел его правку, я пришел к нему и нахально сказал: «Борис Николаевич, бросается в глаза, что вы прицельно на 95 % выбили все те места, которые прямо заимствованы у Горбачева, причем не только мысли, но и раскавыченные фразы, термины, понятия, даже отдельные слова, которые он любит употреблять…

- Но я же не специально!

- Конечно, - успокоил я его.

Пошел к себе и про себя подумал: в этом-то и штука, что не специально. Ты, разумеется, Горбачева внимательно не читаешь и не помнишь ни его слов, ни оборотов речи, но на дух не принимаешь его новаторство, его действительно принципиально новой политики, которая одна только может спасти от войны. Ты не веришь, что у него что-то получится ни во вне, ни внутри. Поэтому ты так безошибочно и вышибаешь все горбачевское из нашего текста. Ты всю жизнь приспосабливался, поэтому и выживал при всех режимах, но на этот раз у тебя не хватает серого вещества, чтобы понять, что происходит, и реалистически оценить, как на тебя смотрят твои коллеги, сам Горбачев, от которых зависит, будешь ли ты впредь на этом месте. Тебя не учит даже опыт Громыко, которого вежливо и почетно выперли из реальной политики – не только потому, что он стар, а потому, что обанкротилась его политика, где он в течение 10 лет почти безраздельно хозяйничал.

Вместо того, чтобы перед съездом заняться, наконец, своим делом – МКД, ты лезешь не в свое дело и вызываешь только раздражение, которое переходит в презрение. Ты даже не постеснялся навязывать себя самого Яковлеву в рабочую группу в Волынское.

Вернувшись к Горбачеву, я довольно нагло пытался восстановить в тексте максимум горбачевского. Добился немногого.

… Один из эпизодов спора – насчет «нового мышления».

- Какое мышление, - воскликнул Б.Н. - У нас правильное мышление. Пусть американцы меняют мышление.

Я показываю текст Горбачева, где черным по белому, что он имеет в виду, говоря о **нашем** новом мышлении.

- Не знаю, не знаю. Это он говорил в Париже, в Женеве – для тех, для Запада!
- Значит, вы считаете это просто демагогия?
- Надо уметь вести борьбу…(??)

Или – о том, что только совершенствованием и изменением своего собственного общества мы можем выиграть в соревновании с империализмом.

Б.Н.: «Это вы, о мирном сосуществовании что ли? Я об этом писал еще в материалах XIX партсъезда. Что тут нового?»

Я: «Новое то, что это понятие звучит теперь по-новому. Сталин тоже говорил, что он за мир и против войны. Ему никто не поверил, а Хрущеву готовы были поверить. Брежнев почти 20 лет разглагольствовал о мирном сосуществовании. Выступал на Конгрессе мира, отвечал на призывы всяких миролюбивых сил, принимал множество миролюбивых делегаций и клялся в своих мирных намерениях. Но ему никто не поверил. А вот Горбачеву сразу поверили. Потому, что сблизил слово и дело».

Б.Н.: «А какие у вас претензии к нашей политике? Что мы космос освоили? Или что ракеты создали межконтинентальные? Вы что - против силы, с которой империализм только и считается?»

В итоге текст был отправлен в пономаревской интерпретации. Я позвонил Ермонскому в Волынское и рассказал ему об этих дискуссиях.

А переживания мои по этому поводу такие: дело не в тексте, в конце концов, и без нас напишут, и напишут не хуже. Дело в том, что стыдно и обидно выглядеть идиотом, как раз тогда, когда началось нечто настоящее. Сколько лет, при Брежневе, мы, международники, ходили в либералах и даже в ревизионистах. Настаивали на свободе и неординарности мысли, а то и действий (в отношении братских партий, социал-демократического и других движений, вообще Запада). То есть мы хотели, ждали, стремились приблизить то, что началось при Горбачеве. И именно теперь мы оказываемся консерваторами и долбоебами… благодаря Пономареву.

14 декабря 85 г.

Невероятная еще год, даже полгода назад раскованность в печати – в газетах, журналах и уже на телевидении (кстати, сегодня сообщили, что снят Лапин).

Больше месяца в «Литературной газете» печатается дискуссия вокруг статьи некоей Карповой «Правда и полуправда». За такое два года назад, как минимум, выгнали бы из партии или из Союза писателей. И какие раскрываются резервы интеллигентности, культуры, профессионального письма, самого русского языка! Взять хотя бы передовицу «Советской России» от 10 декабря, которая напутствует российских писателей перед их съездом…

То есть произошел прорыв духа к правде и остановить это теперь можно, только если начать сажать…

И вот на этом фоне история с «Детьми Арбата», о чем я подробно написал в книге «Шесть лет с Горбачевым», стр. 51-55.

Звонок от одного из зав.сектором оргпартотделом.

- Анатолий Сергеевич, есть решение, чтобы все замы из аппарата ЦК поучаствовали в областных и крупных городских предсъездовских конференциях.

Я: У вас, наверно, есть какая-то разнорядка – кто, где, когда?

Он: Да, я вам пришлю.

Я: А что, все замы от нашего Отдела предусматриваются или только кто-то определенный?

Он: Все, за исключением Загладина. Он идет по другой разнорядке, так как будет избираться делегатом на съезд и в состав ЦК.

Я: Спасибо!

Итак, я, кандидат в члены ЦК, избираться в члены ЦК не буду и, значит, пришел час решать – уходить до съезда с 300 рублями пенсии или потянуть, и через год, побывав в положении задвинутого, «быть уйденным» с двумя сотнями рублей.

<u>23 декабря 85 г.</u>

Только что вернулся с Мальты, где возглавлял делегацию КПСС к коммунистам и лейбористам, которые сейчас там у власти. На обратном пути побывал в Риме.

Сегодня день ликования всей Москвы: снят, наконец, Гришин. Заменен Ельциным.

Вчера Б.Н. отведя меня подальше от телефонов, рассказал полушепотом: «первый» (показал на пальцах, но имени не произнес) потребовал, чтобы Меньшикова (консультант) духу не было в аппарате ЦК. Записали его разговор с американцами в ресторане. Болтал, что он, Меньшиков, сердцевина мозгового треста и поставляет главные идеи Горбачеву. Б.Н. поручил мне трудоустраивать Меньшикова (кстати, его собственная криатура, любимчик). Но, трудоустраивая, причину объяснить нельзя. Подсказал, может к Арбатову в институт? Но как же можно, - возразил я, - когда Арбатов его считает подонком из подонков.

<u>28 декабря 85 г.</u>

Позвонил Разумов, первый зам. оргпартотдела и сказал, что «меня посылают» в Тамбов на областную партконференцию. Там будут и избирать на съезд. А вчера позвонил и первый секретарь Тамбовского обкома. Говорит, что вы там будете «старшим партработником из Москвы» и, что надо будет выступить. Чтобы это значило? Во всяком случае это уже «другой разговор», нежели выше упомянутый на эту тему.

Был я у Арбатова в Барвихе. Он на профилактике после микро-инфаркта. Походили по дорожкам, потрепались. Горбачев прислал ему проект новогоднего обращения к американцам. В тексте, говорит, я увидел твои поправки, о которых ты мне говорил. Текст довольно постный, готовился у Шеварнадзе. Я рассказал Арбатову, что за день до того, разослана по ПБ статья с отпором американцам по региональным проблемам. Пришлось круто править, написано крикливо, визгливо даже, будто не было и Женевы. Министр, видимо, пребывает еще в обаянии дешевой журналистики.

Юрка хвалился, что он подговорил доктора Лауна («Движение врачи за мир») нажимать при встрече с Горбачевым, чтоб тот не отменял с 1 января мораторий на ядерные взрывы. Я читал стенограмму этой встречи. Лаун, действительно, упорно и даже нахально убеждал М.С. не делать этого: будет смазана вся энергия вашей новой политики за полгода, опять перестанут верить. Мне показалось, Горбачев заколебался.

К тому же и Добрынин осмелел: вчера прислал из Вашингтона телеграмму с той же идеей. Думаю, что мораторий все же будет продлен, хотя еще месяц назад было решение ПБ (утверждено письмо Рейгану) о возобновлении взрывов и о пропаганде для «оправдания».

Беляев (зам Шауро, зав. отделом культуры ЦК), тот самый, который разъяснял Рыбакову, что такое его «Дети Арбата», через три дня после этого был переведен на должность редактора «Советской культуры». Таким образом был вынесен за скобки «литературного процесса». Сам Шауро в больнице и, говорят, оттуда на работу уже не выйдет. Его первая замша Туманова накануне пенсии. Словом, полный разгон этого идеологического подцентра, который, кстати, был одним из гонителей любимовского театра на Таганке.

Между прочим, я там познакомился с Василием Романовичем Ситниковым (это крупный чин КГБ, был советником у Андропова, попутно курирует Таганку и часто прикрывал ее от Гришина, Шауро и К°). Красивый, веселый, образованный мужик. Рассказал он мне недавно следующее: Громыко – вор всесветного масштаба. Он и его жена собирали дань со всех посольств и торгпредств за назначение на должность. Громыко знал, что Андропов все про него знает, и, когда тот стал Генсеком, сильно сбавил тон. Но Чебриков, сменивший Андропова, тоже все знает. Громыко обеспечил себе почетное захоронение (когда придет время) тем, что во время сориентировался на Горбачева и объявился его «крестным отцом». Но он знает, что Горбачев теперь тоже все знает.

* * *

Итак, 1985 год – взгляд спустя 17 лет.

Он теперь признан почти всеми как рубеж в истории страны и мира.

Все великие даты условны, особенно они такими выглядят, когда позже люди узнают подробности связанных с ними событий. Так выглядит, например, 25 октября (7 ноября) 1917 года в Петрограде.

Многие согласятся, что в XX столетии 85 и 17 годы сопоставимы по масштабам (не по характеру) своих последствий.

Автор представленных в этом томе дневниковых записей, как и другие, ему подобные, находившиеся поблизости от высшей власти, ждали и хотели больших перемен, понимали их необходимость и уже имели основания связывать их с личностью Горбачева. Тем не менее, никто из них не мог даже отдаленно вообразить, что избрание его Генеральным секретарем ЦК КПСС 11 марта 1985 года[6] и – через месяц – его речь на апрельском Пленуме ЦК положит начало столь грандиозным и трагическим переменам в судьбе страны и мира. Сам Горбачев, как потом не раз признавался, не представлял себе, что, приоткрыв всего лишь створку, он спровоцирует такой напор, который снесет всю, казалось, вечную и несокрушимую советскую плотину.

В 1985 году не были еще произнесены магические слова «перестройка» и «гласность». Во всяком случае, они не стали еще символом начатых преобразований. Не было предпринято и каких–то кардинальных реформ, сильно задевавших общество. Если не считать постановления о борьбе с алкоголизмом, которое в очередной раз (в истории) продемонстрировало, как благое намерение, став государственной политикой, приносит порой зла больше, чем другой преступный замысел. Обоснованная и даже вынужденная мера, включенная в контекст большой политики, оказалась роковой ошибкой.

Но в этом году было осуществлено нечто чрезвычайно важное – изменен **стиль политики.**

---

[6] *В дневнике подробно воспроизведены подлинные события избрания Горбачева, опровергающие домыслы о вариантах и конкурентах.*

Когда на новый стиль Генсека обращали внимание члены ЦК, коллеги, печать, за границей, Горбачев сердился: он считал, что «стиль» – это нечто поверхностное, не достойное его замыслов, боялся, что с такой оценкой он будет выглядеть честолюбцем, оригинальничающим, чтобы не походить на тех, кого он сменил. И ошибся.

В жестко забюрократизированном обществе, закосневшем в правилах и догмах, где к чинопочитанию и законам иерархии привыкли как к непреложным нормам поведения, где страх за сказанное лишнее слово впитался в кровь, где поговорка «я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак» фактически определяла взаимоотношения людей на работе и в жизни,.. и тому подобные вещи, унижавшие достоинство человека, оскорблявшие его здравый смысл, – в таком обществе демонстративный отказ от всего этого, идущий с самого верха, ошеломил людей.

Горбачев выходил на улицу и заводил дискуссию(!) с первопопавшейся толпой,.. чего не бывало с начала 20–х годов.

Он говорил не по бумажке, своими словами, а не казенным языком, отработанным в номенклатурных аппаратах.

Он запретил вывешивать и носить на демонстрациях свои портреты.

Резко, с презрением пресекал, казалось, привычное словословие.

Новый Генсек отбросил «величественные» манеры «вождя» неприступного небожителя, вообще ликвидировал это пагубное наследие царистского инстинкта, укорененного в веках. Предстал перед народом человеком вроде «как все», но… подлинным лидером, которого хотели, по которому давно соскучились.

Горбачев прекратил политические репрессии (хотя и не сразу покончил с последствиями прошлых репрессий). Он убрал страх из общественно–политической атмосферы.

Он добился того, чтобы на Политбюро, в ЦК, на Пленумах, на совещаниях проблемы действительно обсуждались, а не «одобрялись» послушно – не важно, согласен или не согласен…

Он требовал от каждого, поощрял говорить то, что думаешь, даже «резать правду матку». И одергивал тех, кто по привычке или из подхалимажа одергивал осмелившихся это делать. Он разрешил публично критиковать начальство… и – все более высоких рангов.

Горбачев представил стране и миру свою жену как подругу по жизни (с явным вызовом позорному положению жен вождей как бытовой принадлежности, которую непозволительно выводить на публику).

Все это был **стиль,** хотя и делалось это ненароком, не ради стиля, по внутреннему побуждению натуры и «ради высвобождения мозгов», как он говорил. И все это – 1985 год.

В собственно политической сфере 1985 год отмечен, естественно, кадровыми переменами, главным образом, в верхнем эшелоне. Некоторых деятелей Горбачев убирал (увы! Не сразу и не всех, кого надо!). Но делал это не потому, что они не готовы были служить новому «первому», тем более – не по каким–то идеологическим соображениям, а по причине их бездарности, некомпетентности, невежества, «случайности» на их высоких должностях (продукты кумовства Брежнева, Черненко), или в силу того, что они вопиюще дискредитировали себя на своих постах, вызывали заслуженное отвращение в своем окружении и в обществе.

С самого начала Горбачев вознамерился включить в процесс преобразований «человеческий фактор». То есть разбудить в людях энергию, инициативу, энтузиазм. С точки зрения появившейся позже политологии, это означало – дать обществу естественное течение, инспирировать его

«самодвижение». Но общество давно отучено было жить не по указке и вне окаменевших форм его организации. Заблуждение Горбачева понятно – оно от природной демократичности натуры. Тогда всем нам трудно, да и едва ли возможно было понять (тем более – согласиться!), что «естественное» развитие общества не может служить «совершенствованию» и «улучшению» строя («развитой социализм»), который всем надоел и при котором так плохо жилось.

Заметен был и акцент нового Генсека на повышение (и обновление) роли партии. Он – по инерции от самой сути советского строя – рассчитывал сделать КПСС авангардом и мотором реформ… Подобно тому, как в свое время Хрущев, правда, по другим мотивам, противопоставил «государственнику» Маленкову партию, которая при Сталине была в пренебрежении и под колпаком НКВД–КГБ. Прозрение к Горбачеву пришло с большим (и роковым!) опозданием.

1985год был годом выявления (и осознания) реального положения в стране и в мире. В распоряжении руководства страны оказались данные (и о них все меньше стеснялись говорить), свидетельствовавшие по сути о самом настоящем кризисе во всех жизненных областях. Стартовая платформа для глубоких реформ предстала весьма шаткой, а местами полуразрушенной.

Политбюро, Секретариат ЦК принимали, что называется, меры, но они сводились пока к традиционным – «повысить», «потребовать», «наказать», «поднять дисциплину», «показать пример», взывали к совести, сознательности, к долгу коммунистов и т.п.

Интенсивный выход на международную арену с новой внешней политикой диктовался прежде всего тяжелейшим внутриэкономическим состоянием страны. Нужно было срочно менять отношение Запада к Советскому союзу, прекращать конфронтацию, гонку вооружений, высвобождаться от невыносимого бремени ВПК[7] и, может быть, наладить более эффективные внешнеэкономические связи. Сказывался тут попутно (и, пожалуй, главным образом) личностный момент – нравственное неприятие Горбачевым ядерной угрозы всему человечеству.

Здесь перемены обозначились. Но именно в результате «**стиля»,** а отнюдь не каких–то очередных и всем надоевших разоруженческих и декларативных инициатив Москвы, которые тоже имели место.

Горбачев всем своим обликом, поведением, умением вести диалог, убеждать, аргументировать по существу, а не отделываться набившими оскомину банальностями, заронил в лидерах Запада и среди общественности надежду на прекращение наконец холодной войны.

Полагаю, обратило на себя внимание читателя слишком большое место, какое в материалах года занимает международное коммунистическое движение. Объясняется это, конечно, местом работы автора. Но сюжеты, которых он там касается, показательны и для политического процесса того периода.

Во–первых, сам главный персонаж этих сюжетов – Б.Н.Пономарев. Он был, по своим личным качествам и интеллектуальному багажу, далеко не самым скверным в верхнем эшелоне советского правящего слоя, в так называемой элите. Но он – типичная фигура среди деятелей, с которыми Горбачеву пришлось начинать перестройку, причем – не только в Москве, а в масштабах всей партии и государства. И к тому же далеко не у каждого из них были такие консультанты, которые в силу

---

[7] *В материалах дневника, как может заметить читатель, недовольство прожорливостью и давлением ВПК уже в этом, первом году перестройки, начинает проклевываться в выступлениях некоторых членов Политбюро, Секретарей ЦК, что было бы просто кощунственным и наказуемым совсем недавно.*

специфических обстоятельств, находились при Пономареве и пытались как–то корректировать его поведение и действия в горбачевском духе.

Во–вторых, из этой международно–коммунистической тематики дневника видна очень существенная, принципиального значения сторона в положении Советского Союза. Он **объективно** и стремительным темпом переставал быть идеологической державой. …Вследствие того, что МКД давно уже не было реальным фактором мирового развития, потеряло всякую историческую перспективу. Действовала лишь на глазах убывающая инерция. По той же инерции КПСС продолжала изображать из себя ведущую силу МКД. Но делала это – в лице реального руководства, олицетворяемого Горбачевым и его ближайшими тогда соратниками, – все более неохотно, вроде как отдавала дань унаследованному от Ленина и Октября «интернациональному долгу». При этом (вопреки стараниям Пономарева и ему подобных) старалось избавиться от коминтерновских методов отношений с «братскими партиями». Все отчетливее чувствовалась в руководстве и в рядах КПСС неосведомленность в делах комдвижения. И все откровеннее говорилось о том, что пора избавиться от бремени (в том числе и финансового) «старшего брата».

Для практической, особенно новой внешней политики, оно стало ненужным и даже вредным. Компартии уже не могли выполнять роль инструмента не только внешней политики СССР, но даже пропаганды в его защиту. Они окончательно к этому времени разочаровались в нем как «светоче будущего». Впрочем, Горбачев попытался сделать их «просто бескорыстными друзьями».

То же в какой–то степени относилось и к «национально–освободительному движению», особенно впечатляюще это видно на афганской проблеме.

В–третьих, сюжеты, связанные с деятельностью Международного отдела ЦК, развенчивают глубокое, застарелое заблуждение на Западе (отчасти культивируемое ЦРУ и т.п. организациями для целей холодной войны), будто именно здесь был центр подрывной деятельности Москвы, будто Пономарев был тем самым «серым кардиналом», который командовал и разведкой (КГБ), и МИДом, и прочими внешнеполитическими органами, вообще определял всю внешнюю политику СССР.

В–четвертых, наглядно предстает роль и положение «спичрайтеров» в КПСС'овской системе руководства страной, когда политика вырабатывалась и объявлялась главным образом через подготовку речей главных начальников, не способных ни мыслить, ни (как правило) грамотно писать. Эти «аппаратчики» вместе с некоторыми интеллигентами «со стороны», сочиняя речи не для себя, пытались вносить элементы здравого смысла в политику. А попутно, поскольку их и внутри и вовне воспринимали как представителей ЦК(!), своим поведением, образованностью, не всегда ортодоксальными мыслями и словами давали понять urbu et orbi, что, раз поблизости от самого «верха» есть такие люди, значит не все еще безнадежно в этой стране, какой–то человеческий ресурс для горбачевского новаторства имеется.

Таков этот 1985 год, в основном «**год стиля**», изменившего атмосферу в стране и отчасти вовне. Теперь он вспоминается, – по крайней мере, теми, кто тогда с энтузиазмом ринулся в горбачевскую политику, – в некотором даже романтическом ореоле.